

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Маслова Анастасия Владиленовна

Рациональность и интуиция в научном познании

Специальность 09.00.01 – *онтология и теория познания*

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Шульга Елена Николаевна

Москва 2016

Оглавление

Введение	2
Глава первая. Становление европейского рационализма: от образно-символического к дискурсивному мышлению	14
1.1. Специфика образно-символического мышления. Преднаучное знание	15
1.2. Образ мира в эпоху античности: от мифа к логосу. Рациональность архаического мышления	31
1.3. Европейский рационализм и его основополагающие понятия	40
Глава вторая. Ранний европейский рационализм в науках о жизни и о человеке: медицина Галена	53
2.1. Концепция человека в философии Галена	54
2.2. Предпосылки понятийно-рационального знания о жизни и о человеке	72
Глава третья. Научная рациональность и внерациональные способы познания	79
3.1. Интуиция как когнитивная способность. Понятие научной интуиции	81
3.2. Концепция «открытой» рациональности и проблема предпонимания	91
3.2.1. Понимание, предпонимание, интуиция.....	100
3.3. Научная интуиция и рациональность процесса научного исследования.....	116
Заключение.....	136
Список литературы.....	138

Введение

Актуальность избранной темы исследования. Поиск рациональных элементов научного исследования, выявление типов научной рациональности, построение научной картины мира – все это предполагает необходимость философского обоснования наиболее эффективных способов познания. Вместе с тем важно уточнить проявление тех когнитивных механизмов интеллектуальной деятельности человека, которые способствуют реализации и раскрытию его творческого потенциала. На этом пути особое значение приобретает анализ соотношения рациональных и внерациональных аспектов познания, их роли в научной деятельности. Поэтому одной из актуальных тем эпистемологии является изучение такой когнитивной способности, как интуиция, которая раскрывается, в частности, в акте научного познания.

Для современной науки характерна постановка таких проблем, решение которых предполагает участие самых разных дисциплин. Междисциплинарность, которая характерна для современной науки, предполагает обоснование методов и поиск способов познания, которые рассматриваются как наиболее рациональные, приемлемые для решения конкретной проблемы. Это влечет за собой задачу дальнейшей разработки методологии междисциплинарного исследования. Важным подходом в этом случае является адекватность выбранного метода – объекту исследования.

Особое внимание в ситуации, связанной с организацией современного научного знания следует уделить субъективной стороне научной деятельности. Субъективный характер научной деятельности делает актуальным изучение когнитивных способностей, таких, как интуиция, понимание и предпонимание и т.д. наряду с факторами рационального свойства. Это предполагает выяснение фундаментальных оснований процесса научной деятельности, где рациональное и внерациональное оказывается взаимообусловленными. Тем самым

соотношение рационального и интуитивного приобретает особое значение в сфере научного познания.

Степень научной разработанности проблемы. В настоящее время интерес к проблеме рациональности наблюдается как со стороны эпистемологов, так и со стороны философов науки. Этот интерес обусловлен поиском методологических оснований науки. Философы, которые изучают эту проблематику, настаивают на том, что одни и те же методы используются многими дисциплинами. Например, наблюдение, эксперимент, сбор и обработка фактов, выведение определенных закономерностей и т.д. При этом каждая наука добавляет собственные методы и подходы к изучаемому объекту, содействует получению новых знаний и более глубоких результатов в конкретной области. Их характеризуют как новый вклад в науку, причем положительную оценку в философии науки получают, в первую очередь, те рациональные методы, на основании которых получено новое знание.

Так, для философов науки, например, для К. Поппера, рациональным представляется метод проб и ошибок, предположений и опровержений. На потенциал рациональности научной деятельности указывают И. Лакатос, П. Фейерабенд, Т. Кун, Ст. Тулмин и др. Особенности становления европейского рационализма как феномена и, одновременно, как фактора европейской философской мысли в целом находят отражение и в трудах отечественных философов, которые уделяют внимание рациональности научной деятельности, соотношению рационального и иррационального в познании.

Данное диссертационное исследование опирается, в первую очередь, на работы тех философов, которые обосновывают концепцию европейского рационализма и при этом рассматривают эпистемологические условия его зарождения и становления. Такой ракурс исследования рациональности предполагает решение ряда задач: выяснение условий зарождения и развития дискурсивного мышления; его влияние на развитие науки, на становление

научной рациональности; определение роли внерационального фактора в научном познании. Определенный вклад в разработку этой проблематики вносят отечественные философы: Н.С. Автономова, В.А. Лекторский, Е.А. Мамчур, А.Л. Никифоров, П.П. Гайдено, А.С. Карпенко, А.Л. Маркова, Б.И. Пружинин, В.С. Порус, А.Ю. Севальников, В.С. Стёпин, В.С. Швырёв, Е.Н. Шульга и др.

Культурно-исторический контекст рациональности отражен в концепции европейского рационализма. И хотя термин «европейский рационализм» принадлежит польскому философу Анджею Гжегорчику, концепция, которую он обосновывает, опирается на труды представителей Львовско-Варшавской философской школы: К. Твардовский, А. Тарский, К. Айдукевич, С. Лесьневский, Я. Лукасевич, Т. Чежовский и др. Рассмотрение рациональности в русле европейского рационализма позволяет характеризовать его как одно из направлений развития философской мысли. Идея рациональности восходит к античности и характеризуется в русле европейского рационализма как культурный и эпистемологический феномен. Поэтому одной из задач исследования является рассмотрение эволюции рациональности.

Философия на ранних этапах истории во многом была связана с мифопоэтическими и мифологическими воззрениями, которые характерны для древнегреческой культуры. Различным аспектам этого исторического этапа посвящены труды К. Леви-Стросса, Дж. Фрезера, М. Элиаде, Ж-П. Вернана, Е.Р. Доддса, Э. Кассирера, Ф.Х. Кессиди, К. Хюбнера, Ф.Г. Юнгера, А.Ф. Лосева, В.М. Найдыша, А.В. Семушкина, Э. Целлера. Их труды посвящены выявлению историко-культурных предпосылок и эпистемологических оснований рационального мышления, элементы которого обнаруживаются в недрах древнегреческой философской мысли. В диссертации особое внимание уделено уточнению концептуальных положений, связанных с определением когнитивных и эпистемологических условий становления рационального

мышления и формирования научного познания. Этот процесс не был резким скачком к «чистой рациональности». Становление и укрепление рационального подхода по отношению к многообразным объектам познания рассматривается как длительный процесс трансформации мышления от первоначально архаического миропонимания к философскому, от образно-символического к дискурсивному мышлению. Эта тенденция развития рациональности характеризуется в диссертации как смена доминирующих способов объяснения и понимания.

Философский взгляд на мир и рационально обоснованный подход к пониманию действительности способствовал тому, что мифологическое мышление постепенно уходило на периферию. На это обращает внимание, в частности, К. Хюбнер в работе «Критика научного разума», где рассматривается архаическое (мифологическое) мышление. При этом рациональное же мышление характеризуется как связанное непосредственно с появлением философии, свободной от мифа. Эту позицию разделяют многие исследователи. В диссертации проводится мысль о том, что мифологическое древнегреческое мышление обладает особой рациональностью, и появление философии наряду с обоснованным знанием о мире определяется как смена типов рациональности. Именно идея смены рациональности является основополагающей в обосновании концепции европейского рационализма, рассматриваемого в данном диссертационном исследовании.

Наряду с концепцией европейского рационализма, существуют иные концепции рациональности, которые направлены на выявление глубинного смысла человеческой рациональности в связи с ее ролью в научном познании. Так В.С. Швырёв формулирует собственную концепцию рациональности, соотнося «закрытую» рациональность и «открытую» рациональность. В русле этого соотношения, по мнению В.С. Швырева, как раз и происходит процесс научного познания, где роль «открытой» рациональности состоит в создании

новых оснований и предпосылок.

Интересный подход к рациональности формулирует В.А. Лекторский, рассматривая дихотомию классической и неклассической рациональности, придавая рациональности статус ценности культуры.

В.С. Стёпин характеризует исторические этапы развития европейской науки, связывая их непосредственно со сменой типов научной рациональности.

Различным аспектам рациональности посвящены работы современных отечественных философов (А.М. Анисов, А.Ю. Алексеев, В.И. Аршинов, В.А. Бажанов, В.Г. Буданов, В.Л. Васюков, Д.И. Дубровский, А.С. Карпенко, И.Т. Касавин, В.Г. Кузнецов, И.К. Лисеев, Е.А. Мамчур, В.И. Маркин, Л.А. Микешина, В.М. Найдыш, А.А. Огурцов, А.А. Печёнкин, Б.И. Пружинин, В.М. Розин, А.Ю. Севальников, З.А. Сокулер, Г.В. Сорина, П.Д. Тищенко, Е.О. Труфанова, Е.Л. Черткова, Е.Н. Шульга, Б.Г. Юдин, Е.А. Янковская).

Архаическому миропониманию, его специфике и влиянию на развитие философского и научного мышления посвящены работы отечественных философов: И.А. Бесковой, И.А. Герасимовой, И.Т. Касавина, Б.И. Пружинина.

Понимание внутренних механизмов человеческого мышления связано с прояснением внерациональных аспектов познания. Их современной трактовке посвящены работы О.А. Панкратовой, С.И. Масаловой, Е.Н. Князевой, А.С. Кармина, А.С. Майданова, С.И. Гришунина. В особенности этот аспект проблематики интересен в связи с задачей выяснения роли интуиции в научном познании. Интуиция, как способ внерационального познания, рассматривается в диссертации в контексте становления европейского рационализма. Дихотомия интуитивного и рационального приобретает культурно-историческую определенность и раскрывается в акте научного познания. Понимание смысла интуиции и определение ее значения осуществляется на основе интерпретации философских концепций (Аристотель, Р. Декарт, Б. Спиноза, С. Кьеркегор, А. Шопенгауэр, З. Фрейд, А. Бергсон, В. Дильтей), а также на основе конкретных

работ, посвященных интуиции. Это труды М. Бунге, А. Пуанкаре, Г. Селье, Е.Л. Фейнберга, В.Ф. Асмуса, А.С. Кармина.

Проблематика предпонимания рассматривается в контексте философской герменевтики, представленной в работах Ф. Шлейермахера, М. Хайдеггера, В. Дильтея, Г-Г. Гадамера, П. Рикёра, Э. Тисельтона, Э. Фукса, М. Шелера, В.Г. Кузнецова, Е.Н. Шульги.

Для обоснования концепции европейского рационализма важно было показать развитие познания в его движении от образно-символического к дискурсивному способу мышления; вбирает в себя и преобразовывает элементы образно-эмоционального, мифологического мышления, сохраняя отдельные элементы архаического миропонимания в структуре научного и рационального познания, реализуясь через различные тропы и художественные приемы. Проследить взаимодействие рационального и внерационального на примере преднаучного знания являлось одной из важных задач данной диссертации.

В диссертации впервые рассматривается соотношение предпонимания и интеллектуальной интуиции и определяется их роль в рациональном научном познании.

Объектом исследования является рациональность, рассматриваемая в контексте европейского рационализма

Предметом исследования является соотношение рационального и интуитивного в научном познании

Цель и задачи исследования. Цель данного диссертационного исследования состоит в обосновании идеи рациональности, рассматриваемой в контексте европейского рационализма и выяснению роли интуиции в научном познании. Это предполагает последовательное решение конкретных задач, направленных на утверждение идеи взаимосвязи рационального и внерационального, предпонимания и интуиции в научном познании:

- Рассмотреть этапы становления рациональности как движение от

образно-символического к дискурсивному мышлению.

- Выявить рациональные основания преднаучного знания на примере медицины Галена.
- Провести философский анализ концепции европейского рационализма и выявить эволюцию представлений об интуиции в контексте становления научного познания.
- Показать специфику соотношения предпонимания и интуиции, определить их роль в научном познании.

Основные результаты, определившие новизну исследования:

- Показано, что этапы становления рациональности соответствуют эволюции мышления в его движении от образно-символического к дискурсивному способу мышления, и это движение мышления в сторону дискурсивности характеризуется как когнитивная эволюция, как смена типов мышления. При этом элементы образно-символического мировосприятия сохраняются и проявляются в той или иной мере на уровне дискурсивного мышления.
- Впервые медицина Галена характеризуется как образец преднаучного рационального знания. Показано, что успешная деятельность врача предполагает сочетанием знаний в области философии и логики наряду с овладением искусством врачевания.
- Рассмотренные концепции рациональности позволили выявить инварианты научного познания и определить статус научной интуиции. Впервые рассмотрено и проанализировано взаимоотношение интуиции и предпонимания. Сделан вывод, что предпонимание характеризуется как феномен познания, включает в себя интуицию и оба феномена предстают как фундаментальное единство творческого процесса познания.

- Показано, что картина становления европейского рационализма не будет полной без обоснования роли интуиции в научном познании.
- Впервые в обосновании роли интуиции применен феноменолого-герменевтический подход как адекватный специфической целостности проявления научной интуиции и предпонимания.
- Интуиция характеризуется как феномен и как когнитивная способность, которая стимулирует познание и направляет в сторону рационального объяснения. Полученные новые знания нуждаются в новом объяснении, что позволяет характеризовать этот процесс как своеобразный герменевтический круг, в котором происходит взаимодействие понимания и интерпретации.

Методологическая основа исследования. Изучаемая проблематика потребовала обращения к работам по истории философии, истории медицины, философии науки и философской герменевтики. В диссертации применялись подходы и принципы, разработанные онтологией, эпистемологией и философией науки. Прежде всего, это *сравнительный метод* анализа, на основании которого было проведено сопоставление различных концепций рациональности. *Принцип объективности* способствовал непредвзятой оценке изучаемых источников. Особое значение имел *герменевтический подход* как важный метод интерпретации изучаемого материала, концептуальных положений, касающихся типологии рациональности и проблемы соотношения рационального и иррационального. *Эволюционный подход* позволил выявить когнитивные основания рациональности, обращаясь к истоку зарождения дискурсивного мышления. *Когнитивный подход* в описании реального процесса научного познания был дополнен *феноменолого-герменевтическим подходом*, впервые примененным в данной исследовании по отношению к анализу интуиции.

Положения, выносимые на защиту:

1. Показано, что решение проблемы взаимосвязи рационального и интуитивного в научном познании предполагает поиск его эпистемологических оснований. Появление рационального обоснования на эпистемологическом уровне квалифицируется как переход от образно-символического к дискурсивному, понятийному мышлению, и эту тенденцию подтверждает история становления европейского рационализма.
2. Древнегреческий миф содержит рациональные элементы мышления, которые выражаются в системе образов божеств и их атрибутов. При этом для архаического мышления, в недрах которого возникает миф, доминирующими когнитивными способностями являются воображение, образно-символическое представление и интуиция. Таким образом, уже древнегреческий миф представляет собой образец соотношения рационального и внерационального аспектов познания.
3. Показано, что в качестве образца преднаучного рационального знания выступает медицина Галена. Именно в трудах Галена обнаруживается указание на необходимость овладения логикой и философией для целей наилучшего врачевания. Сочетание строгого логического мышления с овладением практическими навыками врачевания подтверждает наличие взаимосвязи рациональности и интуиции в самом процессе научно-практической деятельности врача.
4. Появление и дальнейшее оформление науки в ее новоевропейском виде подразумевает смену рациональности, которая определяется как классическая или закрытая рациональность. Реальный процесс познания не может быть описан в полной мере в рамках этой рациональности, поэтому необходим выход за ее пределы. Понимание рациональности как открытой структуры позволяет рассматривать проявления внерационального в познании как его конструктивный элемент.

5. Введение категории предпонимания уточняет взаимодействие интуиции и рациональности на субъективном уровне. Соотношение предпонимания и интуиции характеризуется как проявление опыта герменевтического анализа на уровне схватывания смысла и придание ему затем рационального объяснения. Так происходит выход (или прыжок) из герменевтического круга к рациональному объяснению. Этот феноменолого-герменевтический подход уместен по отношению к научному знанию в целом, развитие которого происходит от образно-эмоционального, холистического мировосприятия к дискурсивному мышлению.

Теоретическое значение работы

В диссертации выделяется и получает обоснование *феноменолого-герменевтический* подход как эффективный для объяснения специфики соотношения рационального и иррационального в познании. В качестве основания используется такая когнитивная способность мышления как интуиция, которой придается новый смысл и самостоятельное содержание, которое содержится в понятии «научная интуиция». Выясняется роль предпонимания как важного элемента процесса познания в связи с согласованием условий объяснения внутреннего процесса познавательной деятельности, где предпонимание и интуиция предстают как целостность. Сочетание интуиции и предпонимания получает эпистемологическую характеристику с точки зрения эффективности научной деятельности.

Практическое значение работы

Материалы диссертации, ее отдельные положения могут быть использованы в курсе преподавания теории познания, в разделах: «Становление рациональности и методология научной исследования», а также в курсе лекций истории и философии науки по темам: «Философские основания медицины Галена», «Концепция европейского рационализма».

Апробация результатов исследования.

Диссертация обсуждена на заседании сектора теории познания Института философии РАН совместно с кафедрой Эпистемологии и логики Государственного Академического Университета Гуманитарных Наук и рекомендована к защите. Основные результаты исследования обсуждены со специалистами и представлены научному сообществу в виде докладов и выступлений.

Результаты исследования были опубликованы автором в пяти научных статьях и публикациях, из которых четыре статьи в реферируемых журналах, рекомендуемых ВАК.

1. Доклад *«Философские проблемы интуиции»* на Всероссийской конференции *«Философские проблемы биологии и медицины»*. Москва, 22 октября 2014.
2. Участие в международной конференции *«Гален: историческая судьба и задача научных исследований»*. Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М.Сеченова. 20-21 ноября 2014г.
3. Доклад *«Проблема природы познания в креативной эпистемологии»* / Ломоносов-2015. Секция онтологии и теории познания. МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, апрель 2015.
4. Доклад *«Феномен европейского рационализма и его основополагающие понятия»* / Ломоносов 2016. Секция онтологии и теории познания. МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, апрель 2016.
5. Доклад *«Эволюция представлений об интуиции в контексте становления европейского рационализма»* на международной конференции *Диалог культур в эпоху глобальных рисков*. Белоруссия, Минск, 17-18 мая 2016.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Глава первая. Становление европейского рационализма: от образно-символического к дискурсивному мышлению

Глава посвящена рассмотрению природы образно-символического мышления в его движении к дискурсивному. Дискурсивное мышление представлено в контексте становления европейского рационализма, элементы которого обнаруживаются уже в недрах древнегреческой философской мысли. Актуальность использования результатов греческих философов связаны с пониманием той интеллектуальной революции, которая произошла в VI веке до н.э. и затем дала толчок становлению европейского рационализма как направления со своим особым понятийным языком и проблематикой философии в целом.

Первые, наиболее общие понятия: «космос», «логос», «энтелехия» и т.д. явно указывают на становление понятийного языка и соответствующего стиля мышления, который преодолевал религиозное понимание и объяснение наблюдаемых процессов и явлений природы. При этом, «возникновение космоса и других естественных явлений ионийские “физики”, – отмечает Ж.-П. Вернан, – объясняли чисто рациональными причинами и в отрыве от религии»¹. Это, в свою очередь, способствовало появлению нового направления в познавательных поисках мыслителей, объединивших философию и «науку» в общем поиске первопричин порядка вещей. Именно с милетской школы идея космического порядка получает рациональное объяснение. Отныне космос подчиняется закону, правилу(*nomos*), порядку, в соответствии с которым ни один из элементов его не может рассматриваться как обладающий властью (*kratos*) над установленным порядком вещей, природных процессов и стихий. Такой взгляд стимулировал дальнейшее развитие рационального подхода к миру, где умопостигаемый, упорядоченный космос, и картина наблюдаемой

¹ Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли: Пер. с фр./ Общ.ред. Ф.Х.Кессиди, А.П.Юшкевича. М.: Прогресс. 1988. С. 13.

вселенной предстают как взаимосвязанные части единого целого. Эпистемологическое значение этих идей состоит в том, что они повлияли на развитие целого направления исследований внутри философии – философии природы. Именно в недрах натурфилософии можно обнаружить систему рациональных понятий, что, в целом, позволяет рассматривать этот исторический этап философии как начало европейского рационализма. На первых его этапах для него характерна экстраполяция подходов, используемых по отношению к объектам природы – на человека, нацеленность на познание основ природы человека и выявление специфики его мышления и познания.

1.1.Специфика образно-символического мышления. Преднаучное знание

Проблема рациональности как способа организации философского и научного знания имеет свою историю. Начала рациональности лежат в философской и научной мысли на самых ранних этапах их развития.

Проблема рациональности связана непосредственно со становлением преднаучного знания, соединяющего в себе естественнонаучное объяснение процессов наблюдаемой действительности с философским пониманием сущности самих этих процессов, в том числе, в их приложении к специфике процесса познания. Здесь следует обратить внимание на то, что уже первые мыслители древности, описывая стихии природы и космос в целом, рассказывая о происхождении мира и определяя место человека в нем, как это делали, например, Гомер и Гесиод, широко использовали сюжеты мифологического повествования, придавая ему философский, понятийный смысл. Однако образно-символический язык повествования у Гомера использовался не в ущерб обоснованию идеи гармонии и мирового порядка, который мы находим у Гесиода, и который построен на принципах симметрии, равновесия, равенства между элементами природного космоса, возрождения порядка из хаоса.

Первые общенаучные, а точнее говоря, донаучные рациональные понятия объясняли сложную природу организации мира, и использовались для объяснения всей предыстории становления человечества.

Основную тенденцию в использовании общих понятий, их роль в становлении европейского рационализма как особого направления внутри европейской философской мысли мы можем характеризовать как постепенный отход от религиозного объяснения порядка вещей. И хотя мифология и мифопоэтическое объяснение в целом продолжают сохраняться в менталитете греков, отделившись от религиозного мышления и телеологического объяснения, разум и рациональное объяснение продолжают сохранять тесную связь с мифом еще долгое время. При этом все очевиднее становится тенденция к рациональному объяснению природы и человека. Суть его состоит в том, что оно превосходит миф в своем движении от образно-эмоционального к дискурсивному мышлению, закрепляя за дискурсивным мышлением элементы понятийного языка (как научного, так и философского смысла). Такого рода секуляризация, когда «естественная религия вытесняется дискурсивной и более точной формой мысли, а именно философией»², обеспечила в конечном итоге превосходство философии над мифологией, и при этом становление понятийного языка стимулировало формирование научных подходов к объяснению феноменов человеческого познания и мышления.

Следует пояснить, что использование преимущественно мифологических образов для объяснения сложных процессов и явлений природы, событий истории и взаимоотношений людей мы относим к архаическому типу мышления. Особенность его состоит в том, что в объяснении сложных процессов познания и мышления философы использовали прием рассуждения по аналогии. Так, посредством аналогии проводится параллель между космическим порядком, гармонией и внутренней, душевной жизнью человека.

² Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М.: Российская академия наук ИФ РАН. С.24.

При этом к объяснению сущности человеческого познания применяются те же критерии гармонии и порядка, которые наблюдаются в природе. На этом фоне «Боги, которые были непосредственным олицетворением космического ритма, являлись также олицетворением порядка в человеческом обществе»³. Вместе с тем, природные катаклизмы и стихийные бедствия характеризуются как нарушение предустановленного порядка в природе. Эти нарушения рассматриваются как проявления дисгармонии, ассоциированные со злом, которое существует в мире людей, в обществе. Тем самым понятие «зло» приобретает этическую нагруженность и рассматривается как одно из первых понятий с философским смыслом.

Особенность первоначального этапа становления философской мысли такова, что в ней находит отражение сочетание и согласование рационального и религиозно-мистического объяснения мира, и где целостность архаического миропонимания реконструируется на основании реконструкции смысла и его отдельных элементов. В целом же для архаического миропонимания характерна тенденция к множественности понимания смысла одного и того же образа, ритуального действия или сюжета того или иного мифа, придания смысла действиям богов и героев, интерпретируемых в зависимости от контекста. Такая множественность смысла, с одной стороны, стимулировала поиск рациональных аргументов, наиболее простых для понимания людей, как это делали, например, странствующие учителя и переводчики Гомера, по текстам которого обучали не только мифологии, но истории народа, рассматривая поступки героев как образец для подражания, или, напротив, указывая на то, чему не стоит подражать. Например, некоторым поступкам богов.

Не случайно и то, что воззрение на природу, которые восходят к идее богопочитания в доэллиническую эпоху, затем были этически укоренены в миропонимании и преобразованы. «Боги, – как пишет Э. Целлер, – были

³ Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М.: Российская академия наук ИФ РАН. 2002. С.26.

возвышены до значения нравственных сил, идеалов человеческой деятельности и человеческих отношений; и если религия как таковая и в мистериях, и в публичном культе не вышла за пределы антропоморфического политеизма, то она все же содержала в себе жизнеспособные зародыши, которые достаточно было только развить, чтобы вывести их за эти пределы»⁴. С одной стороны, это способствовало поддержанию религиозного чувства, закрепляемого в ритуалах и мистериях, а с другой стороны, все отчетливее утверждалось превосходство рационального, дискурсивного мышления над архаическим миропониманием.

Однако элементы архаики сохраняются, обнаруживая себя на обыденном уровне мировосприятия. Но и это имеет рациональное объяснение. Дело в том, что обычное сознание (не научное, не философское) ищет истину отчасти в восприятии, отчасти в представлении или мнении (*doxa*). Практический характер направленности познания выражается в становлении истин морали, в этике повседневной жизни человека, наряду с господствующими нравственными принципами, характерными для данной исторической эпохи. Отыскивая рациональные доводы и рациональные основания для утверждения ценности истинного знания и преимуществ такого рода знания над обыденным, греческие философы приходят к мысли о необходимости различать этапы познавательной деятельности и типы знания.

Так, рассуждая о специфике восприятия и противопоставляя его представлению, Платон подчеркивает, что знание опирается не только на восприятие или на представление, даже если оно *правильное* (термин Платона). Правильное представление лежит посередине между знанием и незнанием (Платон. «Менон», 97). Более того, представление может быть истинным или ложным и приводить к заблуждению, в то время как знание всегда истинно.

⁴Целлер Эдуард. Очерк истории греческой философии / пер. с нем. С.Л.Франка. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012. С.26.

В этом же контексте, рассуждая по аналогии, Платон говорит о добродетели. По Платону, добродетель опирается не на знание как таковое, а на правильное представление и на привычку. Однако проявление добродетели подвержено случаю («Менон» 89D); человек проявляет добродетель в виде добра, но в иных случаях – в форме зла. Например, по отношению к друзьям он демонстрирует добро, а к врагам – зло, и в целом действует в соответствии с теми нравственными требованиями, которые восходят либо к представлению об удовольствии, либо к представлению о пользе. Однако только знание (как таковое) дает верное основание правильного добродетельного поведения.

Так, отношение человека к удовольствию как высшей цели жизни может привести к вседозволенности, а вседозволенность есть не что иное, как смешение понятия о добре с тем, что человеку нравится, или не нравится. Поэтому лишь философия определяет то, что является безусловной ценностью для человека, и этой безусловной ценностью человеческого бытия является его нравственность. «Корнем ее является эрос, стремление смертного возвыситься до бессмертия – стремление, которое, переходя постепенно от чувственного к духовному, от единичного к общему, находит свою истинную цель в созерцании и изображении идей»⁵. Средством познания в этом случае является отвлеченное мышление, *диалектическое* (в понимании Платона). С одной стороны, познание направлено на образование понятий и характеризуется как результат восхождения от единичного к всеобщему, от причинно-обусловленного – к безусловному. С другой стороны – это движение от общего к частному, посредством промежуточных звеньев в цепи рассуждений о конкретном предмете. Тем самым философия рассматривается как особый тип знания и, одновременно, способ познания, который объединяет всякое знание о предмете на том основании, что оно *правильно осуществляется* и нацелено на

⁵ Целлер Эдуард Очерк истории греческой философии / пер. с нем. С.Л.Франка. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012. С.132.

выполнение нравственных задач, соединяя в себе внерациональные и рациональные аспекты познания.

Среди известных способов и методов рассуждения таких, как, индукция, дедукция, философы античности широко применяли аналогию, в частности, в объяснении сложных явлений и процессов. Первые философы, изучавшие и комментировавшие мифы, исходят из чисто человеческого понимания событий, воспетых в мифах, и приписывают богам чисто человеческие качества. Однако уже с появлением первых систематических опытов философского понимания и истолкования мира и происхождения человека, можно обнаружить ту широту представлений, которая согласуется с первыми абстрактными понятиями. «Например, Зевс, в понимании орфиков, – пишет Е.Н.Шульга, – это жизнь, Кронос – время, Пан – символ «всего», Деметра – мать «всего». Орфеотелесты (посвященные жрецы) учили, что Зевс породил *Диониса Лисея* (т.е. *Диониса Отрепшителя*), чтобы освободить душу, заключенную в человеческом теле как в гробнице и приготовить ей путь к вечному блаженству»⁶.

Итак, появление такого рода толкования знаний свидетельствует о том, что уже в русле мифопоэтического миропонимания зарождается абстрактное мышление, что выражается, в частности в объяснении телесных явлений как связанных с духовной сферой. Интересно отметить не просто преимущества образного объяснения как свидетельство доминирования образного мышления над абстрактным, но на этом фоне становится очевидным использование и определенных способов объяснения действительности, которые мы можем характеризовать сегодня как рациональные. В частности, к таковым относятся *рассуждения по аналогии*, наряду с широким использованием метафорического языка. Эти способы рассуждения (аналогия и метафора) сохраняют свой исследовательский статус и могут характеризоваться как эффективный способ познания природы человека.

⁶ Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М.: Российская академия наук ИФ РАН. 2002. С.74.

Конечно, познание природы человека, объяснение специфики интеллектуальной деятельности имеет длительную историю и «история интеллекта» может рассматриваться с точки зрения «эволюции идей», прежде всего, в контексте философии.

Как рефлексивная форма деятельности ума философия имеет свои предпосылки, связанные с деятельностью не только мифологических персонажей, но конкретных людей. Причем та или иная деятельность людей объясняется как находящаяся под покровительством Муз, дочерей Гармонии, или, согласно Гомеру и Гесиоду, дочерей Мнемозины, т.е. памяти. «Музы, – пишет Ф.Ф. Зелинский – покровительствовали всему умственному труду человека – *amisos* называли того, кто к нему был неспособен: “да не доведется мне жить среди амусии”, – молился некогда Еврипид»⁷. Это, в свою очередь, указывало на первые попытки выделить и специфицировать умственную деятельность, придать ей особый статус. На такое отношение к интеллектуальному труду указывает тот факт, что первые философы, или «семь мудрецов» – это были не просто мыслители, но практики, которые формулировали свои сентенции, соединяя образно-эмоциональное мировосприятие и умозрительное абстрактное объяснение в приложении к действительности. Но «только один из них – Фалес расширил компетенцию мудрости и выступил одновременно как “зачинщик” умозрительного испытания природы, знаменуя тем самым переход от практической (ценностной) рефлексии к рефлексии теоретической, а вместе с этим и переход от обладателя мудрости к её любителю и искателю»⁸.

Итак, первые попытки понять особенность философского мышления и определить философию как особый способ существования, как тип знания, восходят не просто к этимологии слова «философия». Слово «философия»

⁷ Зелинский Ф.Ф. Эллинская религия. Мн.: Экономпресс. 2003. С.62.

⁸ Семушкин А.В. У истоков европейской рациональности. М.: Интерпакс. 1996. С.27.

принадлежит Пифагору, который понимал его буквально как «друг мудрости». «Мудрость для философа должна быть началом и концом всего, но не предметом лишь некоторой склонности или средством для составления карьеры. Мудрость – его владычица, которой он должен отдать всю свою жизнь. Так представлял себе Пифагор философа. Для обозначения «мудрого человека» употреблялось слово σοφός. ... Но Пифагор любил мудрость лишь ради нее самой. Размышлять значило для него развивать в себе высшие свойства человека. ... Таким образом, Пифагор, назвав себя философом, другом мудрости, желал отделить себя от тех, кто видел в этой мудрости не цель, а средство».⁹

Конечно, мудрость представляет собой феномен, который может проявляться как *праксис*, т.е. метод достижения практических целей и, одновременно, сверхчувственная способность, которая выводит философа за пределы практической жизни (этико-правовой области) в область познания, условием которого является философский образ жизни. Этот круг проблем можно характеризовать еще и как выход к проблематике обоснования самой предметной области философии. Тем самым натурфилософская направленность на познание природы, наряду с выяснением сущности человека и сфер его интеллектуальной деятельности (этической, гносеологической и т.д.) в дальнейшем способствуют согласованию научного и философского знания, элементы которого лежат в основе научной рациональности.

Интересно отметить, что наряду с этой тенденцией к рациональности в объяснении мы обнаруживаем другую направленность, которая находит отражение в образе «богословствующих мыслителей» (термин Аристотеля), прежде всего, это Акусилаи, Лиина, Мусей, Эпименид, Ферекид, Орфей. Все эти мыслители названы *богословствующими* в связи с предметом их рефлексивных поисков ответа на вопрос: чем является душа человека, и, как

⁹ Дж. Г. Льюис История философии. СПб. 1892. С.42.

следствие, что представляет собой духовный мир и каковы его метафизические основания. Так, согласно орфикам, душа является пленницей тела и может быть освобождена из него. Однако именно используемые методы познания, позволили Аристотелю приравнять орфиков к *философам*. На это указывает сам факт признания в человеке самосознания наряду с бессмертной душой. Более того, «личность, – как отмечает Шульга, – представлялась наследницей персональной истории и непрекращающегося эволюционного пути – всегда становящуюся и улучшающуюся в этой и иных жизнях до тех пор, пока она не станет подобной Богу»¹⁰.

В целом, все это дает основание рассматривать концепцию орфиков как образец становления основного понятийного аппарата философской онтологии на ее *предфилософском* уровне. При этом направленность на познание глубинных основ природы человека не снимает значения этической направленности любых последующих философских выводов, что мы особо подчеркнем, когда будет рассматриваться вопрос о телесной природе человека в контексте медицины Галена. Важный аспект познания телесной природы человека связан с практическими задачами лечения болезней и врачеванием в целом как особой деятельностью. Именно философы все чаще говорят о человеке в связи с его телесной организацией, что не снижает интереса к познанию особенностей человеческого мышления. Такой подход к человеку приводит к пониманию его двойственной природы – духовной и телесной, стимулируется задачами практического характера и опосредует развитие рационального мышления. Изучается не только телесное в человеке, или соматическое, но философскому осмыслению подлежит определение тех условий жизни, без которых само понятие о человеке потеряло бы всякий смысл. Телесное и духовное, таким образом, оказываются в центре внимания как врачей, которые наблюдают за развитием болезни, оказывая помощь в преодолении недуга, так и

¹⁰ Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М.: Российская академия наук ИФ РАН, 2002. С. 75.

философов. При этом социальный статус врача в обществе приравнивается к статусу философа, мудреца и целителя.

Рассматривая медицину как образец рационального познания, нельзя не отметить, что медицина развивалась на фоне тех традиционных мифологических и религиозных воззрений, которые сопутствовали становлению европейского рационализма в самых его истоках, закладывая основы *преднаучного* знания. Этот процесс развития рационального познания, эволюция знания в его движении от мифа к Логосу мы проследим на примере медицины Галена как одной из первых систематических наук о человеке и его телесной организации.

Для античности характерен целостный взгляд на мир, он служит цели объяснения наблюдаемого единства человека и мира, где боги все еще играют конструктивную роль – мир отдан во власть и попечение богов, а человек включен в структуру этого целостного образа мира. Это находит отражение в конкретных представлениях о человеке. Так, за *телесное* здоровье несет ответственность и покровительствует врачеванию бог Асклепий. Он утвердился в Афинах в образе Священной Змеи, и этот образ стал символом врачевания.

Культ Асклепия и его символика можно характеризовать как включение архаического элемента миропонимания в систему конкретного знания. В эпоху античности медицина как род практического знания формируется под сильным влиянием философии, которая развивает собственные рациональные методы и опирается еще во многом на холистическое, целостное восприятие мира. Подчеркну, что холистическое восприятие мира подразумевает особое *чувство времени*; при этом время воспринимается как цикл сменяющих друг друга природных явлений, повторяющихся с определенной последовательностью и закономерностью, что как раз направляет восприятие его в контексте вечного повторения.

Внутри такого целостного восприятия сам человек и циклы его жизни рассматриваются как подчиняющиеся ритму универсума. Однако для архаического мировосприятия эти ритмы не случайны, и они подчинены конкретному богу, титану Кроносу, т.е. времени. Тонкую грань восприятия сменяющихся циклов и времен (не только времен года, но и возрастных процессов), может уловить лишь тот человек, которому даровано *чувство времени* (при условии проявления такого рода дарования). В целом такое архаическое мировосприятие, где сохраняются элементы мифологического и образно-символического объяснения и мышления, например, в понимании организации человека телесного и духовного, оказывает влияние на формирование многообразных способов освоения действительности.

Причем этот тип мировосприятия оказывает влияние на формирование конкретной деятельности, направленной, в частности, на познание «человека телесного», в связи с преодолением и лечением недугов, их классификации и систематизации способов лечения. Поэтому стоит отметить, что врачевание имеет собственную интересную *предысторию*, связанную с поиском эффективных способов лечения. При этом основы медицины закладываются в недрах античной философской мысли с ее нацеленностью на сочетание образно-символического и дискурсивного мышления. И если образно-символическое объяснение находит реализацию в различных сферах духовной деятельности (в различных видах искусства), то дискурсивность мышления проявляется понятийном языке науки, формируя, тем самым, теоретическое знание.

Историю искусства врачевания мы можем реконструировать, анализируя те культурно-исторические традиции, о которых сохранились сведения и письменные источники, памятники культуры. Об этом более подробно речь пойдет во второй главе моей диссертации. На этом этапе исследования еще раз хочу обратить внимание на конкретные факты, подтверждающие мысль о том,

как осуществлялся процесс познания, обращаясь к малоизвестным видам творческой деятельности человека эпохи античности.

Отмечу, что в раннерелигиозных традициях Древней Греции особое место занимают *мистерии* как деятельность, которая включает в себя религию, ритуал и философию. Мистерия выступает как особое ритуально-мистическое действо, сакральный смысл которого осознается как визуализация определенной идеи, ради которой он и происходит. Осознание человеком («клиентом») смысла этой идеи посредством ритуала призвано врачевать и даже исцелять как тело человека, так и его душу. Таким образом, мистерия является способом исцеления человека посредством участия в ритуально-мистическом действии.

«Случается иногда, – пишет М. Элиаде, – что торжественное чтение космогонического мифа используется для излечения некоторых болезней и дефектов»¹¹. Более того, личное участие в таком действии с чтением текста определенного содержания способствует полному погружению в смысл мистерии, благодаря чему у человека раскрывается особая интеллектуальная и когнитивная способность – это способность *припоминания*.

Тем самым, *припоминание* рассматривается как один из эффективных способов получения знания и даже как метод познания (например, в герменевтике), где он сопряжен с внутренним мысленным проживанием какого-то процесса (например, мифологического сюжета), сопереживанием ему. Такое припоминание как *соучастие*, проживание смысла в процессе чтения текста рассматривается как погружение в его контекст. В конечном итоге, погружение в контекст во время ритуала способствует исцелению, восстановлению физических и духовных сил человека, раскрытию его внутренних ресурсов.

Такое архаическое представление о способах врачевания происходит из мировосприятия, которое, например, И.А. Герасимова именует «архаическим

¹¹ Элиаде Мирча Аспекты мифа / Пер. с франц. М.: Академический проект, 2001. С.56.

ритмомышлением»¹², где ритм предстает как важная категория в объяснении природы человека. На мой взгляд, ритм как пульсация мысли и воображения (что как раз и есть «ритмомышление») в случае мистерии, является способом погружения в сверхсознательное и даже прорывом к трансцендентному.

В случае чтения-слушания текста с космогоническим содержанием человек ассоциирует себя с событиями, которые передает, отождествляет *себя с миром*, и в целом процесс зарождения которого переживается в сознании как заново творящийся в себе самом. При этом *восприятие себя* актуализируется всякий раз заново и в момент экстаза может наступить катарсис как ощущение полной гармонии души и тела. Так происходит процесс обновления и оздоровления человеческого тела, и этот способ врачевания остается популярным в течение многих веков и для многих народов.

Современные исследователи связывают этот вид исцеления с особым способом получения информации о мире, скрытой от непосвященного, в основе которого, как отмечает И.А. Бескова, «лежала полная, всеобъемлющая включенность человека в универсум, обусловленная его единой с миром глубинной природой, вследствие чего для него оказывалось возможным *познание как прямое непосредственное усмотрение происходящего в другом как во-мне-самом совершающегося*»¹³.

Для целей моей диссертации важно еще раз подчеркнуть ценность архаического способа понимания мира в связи с тем значением, которое античность придает ритуалу и тексту, способам понимания сакрального смысла. В поиске понимания (себя, другого) состоит одна из задач врачевания – как физического тела, так и души. Лечение души как раз и происходит, в частности, посредством чтения текстов и/или участия в ритуально-мистических действиях. В дальнейшем отношении к тексту утверждает эту идею, рассматривая

¹² Герасимова И.А. Танец: эволюция кинестезического мышления. М.: Языки русской культуры, 200. С.111.

¹³ Бескова И.А. Феномен интегральной телесности И.А.Бескова, Е.Н.Князева, Д.А.Бескова // Природа и образы телесности/. М.: Прогресс-традиция, 2011. С.248.

писательство, создание философских, религиозных и литературных текстов как важный способ реализации человеческого интеллектуального потенциала, раскрытие его личности и т.д.

Важно подчеркнуть значение рассмотренного исторического этапа, в недрах которого уже просматриваются определенные рациональные элементы представлений о телесно-духовной организации человека. Мистицизм культа и ритуал мистерии мы можем сегодня характеризовать как образец интуитивного опыта погружения в область за пределами разума и рационального мышления. Ценность этого знания о человеке и его когнитивных особенностях мы можем характеризовать как первый опыт овладения сверхрациональным знанием посредством интуитивного способа познания. Кроме того, интересен сам способ передачи (и сохранения сакральности) знания через символику ритуального действия, направленного на исцеление души и тела, наряду с усвоением смысла, которым овладевал человек. Тем самым религиозный и философский смысл знания в форме мистерий в конечном итоге способствовал развитию познавательных способностей человека и при этом был направлен на трансляцию культурных смыслов, как определенных универсалий познания через действие. Конечно, такая практика теряла свое значение. Философия вытеснила мистерии.

Особое значение для моей диссертационной работы имеет проблема соотношения рационального и внерационального в связи с формированием науки, в качестве образца я буду рассматривать становление европейского рационализма как феномена, сопряженного с формированием конкретного научного знания и образцом такого выступает медицина.

Распространение натурфилософских идей, в особенности, в связи с задачей лечения недугов, болезней, ран, поддержанием гигиены тела и здоровья человека в целом стимулировало развитие медицины. Именно в практике врачевания наиболее ярко прослеживается связь рационального и

внерационального. Дело в том, что врач в своей конкретной деятельности опирается не столько на интуицию, сколько на конкретные знания, полученные практическим путем, в процессе изучения строения тела человека и функционирования организма. При этом он во многом следует философии, в частности, в ее этическом аспекте. Например, в вопросах жизни и смерти, подхода к исследованию тела человека, в вопросах диагностики, в поиске способов взаимодействия врача и пациента и т.д.

Особое значение в определении медицины как синтезирующей разные типы знания имеет круг вопросов, связанных с проблемы обоснования дискурсивного мышления как одного из элементов целостного подхода к познанию человека. Такой аспект исследования позволяет проследить эволюцию представлений о человеке, его телесной организации, болезнях и способах лечения в связи с совершенствованием знания в области познания человека и его природы.

Рассматривая эти вопросы, я буду опираться на представление о том, как осуществляется развитие научного знания, в частности, в связи с его проблемной направленностью. Становление нового знания происходит благодаря тому, что элементы предыдущего опыта познания сохраняют свою эвристическую ценность в последующем. Этот принцип касается как общефилософского направления исследований, так и эмпирической составляющей научного знания, в частности, в познании двойственной природы человека. Под «двойственностью» процесса познания будем понимать наличие рациональных и внерациональных элементов познания. Для уточнения смысла и содержания этих аспектов процесса понимания и познания обратимся к философскому наследию.

Так, Аристотель признает как рациональные элементы познания, так и внерациональные формы мышления, используя образно-символическое объяснение того, что скрыто в человеке. Так в работах «О душе», «Об исцелении» философ говорит об относительной самостоятельности души, на

том основании, что душа способна покидать тело во время сновидений. Поэтому резкое пробуждение ото сна как прекращение сюжета сновидения опасно для жизни и здоровья человека. На мой взгляд, этот пример связан с признанием двойственной природы человека: внешней (телесной) и внутренней (скрытой). В дальнейшем философы размышляют о специфике мышления и познания, заменяя понятие «душа» конкретными представлениями о когнитивных способностях человеческого сознания и рассуждают об эпифеноменах.

Эволюция рациональности сопряжена с эволюцией человеческого мышления и развития форм и способов познания. Признание скрытых элементов деятельности, которым придавали характер мистического начала в человеке – такое понимание поддерживается философами на протяжении многих веков. При этом образно-символическое мышление предшествует становлению дискурсивного мышления, сохраняя в познании элементы этих типов мышления.

Взгляд на человека как на сложноорганизованное целое характерен для современного этапа рациональности, но он не противоречит пониманию того, что элементы архаического миропонимания могут проявляться в современной науке и миропонимании в целом. Вместе с тем зачатки представления о человеке как о сложноорганизованном целом обнаруживаются на протяжении всего этапа становления европейского рационализма.

1.2. Образ мира в эпоху античности: от мифа к логосу. Рациональность архаического мышления

Обращение к истории философии дает богатый материал для обоснования концепции европейского рационализма, идеи которого восходят к древнегреческой философской мысли, которая имеет свое начало в единстве мифологического и рационального. Так, рассматривая сущность мифологического мышления, мы обнаруживаем в его недрах зерна рационалистического толкования мира. Не случайно, как отмечает А.В. Семушкин, «Наряду с религиозно-поэтическим воображением в мифологии все явственнее обнаруживается ее подпочвенный конструктивный слой, или, как назвал его М. Лифшиц, “логомифия” – рациональная и внутренне организованная структура мифопоэтического мышления»¹⁴.

Это внутреннее глубинное основание мифа постепенно раскрывалось и пробивалось через множество слоев ярких образов сюжетного каскада мифов, которые стали импульсом для создания нового, рационально обоснованного и философского способа постижения мира и человека в нем. По меткому замечанию К. Хюбнера, «боги есть суть а ргіогі древних греков» и через динамические образы богов миф «артикулирует и упорядочивает мир вообще»¹⁵. Более того, «миф обладает собственной рациональностью, которая реализуется в рамках собственных понятий об опыте и разуме. Соответственно миф обладает своей собственной формой систематической гармонизации: он упорядочивает явления в их взаимосвязи, использует «логику» своего алфавита и свои фундаментальные структуры (Gestalten)»¹⁶. Однако миф на пути к науке должен быть преодолен и одним из этапов такого преодоления является возникновение логоса как переходной стадии и, одновременно, новой формы упорядочивания и осмысления мира.

¹⁴ Семушкин А.В. У истоков европейской рациональности. М.: Интерпакс. 1996. С.18.

¹⁵ Хюбнер К. Критика научного разума М.: Российская академия наук. Институт философии. 1994. С.306.

¹⁶ Там же. С. 320.

Фалес и Анаксимандр говорили о единой основе мира, Ксенофан – о Боге, который слит с космосом. Тем не менее, живое многообразие мира философы не отрицали, наконец, в монизме Парменида стали обрисовываться очертания будущего учения Платона о двух мирах – видимом и идеальном. Актуальность получает вопрос происхождения мира, наряду с логическими законами чистого разума и утверждения превосходства разума через понятие Абсолюта. Однако Абсолют исключает и движение, и изменение, и законами чистого мышления невозможно объяснить мироустройство. Конечно, греки широко использовали мифологические образы, в частности, Парменид опирался на древнейший образ богини Рока, которая есть Необходимость, порождающая мир обманчивого «мнения» и она управляет совершенной целостной природой. Разум же рассматривается как естественное качество, а его деятельность получает описание в границах природных категорий.

Эти представления постепенно эволюционируют в сторону понимания человеческой жизни как выражения движения. Так, Гераклит исходил из того, что жизнь, природа и общество пронизаны движением. Он мыслит образами и у него повсюду метафора, картина, и в отличие от Парменида, следует не столько логике, сколько интуиции, *предугадывая* истинную суть вещей. Неслучайно, в основе его языка – парадоксы и афоризмы. В своей книге “О природе” Гераклит прямо говорит о том, как люди воспринимают истину, но, часто они действуют бессознательно. Однако истина едина, хотя «... следовать надо Реченью совместному – ибо совместное всеобщее. Но хотя Речение сие и всеобщее, люди живут так, словно у них личное есть разумение»¹⁷.

Вопреки Пармениду, который соотносил понимание с «мнением» и представлял совокупность знания о природе с миром мнений, Гераклит считал, что познать истину можно, обращаясь к «видимому». При этом важнейшим

¹⁷ Гераклит Эфесский: все наследие на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. / подгот. С.Н.Муравьев. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс». 2012. С. 196.

условием познания он считал способность человека пробуждать в себе особый внутренний слух и внутреннее зрение, которые помогают улавливать сокровенные ритмы вселенной. Отсюда – суть интуитивного открытия Гераклита, которое в краткой форме предстает как афоризм – «*панта реи*» (все течет); он связывал это открытие с ощущением бытия как космического процесса – неизбежного и повторяющегося, где каждая новая фаза жизни, каждый миг бытия вступает в новую фазу или форму существования: «Нельзя в ту же реку войти дважды». Таким образом, через двойственность образуется единство, которое в процессе становления снова поляризуется для нового синтеза: «Из всего возникает Единое, а из Единого – Все».

Отстаивая идею относительности покоя во вселенной, Гераклит предвосхитил некоторые современные естественнонаучные представления, но, конечно, не приходил к ним в результате эксперимента, но получал их благодаря своему удивительному дару провидца. Превосходство разума как природной данности человека мы можем объяснить на основании его представления о том, что есть огонь. Огонь Гераклита – это далеко не то же самое, что обычная стихия пламени, понимаемая как одно из четырех природных начал. Огонь – это не просто основа видимой картины мирового процесса, но он «разумен» по своей природе уже в силу того, что не может быть соотнесен непосредственно с именем Зевса. Огонь есть верховное божество, несовпадающее с Зевсом мифологическим. И такое понимание не случайно. Дело в том, что, оставаясь в границах традиционного архаического миропонимания, он воспринимал мифологию в целом и ее сюжеты в буквальном смысле. В силу этого он не наделял Олимпийских богов свойствами творцов, но считал их всего лишь устроителями порядка мира и правителями человеческих судеб. Наряду с этим изначальность космического целого, которую отстаивали философы античности, в частности, Гераклит, была древнейшей натурфилософской идеей.

Наконец, когда Гераклит рассуждает о закономерностях, он понимает под закономерностью не просто естественный факт, но подразумевает некий вселенский закон. И этот вселенский закон он впервые называет *Логосом*, термином с очень широким смыслом и значением. Его можно интерпретировать и как *слово*, и как *мысль*, и как *закон*, и как *разум*.

Собственно, с Гераклита мы характеризуем Логос, как начало, которое определяет все процессы изменяющегося мира и при этом, Логос наделяется множественностью смыслов, имеющих непосредственное отношение к объяснению рациональной сущности человеческого мышления и познания. Такой Логос родственен тому, *как* человек сознает себя, *как* он характеризует в себе разум. Наконец, эту же родственность мышления и скрытую гармонию космоса философ определяет, называя и то и другое Логосом. Тем самым мышление можно понимать как космос внутри человека и при этом соотносить скрытую в нем гармонию с космическими природными процессами. Иначе говоря, именно Логос – это природное свойство человека и одновременно способность постигать гармонию и полноту мира.

Конечно, Гераклит, рассуждает о пределах души и не может обойти вниманием тот важный аспект, как поиск его пределов развития. Он рассуждает о пределах души и, не найдя их, говорит о том, что человек способен подойти к пределам души, осознавая тем самым ту глубину, которой он сам обладает как Логосом. Более того, именно *Логос* является пределом самопознания души, но при этом Гераклит не отвергает идею о том, что душе присущ самообогащающийся *Логос*.

Понятие *Логос* имеет отношение не только к характеристике человека и к пониманию сущности познания как некой интенции к самопознанию, но с Логосом человеческого разума связан *Логос* мира. Именно *Логос* *мира* проявляет себя как *замысел, устроивший все* в этом мире, и даже мудрейшие из людей, те, кто превосходят других в своей мудрости, тем не менее,

противопоставляются верховному разуму, понять который до конца человек не может. Поэтому Гераклит вынужден соотносить понимание верховного разума с Богом. И хотя использование этого понятия не следует рассматривать как попытку утвердить идею единобожия, как это принято в такой мировой религии, как христианство, Бог Гераклита – это мудрейший из мудрых, но не Создатель. К этому выводу нас приводит его высказывание: «Мудрейший из людей, – говорит Гераклит, – обезьяна перед Богом». При этом следует учесть, что Гераклит все же в большей степени натурфилософ, и божество у него это не личностное начало живого, но сила, неотделимая от самого космоса. Что касается его отношения к природе, то он устраняет из вселенной покой и неподвижность, рассматривает огонь как основу и движения и развития.

Эти знания, наивные с точки зрения современной науки, тем не менее, представляют собой образец *преднаучной* рациональности мышления, затрагивающие такие вечные и актуальные вопросы, как сама жизнь с ее быстротечностью и соотнесенная с пониманием вечности и цикличности природных процессов. В целом, такой подход, обнаруживаемый у философов античности, позволяет сделать вывод, что становление европейского рационализма в Древней Греции шло стохастично, то возвышая разум человека как великую ценность, то ввергая разум в мистицизм религиозных культов, каковыми были мистерии и оргиастические культы, посвященные богам. На этом фоне наблюдается тенденция к освобождению сознания человека от давления мифологического объяснения мира через образы, пронизывающие повседневную жизнь древнего грека. Наряду с мифопоэтическим и мифологическим пониманием мира все яснее проявляет себя способность и намерение выразить новым понятийным языком то, что скрывалось за сущностью явлений и процессов. «Познать сущность вещей» – это та устремленность познания, которая свидетельствует о выходе на философский уровень понимания действительности.

Понимание сущности вещей, познание сути происходящего и поиск понятий, которые фиксируют в языке общие смыслы сопряжено с этапом становления *научной рациональности* как такого уровня познания, в котором любые абстрактные, общие понятия приобретают статус философских понятий и категорий. Так рационализм приобретал силу, сначала только и исключительно внутри философии и затем экстраполируется на другие сферы интеллектуальной человеческой деятельности, впоследствии, отделившись от философии. Выйдя из лоно философии, конкретные формы интеллектуальной деятельности, опосредуют становление конкретных дисциплин и сфер деятельности (искусство, наука, ремесла). Вопросы познания как наиболее сложный аспект философских поисков рассматривается как систематическое учение, опирающееся на знание человека и его сущностной природы.

Рассмотрим становление гносеологии как теории познания в контексте становления и развития греческого (раннеевропейского) рационализма.

Первое системное знание о человеке, его познании, выраженное в понятийном языке философии дано в трудах Платона. Так, в диалоге «Менон» человек приходит к обнаружению истинного знания. Однако истины *уже* существуют за пределами нашего мира, т.е. *за* пределами человеческого опыта. Душа человека способна к созерцанию такого запредельного знания, которое как раз и является истинным знанием (т.е. оно как бы «схвачено» душой посредством созерцания сущности вещей). Воплощаясь в человеке, она забывает те знания, которые были даны ей в непосредственном созерцании. Поэтому, человеку нужны усилия, направленные на то, чтобы извлечь эти знания, и такие усилия Платон связывает с припоминанием (того, что было забыто).

Такой взгляд на познание, где явно просматривается попытка дать общие характеристики интеллектуального опыта получения истинного знания имеет свой первоисточник. Платон, как истинный ученик Сократа, использует

известный метод *майевтики*, который широко применял Сократ, помогая собеседнику извлечь самому те скрытые истины знания, смысловое значение которых открывается благодаря припоминанию. Глубинный смысл припоминаемого знания раскрывается посредством диалога и живой речи. Дальнейший поиск онтологических оснований идеальных сущностей мышления и познания, намеченный Платоном, осуществляется в рамках такого направления, как неоплатонизм, где способ познания истины связан с мистическим умопостижением Единого. Этот взгляд на природу и сущность познания предвосхитил становление мистицизм, который повлиял в дальнейшем на становление представлений об интуиции как особой мистической способности человеческого разума приходить к истине непосредственно и мгновенно¹⁸.

У Платона же фигурирует понятие *исступления*, как особый способ вдохновенного получения знания не в результате участия ритуально-мистическом действии и не путем взбадривания себя вином, танцем, музыкой и т.д., но вследствие внутренних душевных усилий. Такое знание понимается как *благо*.

Таким образом, уже для Платона иррациональные компоненты познания являются неотъемлемой частью человеческого опыта познавательной деятельности¹⁹. Конечно, Платон не использует понятие знание в отношении той интуитивной пророческой деятельности и способности мгновенно схватывать мысль, которой обладают поэт, оракул и пророк. Поскольку такого рода знание (припоминание, всеведение, моментальное схватывание,

¹⁸ Об этом подробно пишет Экхарт См.: *Экхарт Майстер*. Об отрешенности. М. СПб.: Университетская книга, 2001. 432с.

¹⁹ По меткому замечанию Е.Р. Доддса, в вопросе о страстях человеческой души Платон почти предвосхитил З.Фрейда относительно его представления о психофизиологической составляющей сущности человеческой природы, которая обуславливает (и объясняет) поведение человека, его реакции и даже, в какой-то мере, обуславливает его способ существования. См.: *Доддс Е.Р.* Греки и иррациональное. СПб.: Университетская книга, 1996. С.128.

предвидение) нельзя соотнести со знанием, которое получено и сформулировано, исходя из принципов разума и выведено логически. Есть основания утверждать, что не только, собственно, рациональность рассматривается философами и мыслителями как важное условие познания, но и внерациональное предстает как важный элемент интеллектуальной деятельности мышления как фактор, влияющий на становление идей, на характер того или иного открытия и участвует в развертывании знания как равноценный фактор познания.

Так, Аристотель считал, что изначальные посылки, из которых происходит логическое умозаключение, основано на обобщении опыта, на способности разума видеть всеобщее в единичном. Для достижения непосредственной истины вещей человеческий ум способен сам проникать в их природу, и усматривать их сущность. Анализируя труды Аристотеля, можно выделить три основания, по которым философ классифицирует науки:

1. Теоретическое основание
2. Практическое основание
3. Творческое основание

Теоретическое основание происходит из умозрительного, созерцательного акта мышления и ведет к тому, что неизменно и необходимо, т.е. выводит философа в сферу чистого разума и что постигается исключительно интеллигентно. Так создается сфера абсолютной закономерности, всеобщей истинности, независимой от чьей-либо воли. Умозрительное созерцание, ум ученых не требует жизненного опыта, т.к. можно выучить и пользоваться заученными знаниями и принципами независимо от собственного опыта. Тем самым нивелируется субъективный фактор в теоретическом познании.

Практическое основание, в свою очередь, не нуждается в математической точности, тем самым, не может претендовать на всеобщность, поскольку является непредсказуемым. Однако это не снимает того, что оно может быть по

большой части верным. По этой причине и было, возможно, сформулировано выражение, что «практика – критерий истины». Из этого второго, практического основания проистекает ум политиков, который, в отличие от ума ученых, опирается на опыт. Поэтому науки, которые опираются на это основание, требуют постоянной тренировки в своей сфере деятельности (риторика, политика).

Согласно Аристотелю, творческое основание, *пойетическое* основание связано с чувственным восприятием и направлено на произведение, на создание произведений искусства и на технологические действия. Здесь критерием деятельности выступает *праксис*, доведенный до совершенства (*techne*). И хотя творчество выступает как ценное само по себе, теоретические науки обладают ценностным приоритетом над практическими и пойетическими науками, а философия, в свою очередь, над остальными теоретическими науками. В целом же, вопрос о рациональности в этом контексте ставился в связи с выработкой правильных решений, в первую очередь, на основании здравого смысла и обыденного знания. При таком рациональном объяснении основания научного знания, которое мы выявили, обращаясь к трудам Аристотеля, следует не упускать из виду роль сверхрационального или интуитивного в познании.

По отношению к научно-теоретической деятельности, даже в том смысле, как ее понимали в эпоху Платона и Аристотеля, на первый план выходит *интеллектуальная интуиция*. Интуиция, в контексте идей Аристотеля, является как изначальное действие ума, или, как ее определяет А.С. Кармин, «самой сущностью нуса (ума) и высшей познавательной способностью человека»²⁰.

Интуитивному способу получения знания придавалось немаловажное значение во все исторические эпохи развития философии.

²⁰ Кармин А.С. Интуиция. Философские концепции и научное исследование. М.: Наука. 2011. С.57.

1.3. Европейский рационализм и его основополагающие понятия

В данном параграфе диссертации будет обоснована идея, что дискурсивное мышление связано с проявлением образно-символического языка, который, в свою очередь, предшествует понятийному языку науки и философии. Образный язык не исчезает полностью из научного лексикона и сохраняет свое эвристическое значение, выполняя объяснительную функцию. Вместе с тем именно хорошо развитый понятийный аппарат научного и/или философского знания свидетельствует о развитии такой формы человеческого мышления, которое мы называем дискурсивным. Согласование образного и понятийного (дискурсивного) языка является необходимым условием дальнейшего развития научно-теоретического знания, и, наряду с понятийным языком философии, образно-символическое и дискурсивное мышление оказывают влияние на развитие европейского рационализма.

В процессе развития научного знания ни один из этапов проявления рациональности не исчезает из научного познания, но входит в новое знание в качестве его необходимого элемента. Специфика становления и развития науки такова, что каждый последующий этап вбирает в себя предыдущий, основывается на нем, но выражается всякий раз в новой форме репрезентации. Это позволяет сделать вывод, что процесс становления научного знания связан с формированием дискурсивного, рационального мышления с трансформацией образно-символического – это две взаимосвязанные тенденции, задающие направление развития европейской культуры и цивилизации, в том числе, культуры мышления.

Даже архаическое миропонимание и мышление, где преобладает образно-символический язык, апеллируя к образам мифологии в объяснении мира и человеческого поведения – такое «мифологическое мышление может оставить

позади свои прежние формы, может адаптироваться к новым культурным модам. Но оно не может исчезнуть окончательно»²¹.

Существует иная точка зрения, согласно которой укоренение нового типа мышления влечет за собой утрату восприятия мира в образах, создающих особую сюжетно-образную картину мира. «Движение мифического мышления к логическому и абстрактному, – отмечает, например, Ф.Г. Юнгер, – которое лучше всего можно проследить на примере греков, одновременно представляет собой непрестанное отмирание если не веры, то воображения, свободно творящей силы воображения»²². Вслед за Юнгером, можно было бы предположить, что тенденция к формированию строго рационального мышления (и исключительно прагматического отношения к жизни) должна приводить к потере целостного мировосприятия и, как следствие, к утрате творческого воображения. Однако этого не происходит уже в силу того, что человек в своем познании использует все богатство эволюционно приобретенных когнитивных качеств мышления. Эти ментальные качества мы квалифицируем как определенные *орудия познания*, инструменты психики. Они включают в себя: воспоминание, образы, рассказы, видения, мифы, понятия, теоремы, системы, принципы, правила, идеи, парадигмы, схемы и формы и т.д.

Таким образом, о мышлении и о познании мы получаем представление, реконструируя методы, которые были ведущими и доминирующими в прошлом.

Нет оснований предполагать, что люди эпохи античности обладали исключительно мифологическим мировосприятием. Уже тексты Гомера и Гесиода можно характеризовать как законченные системы знания в области не только, собственно, мифа, но истории и космогонии. И хотя мифопоэтическое и мифологическое мышление с его образностью, метафоричностью и особым понятийным языком с множеством подтекстов и коннотаций рассматривается

²¹ Мирча Элиаде. Цит. по: Строганова Е. Введение// Мирча Элиаде. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2001. С. 25.

²² Юнгер Ф.Г. Греческие мифы. Спб.- Владимир Даль, 2006. С.6.

как наиболее укорененное в менталитете Древней Греции, само возникновение и распространение философии и философского взгляда на мир позволяет усматривать *тенденцию* к утверждению приоритета рационального мышления над мифологическим сознанием. В особенности, это все больше проявляется в таком культурном феномене, философский понятийный язык как распространение философских понятий на сферу научного знания (преднаучного) знания. Античная философская мысль как раз и есть образец рациональности и становления европейского рационализма.

Философы античности формулировали первые философские понятия, идея, правила, принципы и т.д., рассматривая и оценивая их в критериях рациональности. На этом фоне соотношение образного и рационального мышления (дискурсивного, абстрактного, аналитического) в разворачивании той или иной философской идеи – не случайно (в том числе, с точки зрения, отстаиваемой в моей работе, идеи когнитивной эволюции). Перечисленные *орудия познания* или инструменты психики: образы, видения, воспоминания, идеи, правила, принципы и т.д., составляют основу последующих мыслительных действий. Эти действия реализуются в виде планов, проектов, идеалов, позиций, тенденций, выступая в виде *орудий действия*.

Познавательная деятельность, направляемая и стимулируемая потребностью к познанию, является по своей природе либо более *созерцательной*, либо более *конструктивной*. Но для того чтобы понять суть рациональности, необходимо уточнить специфику этих видов внутреннего действия. Так, в моменты созерцания активность познающего субъекта проявляется (и разворачивается) в последовательности определенных действий: 1) это концентрация на объекте познания, 2) распознавание ранее известных и сопоставление известных и только что мысленно сконструированными элементами и затем 3) активизация непосредственного восприятия и финальное порождение смыслов. Такова

последовательность процесса познания в форме активного созерцания, рассматриваемая на когнитивном уровне.

Конструктивная деятельность познания происходит несколько иначе и, конечно, более сложно. Конструктивная познавательная деятельность состоит в порождении когнитивных представлений (и/или предположений) и в мысленной игре с ними, т.е. в манипулировании этими представлениями. Сложность описания когнитивного аспекта процесса познания состоит в том, что большая часть конструирующего мышления (происходящего на уровне предъявления представлений) осуществляется в естественном языке. При этом здесь раскрывается суть человеческого познания; язык не только производит новые смыслы и понятия, но и контролирует другие формы творческого воображения, т.е. то, что мы как раз и называем орудиями психики или орудиями познания. Тем самым язык выступает как структурообразующий фактор формирования дискурсивного мышления, оперируя не только образами и чувственно-эмоциональными знаками и символами, но благодаря языку создаются новые понятия и категории, которые помогают систематизировать представления о действительности в форме того или иного вида знания. Именно на этом уровне познания наиболее очевидной становится проблема выбора правильного познавательного подхода, адекватного объекту исследования, его цели.

Придавая концептуальный смысл понятию «рациональность», следует отметить, что рациональность тождественна выражению «человеческая рациональность», или «разумность», которая является универсальной человеческой способностью, связанной с сознательно подготовленными действиями. Такие действия могут быть эффективными, если достигают поставленной человеком цели.

Здесь важно подчеркнуть, что на заре человеческой истории рациональность как качественно видовая характеристика предполагала эффективность действий в повседневной практике. Другими словами, рационально то, что ведет к

достижению целей, реализуемых в обычной жизни. В ином смысле под рациональностью (действий) понимают *мудрость*, и это понятие все больше приобретает положительное значение в отношении реализации познавательных, духовных потребностей, наряду с так называемой житейской смекалкой.

Мудрость в наибольшей степени ассоциируется со способностью к постижению духовных ценностей. Однако такое понимание рациональности как соотнесенное с мудростью, не исчерпывает современного смысла самого понятия «рациональность». В философии науки под «рациональным» понимают все то, что успешно и эффективно, а также то, что хорошо обосновано. Оба смысла этого понятия очевидным образом взаимосвязаны друг с другом, поскольку все, что хорошо обосновано, является и более успешным. При этом в обосновании исследователь (ученый, философ) рационально действует, руководствуясь лучшим возможным знанием. Остается открытым вопрос о значении внерациональных форм познания, например, о значении воображения, фантазии, интуиции и т.д. Для того чтобы ответить на этот вопрос, я буду использовать эволюционный подход, или эволюционный взгляд на проблему научного познания.

На мой взгляд, уже детская тяга к познанию (например, любознательность) и к поиску новизны, сохраненная в зрелости, наряду с хорошо развитым воображением, может способствовать уникальным научным открытиям при условии опоры на знание предмета исследования. Тем самым реализация интеллектуальных способностей человека совершается не основе какой-то единственной способности, но при участии многообразных форм выражения мышления, когнитивные границы которого не являются жестко детерминированными. В целом, о специфике мышления человека в его развитии чаще всего рассуждают в контексте онто-и-филогенеза, тогда как о *когнитивной эволюции* мы можем говорить в связи с рассмотрением условий становления рационального мышления, в частности, в его движении от образно-

символического – к понятийному и дискурсивному мышлению. Основания такого подхода были представлены в первых параграфах диссертации, где я рассмотрела условия перехода от одного типа мышления к другому на примере историко-философском материале. Однако эта проблематика оказывается в центре внимания, как философии науки, так и эпистемологии – оба направления современной философии отстаивают идею преемственности знания наряду с концепцией преемственности способов познания, поиска обоснования которой как раз и посвящена этот раздел моей диссертации. Я настаиваю на точке зрения, что некогда доминирующий тип мышления, на который опираются в объяснении сложных процессов действительности, уходит на периферию и, хотя образно-эмоциональное объяснение может в какой-то момент не удовлетворять всей полноте наблюдаемого, но присутствует в познании, часто в скрытом, неявном виде. Доминирующим типом познания становится дискурсивное мышление как элемент научно-теоретического и философского познания.

Итак, основополагающий вывод, касающийся становления европейского рационализма, состоит в утверждении идеи реализации когнитивной эволюции, которая я характеризую как согласованное проявление форм рациональности человеческого мышления и познания.

Такой аспект исследования связан с выяснением факторов, обусловивших поворот в развитии европейской философии, который способствовал появлению европейского рационализма как направления философской мысли. Поэтому стоит обратиться непосредственно к тем философам и ученым, идеи которых способствовали распространению концепции европейского рационализма. Речь пойдет о тех, чьи идеи мы рассмотрим в контексте становления научной рациональности и понятийного аппарата европейского рационализма. Эти идеи получили общефилософскую оценку с точки зрения их роли в науке, в частности, в науках о жизни и в науках о человеке.

Прежде всего, подчеркну, что понятие европейского рационализма – это отражение богатого опыта исследований проблемы становления научного и философского мышления, согласование эволюционных и когнитивных аспектов человеческого мышления и деятельности. Автор термина «европейский рационализм», польский философ и логик Анджей Гжегорчик первым из современных философов проводит систематический анализ соотношения форм мышления и познания в контексте генезиса европейской культуры, формулируя эту концепцию по основанию тех способов мышления, которые он характеризует как поворотные в европейской философской мысли. Он дает точную и меткую характеристику феномена европейского рационализма, связывая его с *внутренним протеканием интеллектуальной жизни цивилизации*.

А. Гжегорчик в своем анализе становления европейского рационализма определяет топос как место, где локализуется и формируется этот способ интеллектуальной жизни, связывая его географию со средиземноморским ареалом. Именно это место становится колыбелью европейской культуры и цивилизации, откуда по мере развития философии и философского познания происходит распространение европейского рационализма как формы мышления и, одновременно, как совокупности методов решения задач. Важно подчеркнуть, что «понятие “человеческая рациональность” или “разумность”, относится к универсальной человеческой способности, связанной главным образом с конструированием сознательно подготовленных действий, которые являются эффективными, т.е. способствуют достижению поставленных целей»²³. Отмечу также, что становление европейского рационализма представляет собой длительный процесс формирования способов познания, критерием которого выступает *рациональность*, понимаемая как логичность, последовательность рассуждений и обоснованность суждений. При этом в

²³ Шульга Е.Н. Проблема научной рациональности в контексте европейского рационализма // Философия, методология и история науки. №1 Т.1. М. 2015. С. 40.

центре внимания философии оказывается человек как субъект познания. На этом фоне проблема соотношения субъекта и объекта познания становится особо актуальной в связи с выяснением значения внерациональных форм познавательной деятельности и согласование внерационального (интуитивного) и рационального исследовательского поиска.

Отмечу, что появление этой проблематики связано с преодолением архаического миропонимания и образно-символического мышления, для которого характерны интуитивные поиски объяснения сложных процессов наблюдаемой действительности и донаучный, *преднаучный* стиль мышления.

Пол Фейерабенд характеризует этот переломный период как исторический этап развития научного познания с характерным для него целостным взглядом на человека. Он подчеркивает, что существует «разница между чистой мыслью с ее искусственными категориями и мифом или поэтическим воображением с их способностью схватывать человеческую жизнь как целое и наполнять ее смыслом»²⁴. Тем самым проблема смысла и интерпретации становится особо актуальной и оказывается в центре внимания герменевтики, на методы которой я опираюсь в своем диссертационном исследовании.

Фейерабенд, рассуждая о «прогрессивном развитии», связывает прогресс исключительно с перенесением научной рациональности на все сферы познания, в особенности, которые касаются *жизни* и всего, что ее поддерживает (устранение голода, болезней, страхов и т.д.), при этом усматривает опасность в некоторых технологиях, разрушающих природную среду. Безусловно, вера в безграничные возможности разума не является единственным гарантом преодоления всех проблем жизнеобеспечения человечества. Требуются такие теории и концепции рациональности, которые бы учитывали особенности соотношения природного и социального в решении глобальных проблем и при этом учитывали специфику процесса познания со всеми его особенностями. И

²⁴ Фейерабенд Пол Прощай, разум. М.: Астрель, 2010. С. 119.

при этом признавали эвристичность внерациональных элементов познания на том основании, что человеку свойственно использовать как рациональные, так и внерациональные способы и методы исследования.

В связи с этим нельзя не заметить существование позиций, придающих внерациональным способам познания слишком большое, даже доминирующее значение в получении нового знания, занижая значение рациональности. Приверженцы такой позиции, как отмечает П. Фейерабенд, «не замечают, что само это различие является рациональным различием. Они критикуют рациональность, опираясь на категории, которые были введены разумом. Гомер не видел разницы между разумом и мифом, (абстрактной) теорией и (эмпирическим) здравым смыслом, между философией и поэзией»²⁵.

Напротив, некоторые критики европейского рационализма настаивают на том, что эволюция мышления неизбежно ведет к доминированию исключительно рациональных способов познания за счет отмирания иррационального элемента сложного процесса познания. Но такой взгляд может привести к абсолютизации самой идеи рациональности. При этом здесь упускается из вида, что не только познающий субъект, но и все человечество поддерживает целостность благодаря сохранению многообразия языков и культур, где рациональность как доминирующая форма познания не является очевидной. На Земле сосуществуют разные типы культур со своими только им свойственными чертами и особенностями мировосприятия. Наряду с техногенными цивилизациями в мире живут народы, чей жизненный уклад основан на иных ценностях и иных принципах миропонимания. Такие культуры мы часто называем архаическими и далекими от современной техногенной цивилизации Европы и США, но само их существование создает интересный базис для изучения особенностей становления и развития человеческой

²⁵ Фейерабенд Пол Прощай, разум. М.: Астрель, 2010. С. 119.

культуры и понимания специфики проявлений человеческого мышления на любой ступени его эволюции.

Поэтому концепция европейского рационализма, которую я отстаиваю в своей диссертационной работе, не является какой-то унитарной теорией, которая претендовала бы на приоритет рациональности в смысле ее всеобщности. Напротив, как будет показано в дальнейшем, рациональность познания, в том числе, научная рациональность опирается не только на свои конкретные принципы, которые она систематизирует и классифицирует, задаваясь целью «облегчить» процесс получения нового знания. Научная рациональность, рассматриваемая в контексте европейского рационализма, невозможна без понимания самых разных (иррациональных, внерациональных) условий реализации того или иного исследовательского замысла. Эти условия создаются самим человеком и в этом смысле они субъективны, индивидуальны; но они являются характерными для человеческого познания в целом как проявление когнитивных способностей (воображение, фантазия, предвидение, инсайт, озарение, интуиция). Проявление этих когнитивных способностей наряду с рациональными принципами научного исследования как раз и является важным условием научного открытия.

Что касается многообразия культур и сосуществования на Земле обществ с различным уровнем технической и технологической оснащенности, то моя позиция состоит в том, чтобы обратить внимание, прежде всего, на фактор множественности и ценности многообразия культур и соответствующих им способов постижения мира в качестве доминирующих. Гуманность современной философии науки, философии и политики состоит в том, чтобы не вредить тем естественным процессам протекания жизни на Земле, которые отвечают принципу ненасилия. Любое искусственное внедрение каких-либо приоритетов (систем ценностей) одной цивилизацией – в другую нарушает гармонию и целостность нашего мира.

Аналогично этому «прививка рациональности» акту человеческого познания должна происходить естественным путем, т.е. потребуются соблюдать условия рациональности, исходя из потребности самого исследователя (субъекта) и в соответствии с той методологией, которая направлена на решение проблемы. Не случайно поэтому «проблемность» научного поиска, на мой взгляд, как раз и определяет статус и поддерживает эффективность научной рациональности. Под рациональным мы понимаем все то, что успешно и эффективно, но, прежде всего, как то, что хорошо обосновано. Именно *обоснование*, таким образом, предстает как важная часть процесса научного исследования наряду с этапами *описания* и *объяснения* и, одновременно, как направление философско-методологических поисков.

Анализ *рациональности* неразрывно связан с поиском *способов обоснования*. Известно, что обоснование может быть дедуктивным, индуктивным и редуктивным. Дедуктивные формы рассуждения анализируются в строгих рамках дедуктивной логики, которая содержит в себе четко кодифицированные нормы регулирования процесса мышления. Каждый шаг дедукции обычно сведен к применению одного из правил логики, заранее оговоренному. В тоже время редуктивные рассуждения включают в себя в качестве существенного элемента случайное угадывание, т.е. шаг, неподвластный строго оговоренным правилам – именно такого типа рассуждения Ян Лукаевич называет «редуктивными рассуждениями».

Конечно, обладание дедуктивными способностями связано с проявлением человеческого интеллекта, эволюция которого прослеживается как движение от образного к вербальному, от образно-символического к дискурсивному мышлению. Этот путь эволюции мышления соответствует историческим этапам становления европейского рационализма как культурного феномена. Именно в зоне антропологического пространства средиземноморского ареала эпохи античности формируются такие формы проявления интеллектуальной жизни

людей, как философия, мифология, религия, наука, наряду с архитектурой, театром, военным искусством и т.д. Важно отметить, что возникновение и закрепление в структуре познания «ментальных орудий» (конкретных способов познания) связано с закреплением в менталитете особых способов поведения и создания культуры в целом. Поэтому особенности проявлений доминирующих способов познания и мышления мы будем называть «культурными образцами» (сюда входят и стиль мышления, и нормы общения, и дальнейшее развитие дискурсивного мышления). Человек, таким образом, оказывается способным к созданию принципиально новых символических представлений и манипулированию ими посредством создания новых символов. Все это характеризует специфику процесса познания и освоения действительности.

Остается открытым вопрос: каковы условия и когнитивные предпосылки согласования рационального и иррационального? Этим аспектам исследования будет посвящена третья глава диссертации.

......*

Итак, в первой главе было показано, что становление научного стиля мышления связано с формированием когнитивных способностей, одним из факторов которого является феномен рациональности. Становление рациональности является следствием развития форм и способов познания. Отыскивая рациональные доводы и основания для утверждения ценности истинного знания и преимуществ такого рода знания над обыденным, приходим к выводу о необходимости различать этапы познавательной деятельности и типы знания. Переходы от одного типа знания к другому можно характеризовать, выделяя следующие этапы: мифологический, философский, преднаучный, протонаучный и научный.

Показано, что дискурсивное мышление на начальном этапе выступает в форме рассуждения по аналогии, и этот способ рассуждения, наряду с широким

использованием метафорического языка, характерен для первого этапа становления европейского рационализма.

При этом образно-символическое мышление предшествует становлению дискурсивного мышления, сохраняя в познании элементы этих типов мышления. Выделение скрытых элементов деятельности, которым придавали характер мистического начала в человеке, обуславливавшего специфику понимания, сохраняется в философии на протяжении многих веков.

Возвращение к архаическому миропониманию и его трансформации было необходимо для того, чтобы показать взаимосвязь внерациональных элементов мышления с зарождающимися рациональными. Для раскрытия основной цели диссертации было важно показать изначальную синкретичность рационального и внерационального, из которой начинает выделяться более четко рациональное как таковое. Именно в древнегреческой диалоговой традиции рациональный компонент приобретает свою смысловую нагрузку в требовании обосновать высказываемые суждения. Ориентация на доказательство, на логичность собственных суждений, а не на авторитет сформировала критическое мышление, которое апеллирует к собственному разуму, беря всю ответственность за собственные высказывания.

Также важно было показать эволюцию способов врачевания, которая отражает способ существования и тип мышления каждой эпохи, а также демонстрирует переход к рациональному мышлению, а именно, к рациональной медицине Галена, о которой пойдет речь в следующей главе.

Глава вторая. Ранний европейский рационализм в науках о жизни и о человеке: медицина Галена

Целью данного раздела диссертационного исследования является обоснование концепции европейского рационализма на основании обращения к конкретному научному знанию, в центре внимания которого – человек и где наиболее отчетливо прослеживается тенденция развития рационального подхода к пониманию его двойственной природы – единства духовного и телесного.

Реализация способности к познанию самого себя (сократический метод), к обоснованию той или иной точки зрения или даже целой системы взглядов, в особенности там, где большое значение имеют различные формы проявления внерационального опыта познания – такая направленность философского исследования предполагает решение целого ряда задач. Прежде всего, это рассмотрение объективных условий формирования научного подхода к человеческому организму (лечение недугов), в основании которого лежит многовековая врачебная практика. Во-вторых, особое внимание будет уделено значению философских идей, рациональный смысл которых повлиял на практику врачевания, на развитие медицины уже на этапе ее становления как научного направления исследований, зародившегося в недрах философского знания.

Особое значение для раскрытия сути европейского рационализма имеют идеи, восходящие к традиционной греческой философской мысли, в частности, этическая направленность знания о человеке. Выбор трудов Галена в качестве образца становления преднаучного теоретического знания важен с точки зрения необходимости введения в современный научный оборот идей, обнаруженных в язык текстах Галена. Вклад Галена в развитие европейской научной и философской мысли еще только предстоит полностью оценить.

Цель данного раздела диссертации состоит в том, чтобы представить полную картину становления европейского рационализма, исходя из оценки методов изучения природы человека. Именно это направление обуславливает выбор трактатов Галена в качестве образца той научной рациональности, которую можно характеризовать как преднаучное знание. На это указывает медицина Галена, которая дает нам образцы рационального подхода к познанию человека. Методы врачевания, которыми пользуется и которым обучает Гален своих учеников, довольно интересны и они касаются, в частности, отношения учитель-ученик, врач-больной. По отношению к больному Гален использует подход, в котором сочетается рациональность мыслей и рациональность действий; находит отражение уровень знания и соблюдение этических норм, которые отвечают критериям мудрости по отношению к человеку.

Выбор трудов Галена также связан с тем, что тексты его трактатов впервые появляются в отечественной литературе на русском языке. Кроме того, современные исследователи Александрийской философской школы, представленной такими именами как Климент Александрийский, Ориген, Филон Александрийский, очень мало или ничего не говорят о трудах Галена. В частности, В.Я. Саврей единственный раз упоминает Галена в связи с его трудом «О назначении частей человеческого тела»²⁶. Однако развернутого анализа трудов Галена и оценки его вклада в развитие медицины и философии не представлен.

2.1. Концепция человека в философии Галена

Выдающийся римский философ и врач Гален, живший в II-III вв. н.э. оставил широкое наследие в виде письменных источников и множественных фрагментов текстов, новые переводы и комментарии которых рассматриваются сегодня как важный источник сведений и знаний, как в области медицины, её истории, так и в философии. Не случайно «один из его первых пациентов в

²⁶ Саврей В.Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М.: КомКнига, 2011. С.967.

Риме – известный философ Эвдем полагал, что Гален приехал в Рим, желая снискать себе репутацию серьезного философа, а вовсе не врача»²⁷. Такая оценка устремлений Галена свидетельствует также и о высоком статусе философии, в поле внимания которой вопросы познания природы, мира и человека в нем.

В биографическом труде «О моих собственных книгах» Гален подробно излагает свой ранний опыт решения вопросов *правильного подхода* к пониманию человека, *правильного метода* его исследования. Он указывает, что изучение логики позволило ему обнаружить связи между логикой, методологией Аристотеля и искусством геометрии. Синтез этих наук, по сути, объединяет причину и опыт, теорию и практику. Этот же источник свидетельствует, что Гален изучал Платона, в частности его диалог «Федр», из которого он выделил *метод разделения*, предлагаемый Платоном. Гален характеризует его как один из лучших методов для любого искусства. Такой подход, воспринятый ученым из классической философии, позволяет рассматривать медицинскую практику как *искусство врачевания*, эвристической стороной которого является догадка, которую строит врач относительно болезней и способов лечения конкретного больного. При этом интерес к логике, занятия логикой не только помогают оттачивать рассудительность, ориентируя на правильное мышление, но способствуют формированию особого дара обобщения наблюдаемых явлений, способности классифицировать признаки этих общих явлений и свойств их проявления. Так, в работе «Об учениях Гиппократов и Платона»²⁸, Гален блестяще применяет научный метод в доказательстве того, что сердце не определяет функции дыхания и речи, хоть и соучаствует в них.

²⁷ Гален. Сочинения. Том 1/ общ.ред., сост., вступ. Ст. и комм. Д.А. Балалыкина; пер. с древнегр. А.П.Щеглова; науч. ред. А.П.Щеглова, Н.П.Шок.- М.: Весть, 2014. С. 32.

²⁸ Гален. Об учениях Гиппократов и Платона. Вторая книга (часть 1) //Философия, методология и история науки, 2016. №1. Т.2. С.54.

Для выяснения мировоззренческих основ философии Галена, особое значение имеет определение его отношения к религии и различным верованиям, которые рассматриваются в контексте античной философской мысли. Одни исследователи считают его первым признанным языческим автором, другие настаивают на толерантности Галена к христианству, в отличие, например, от Марка Аврелия, Луциана и Цельса, которые считали христиан суеверными сектантами. Напротив, отношение Галена к христианству было явно уважительным. Ему было близко по духу философское отношение к смерти, христианская проповедь целомудрия, стремление к справедливости и проповедь умеренности в отношении еды и питья. В целом, Гален считал христианство некой «школой», причем именовал его именно как школу, идеи которой во многом соответствовали той позиции, которую отстаивала греческая традиция философствования, в первую очередь, в отношении нравственности. Гален считал христианские добродетели не противоречащими популярному в то время стоицизму, которого он сам придерживался в обучении и рассматривал как собственную жизненную позицию, правда, с некоторыми оговорками. Так, по мнению римского врача, христианам не хватало *фронезиса*, т.е. *умственной проницательности*. Однако именно *фронезис* Гален характеризует как рациональную основу тех христианских норм морали, которые согласуются с известной ему греческой языческой традицией философии. Тем самым, можно сделать вывод, что Гален находился как бы на перекрестке трех доктрин: с одной стороны – классическая греческая философия и философские школы Александрии, а с другой стороны – борьба христиан с язычеством и полемика с иудаизмом по вопросам о сотворении мира, о месте человека в мироздании и богоизбранности отдельного народа.

Как считал Гален и большинство греческих философов, знания не снисходят на человека свыше, а приобретаются вследствие обучения, в том

числе, посредством логической демонстрации, как одного из способов рационального познания.

Наряду со знанием логики, ее законов и любовью к философии в целом, для ученого важна опора на определенные нравственные принципы, и эти принципы рассматриваются как естественные для человеческой природы. Три основных качества человеческой души, которые должен возвращать в себе человек – это целомудрие, умеренность, справедливость. Такое триединство составляет идеал философского образа жизни человека. Этот «идеал» рассматривается как мировоззренческое требование, применяемое в отношении формирования личности врача и философа. Этот подход можно рассматривать и как проявление первых рациональных форм мышления и познания, становление и развитие которых происходило вместе с поиском истины. Такому направлению в эпистемологии в полной мере соответствовал исследовательский поиск, который осуществлял сам Гален, изучая тело человека, его строение, анатомию, относясь к врачеванию как практическому искусству, формирование принципов которого неотделимо от философского образа мира с его натурфилософскими и этическими основаниями.

Интересно отметить, что «правильное» знание или истинное знание о человеке является результатом аргументированных логических рассуждений и демонстраций. В этом Гален – последователь Платона, идеи которого он воспринял из его диалогов. При этом рационализм Галена имеет свою особенность. В первую очередь, это касается философского отношения к прикладной науке, опирающейся на натурфилософию и, различая то, что называется «техне» и «эпистема». Их различие состоит в том, что под «техне» понималось искусство как практическая деятельность, связанная как с ремеслом, так и с прикладными науками, в частности, с медициной, тогда как в понятии «эпистема» нашло отражение отдельное состояние знания, связанное с усовершенствованием процесса познания. Иногда под «эпистемой» понимали

«искусство писания», или «изучение чего-либо» как об этом говорит, например, Платон в диалоге «Тимей». Такое различие важно для понимания сути философского осмысления медицины Галена.

Его взгляд на медицину как на искусство, тем не менее, учитывал тот факт, что возможно и неудачное терапевтическое вмешательство, но врачебную неудачу Гален не рассматривал как фатальную неизбежность. Он четко осознавал, что существуют границы и пределы человеческого познания и этот его взгляд был противоположным известной идеи о божественной мудрости как всезнания (или знания в целом), распространенной в эпоху Галена.

Занятие медициной Гален относил к такой познавательной деятельности, которая сродни философскому познанию, поэтому «лучший врач – еще и философ». Этот вывод подтверждает недавно опубликованный перевод трактата Галена под названием «О том, что лучший врач – еще и философ»²⁹.

Для понимания философии Галена в связи с соотношением философии и медицины как научной дисциплины практического характера, отвечающей понятию «техне», необходимо рассмотреть особенности философско-мировоззренческих условий, в которых формировалось миропонимание ученого. С одной стороны, Гален, вслед за Платоном, поддерживает идею единого Бога – создателя мира. С другой стороны, Гален критикует Моисея, согласно которому (судя по Книге Бытия) принцип *creatio ex nihilo*, т.е. «творение из ничего», наряду с убеждением, что акт творения мира есть эманация трансцендентного божества – является единственно верным объяснением того, как организован мир. Другими словами, Бог Моисея имеет собственную рациональную основу для объяснения, поскольку мир возник из ничего по Слову. Однако с точки зрения греческих философов, демиург создал мир из уже существующей материи, которая развивалась по своим собственным

²⁹ Гален. Сочинения. Том 1/ общ.ред., сост., вступ. Ст. и комм. Д.А. Балалыкина; пер. с древнегр. А.П.Щеглова; науч. ред. А.П.Щеглова, Н.П.Шок.- М.: Весть, 2014. С.101-107.

законам, т.е. в соответствии с законами природы, и эти законы человек способен постичь с помощью разума.

На фоне распространения этих идей, трансцендентный Бог иудеев – это Тот, кто создал мир из ничего. Вместе с тем можно предположить, что Галена привлекает в христианстве отношение к Логосу, рассматриваемому в контексте поиска онтологических основ Бытия, что соответствует идеалу древнегреческой философской мысли и отвечает идеям рациональности, представленным в греческой философии, которые как раз разделял Гален. Конечно, следует уделить внимание тому, как распространение христианства повлияло на философские взгляды Галена. Так, несмотря на определенные концептуальные расхождения с христианством был популярным автором у таких христианских мыслителей, как Ориген и св. Иероним, что как раз и подтверждает данную оценку мировоззренческих позиции Галена.

Так, четверть века спустя после смерти Галена (примерно в 240г н.э.) Ориген признает его идею о том, что каждая часть тела человека создана для определенной функции. Столетие спустя св. Иероним в своих работах ссылается на Галена. Эти примеры свидетельствуют о высокой ценности медицинских трудов и философских идей Галена, их влияния на развитие последующей философской и научной мысли. Его философское учение и его медицину почитали наравне с геометрией Евклида, трудами Аристотеля и Теофраста.

Принцип рационального способа постижения истины, традиционный для греческой философской мысли, доминирует и в философии Галена. Однако истины разума противопоставляются истинам веры. Эта идея противопоставления является одной из основополагающих для последующего христианского богословия и получает дальнейшее развитие в трудах Блаженного Августина, Фомы Аквинского и других мыслителей.

Гален признавал, что чувство, каковым является вера, представляет собой внерациональный способ отношения к миру, но этот способ не может заменить собой рациональное познание, которое непременно предполагает следование логическим принципам мышления и демонстрации. Конечно, Гален высоко ценил в христианстве его нравственную составляющую, рассматривая основные категории древнегреческой этики (справедливость, целомудрие, благо) как согласующиеся с христианской моралью. Именно этическую часть его философии можно характеризовать как единство и согласование греческой философской мысли, идей христианства и его собственной позиции в отношении к человеку и его телу. Более того, о Галене можно говорить как о мыслителе, который воспринял идеи раннего богословия, соотнося их с известной ему догматикой стоиков и эпикурейцев.

В связи с этим интересно отметить те положения философии Галена, которые отличали его позицию от школы эпикурейцев, стоиков, киников и скептиков. Относительно болезней души, римский врач определяет «страсти души» как несомненное зло, тогда как стоики относились к страстям нейтрально, не считали их ни проявлением зла, ни выражением добра. Поэтому для Галена очень важно в практике врачевания (души) избавление от страстей, так как это избавление, по мысли Галена, является *истинным благом* для человека. Такое представление о болезни формирует понимание человека, болезнь которого есть следствие нарушения связи душевого и телесного, т.е., говоря современным языком, следствие психосоматического расстройства. Поэтому здоровье человека предполагает избавление от пагубных страстей.

Можно сказать, что Гален один из первых, кто стал рассматривать психосоматический аспект физического недуга. Он также критиковал пассивное отношение к жизни, которое пропагандировали стоики, и которое, по сути, было ориентировано на бездействие. Чужд Галену и примат эстетического наслаждения, возводимый Эпикуром в первопринцип, понимаемый жителями

Рима в качестве оправдания эгоистической обособленности римлян и стремления их к собственному комфорту.

Относительно характеристики философии киников, сошлемся на его трактат «О распознавании и лечении заблуждений всякой души», где он пишет: «Все киники (по крайней мере, те, которых я видел в своей жизни), как, впрочем, и некоторые другие самозванные философы, не отрицают, что они избегают рассматривать реальность как таковую»³⁰. Как видно из приведенного фрагмента текста, Гален указывает здесь на необходимость объективной оценки наблюдаемых фактов и явлений, характеризуемых как рассматриваемая реальность. Тем самым можно заключить, что метод познания в этом последнем случае предполагает опору на наблюдение как условие распознавания и отделение ложного утверждения от истинного. Этот вывод Гален получает, связывая ложные утверждения с недостаточностью полученного образования, и указывает на то, что ложные утверждения являются причиной ложных учений. В качестве доказательства этой своей мысли Гален приводит софизмы, которые, по его убеждению, являются такого рода ложными утверждениями, не соответствующими действительности, но только формально похожими на истинные выводы³¹.

Изучая человека, его тело как объект медицины, Гален продолжал оставаться философом. Он выработал целую систему принципов, касающихся не только условий терапевтического вмешательства в тело человека с целью врачевания и избавления от недугов, но учитывал эпистемологический фактор и значение той философской позиции, носителем которой должен быть сам врач. Гален придавал большое значение формированию личности врача как носителя знаний, необходимых для успешного врачевания. Об этом свидетельствуют

³⁰ Гален. О распознавании и лечении заблуждений всякой души/Гален. Сочинения. Том 1/ общ. ред., сост., вступ. Ст. и комм. Д.А. Балалыкина; пер. с древнегр. А.П.Щеглова; науч. ред. А.П.Щеглова, Н.П.Шок.- М.: Весть, 2014. С.288.

³¹ См.: там же.

известные работы Галена, в частности, трактаты «О том, что лучший врач – ещё и философ» и «О распознавании и лечении заблуждений всякой души».

Он опирался не только на естественнонаучный подход, изучая функции и строение организма, анатомию человеческого тела, но придавал огромное значение мастерству врачевания, успешность которого зависит от того, насколько усердно врач практиковался в этой сфере деятельности. В своем трактате «О том, что лучший врач – ещё и философ» Гален прямо указывает: «Чтобы знать о природе тела, о разновидностях болезней, а также разбираться в лекарствах, врач должен упражняться в логике. Чтобы быть сведущим в этих исследованиях, он должен презирать деньги и вести умеренный образ жизни, кроме того, он должен обладать всеми познаниями в области философии, логики, физики и этики»³².

Гален настаивал также и на «...необходимости знания и использования в повседневной врачебной деятельности естественнонаучных дисциплин – астрономии, геометрии, физики и т.д.»³³. Дело в том, что от врача требовался такой же уровень компетенции и общетеоретической подготовки, как и от ученых, работающих в области астрономии, геометрии, физики. Согласно Галену, знание этих дисциплин оттачивает познавательную способность ученого, врача, доводя его профессиональные умения до совершенства и приближая эту его способность познания к уровню занятия философией. Совершенствоваться в искусстве врачевания целитель – врач, ученый, философ должен столь же усердно, как это делали, например, атлеты, желая победить в Олимпийских играх. Здесь Гален проводит аналогию с атлетом, тело которого натренировано надлежащим образом для победы. Точно так же должен поступать врач, оттачивая свое мастерство, доводя терапевтическое «техне» до искусства.

³²Гален. Сочинения. Том 1/ общ.ред., сост., вступ. ст. и комм. Д.А. Балалыкина; пер. с древнегр. А.П.Щеглова; науч. ред. А.П.Щеглова, Н.П.Шок. М.: Весть, 2014. С.106.

³³ Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П. Гален врач и философ, М.: Весть, 2014. С.117.

Между тем, та оценка, которую Гален дает своим современникам, погружает нас не только в проблематику медицины как науки, но и учит, каким должен быть и каким не должен быть ученый и врач. Гален подмечает, что «в наше время врачи лишены всякой воли и разумения совершенствоваться в искусстве исцеления. ... Тот, кто ценит богатство больше, чем доблесть и мужество, кто изучает врачебное искусство не на благо людям, а для накопления богатства, не может достигнуть цели, которую предполагает медицина, потому что врачи ради погони за наживой не могут добиться того, чему соответствует искусство врачевания. Невозможно страстно желать богатства и в тоже время изучать столь благородное искусство, как медицина»³⁴. Таким образом, благородство деятельности врача согласуется с представлением о благе, и деятельность, направленная на благо человека сближает врача и философа.

Итак, Гален вполне рационально оценивает роль личности врача и формулирует конкретные требования к уровню знания и профессиональным навыкам. Прежде всего, врач должен быть в высшей степени трудолюбивым, уметь преодолевать различные пороки и низменные пристрастия (пьянство, чревоугодие, похоть). «Но как может, – спрашивает Гален, – излечивать тот, кто упивается допьяна, насыщает своё чрево и предаётся грязной похоти? Такого человека можно обозначить одним словом: он раб своего желудка и своих похотливых склонностей»³⁵.

В противоположность этому типу, Гален создает собственный образ врача, которого он называет *другом умеренности* и *товарищем истины*. В подтверждение своей идеи, Гален говорит не только о том, каким он видит целителя, но формулирует тот рациональный путь, которым должен следовать ученый, готовящийся стать искусным врачом. Настоящий врач «всегда

³⁴ Гален. Сочинения. Том 1/ общ. ред., сост., вступ. Ст. и комм. Д.А. Балалыкина; пер. с древнегр. А.П.Щеглова; науч. ред. А.П.Щеглова, Н.П.Шок. М.: Весть, 2014. С. 103.

³⁵ Там же. С. 105.

стремится выбрать разумный путь исследования, различать, какие существуют виды и роды болезней, какие для этого имеются способы определения болезней и целительные средства для их излечения»³⁶.

Важно подчеркнуть, что Гален рассуждает не только о требованиях, предъявляемых врачу, но рассматривает этот род деятельности как проистекающий из разума путь познания (к «эпистеме», направленной на общий универсальный объект, каковым является человек и который изучает медицина). Поэтому должно врачу не только упражняться в искусстве врачевания, как на этом настаивал ещё Гиппократ, но следует быть философом. «...поэтому важно осознавать внутренний механизм развития нарушений изменения баланса жидкостей и сущностей и четко понимать, какие «причины» воздействуют на больное тело»³⁷.

Напомним, что о пользе философии Гален рассуждает в связи с пользой логики для врача. Причем, упражнения в логике способствуют, по мысли Галена, распознаванию разновидностей болезней, их систематизации и классификации, научают разбираться в лекарствах.

Кроме этого, Гален придает огромное значение этике, в особенности, этическая сторона взаимоотношения врача и больного становится существенной, поскольку предполагает бескорыстие врача, а это как раз и есть следование заветам Гиппократа.

Гален осуждает тех врачей, кто поражен страстью к деньгам, которые их соблазняют, а также презирает сластолюбцев, рассматривая этот порок как порождение тех же самых пагубных страстей, препятствующих успешному врачеванию. Следование такого рода внерациональным страстям Гален противопоставляет вполне рациональные способы овладения знанием и методы, используемые врачом. Еще раз зададимся вопросом: почему Гален

³⁶ Там же. С. 105-106.

³⁷ Гален. Сочинения. Том II / общ. ред., сост., вступ. ст. и комм. Д.А. Балалыкина; пер. с древнегр. З.А. Барзах; науч.ред., Н.П.Шок. М.: Практическая медицина, 2015. С.248.

приравнивает врача к философу? Дело в том, что философы обладают особыми достоинствами, которые не существуют сами по себе. Мы бы сказали сегодня, что «философами становятся». Достоинства философии раскрываются постепенно, по мере овладения знанием в результате развития идей. Они «вытекают один из другого как связанные одной нитью»³⁸.

Гален косвенно указывает здесь на сам процесс познания, когда одна мысль вытекает из другой, результатом которого становится последовательное развитие идеи, проблемы, концепции и т.д. Тем самым овладение знанием, высшей ценностью которого является философское знание, осуществляется в процессе такого рода интеллектуальной работы. Она требует от мыслителя особых познавательных усилий, направленных на развитие идей, на получение истины, и одновременно, эти усилия предполагают систематичность и постоянство в практике философствования. Цель познания – стремление к истине, достигаемой общими рациональными способами познания, и оно не противоречит этическим установкам (идеалам античной философии).

Таким образом, философия оказывается тем важным предметом, обучаясь которому врач научается правильно, рационально и логически последовательно мыслить, всесторонне рассматривать объект наблюдения, выделять в нем общее и особенное. Овладение навыком философствования рассматривается в качестве важного условия формирования личности врача. Наряду с этим, постоянная рефлексивная деятельность оттачивает способность анализировать, сравнивать и характеризовать наблюдаемые объекты и процессы (эпистемологический аспект). Эти два аспекта очень важны для последующего формирования медицинской науки, основанной на наблюдении, анализе, сравнении и классификации симптоматики.

³⁸ Гален. Сочинения. Том 1/ общ. ред., сост., вступ. Ст. и комм. Д.А. Балалыкина; пер. с древнегр. А.П.Щеглова; науч. ред. А.П.Щеглова, Н.П.Шок. М.: Весть, 2014. С.106.

Искусство врачевания понималось как мастерство, проявляемое в сфере практической и интеллектуальной деятельности. Но овладение мастерством невозможно без опоры на знание. Соотношение знания и мастерства раскрывается благодаря навыку, доведенному до совершенства. Здесь как раз проявляет себя особый род интуиции, а именно, диагностическая интуиция. По дошедшим до нас свидетельствам: «...однажды он (Гален), войдя вместе с философом Главконом в комнату к больному, лежащему в постели, сразу приблизился к нему и, приложив руку к его правому боку, сказал: «У вас болит здесь – это болезнь печени. Вас также беспокоит кашель – сухой, без мокроты». Больной тотчас закашлялся. Гален продолжал: «Когда вы делаете глубокий вздох, боль в печени увеличивается и вы чувствуете тяжесть слева под ребрами». Больной подтвердил это. ... Но еще более эффективным было заключение диагноза: «Я установил, какая у вас болезнь, а теперь скажу, какую болезнь вы сами себе приписываете. ... Вы воображаете, что у вас болезнь легких»»³⁹

Таким образом, знание, логика, опыт и навык в своем единстве раскрывают суть профессионализма, который выражается еще и в способности интуитивного схватывания проблемы в целом и получение верного вывода.

Интересна та характеристика профессий, о которых первые философы рассуждают в связи с иерархией профессий и их социального статуса. Например, об искусстве как высшей ступени такого соответствия говорил еще Сократ, выстраивая иерархию личностей, в основе которой лежит искусная деятельность человека. Он перечисляет девять видов духовной деятельности в убывающем порядке: «философ, законопослушный царь, государственный деятель, гимнаст и врач, прорицатель, поэт или вообще подражатель, софист или демократ, тиран» (Платон, «Федр» 248 d-e). Как можно заметить, на вершине этой иерархии находится философ, в то время как врач находится на

³⁹ А.С Кармин Интуиция. Философские концепции и научное исследование. СПб.: «Наука», 2011. С.573.

одном уровне с гимнастом. «И только этим лицам дано понять и познать истинное бытие, в котором пребывает вечно неизменное и прекрасное: справедливость-в-себе, рассудительность-в-себе, знание-в-себе и другие добродетели»⁴⁰. Социальное положение врача вполне уместно рассматривать в этом контексте. Кроме того, навык врача с его постоянной практикой манипуляций с телом, позволяет ассоциировать его с гимнастом, который должен постоянно тренировать и совершенствовать свое тело ради победы. Аналогично ему, врач постоянно работает ради победы над недугами.

Продолжая эту линию в оценке наследия Галена, следует отметить вклад ученого в развитие философии и ту оценку, которую дает Гален известным ему школам философии. Уже упоминаемые нами тексты его недавно обнаруженных биографических трактатов «О собственных книгах» или «О порядке его собственных книг» показывают, что Гален постоянно совершенствовался в области медицины и философии. Но при этом он отказался от борьбы, полемики со своими интеллектуальными противниками в пользу уточнения собственной концепции философии. В построении ее он исходил, в первую очередь, из опыта собственного познания, опираясь на сведения и знания в сфере изучения человеческого тела и его функциональных особенностей.

Примечательно, что Галена интересует не оценка теоретических положений, отстаиваемых теми или иными научными школами, не дебаты между её представителями, но та познавательная деятельность, которую мы можем характеризовать как рациональную, что подтверждает используемые им методы: наблюдение, анализ, дифференциация, тщательная конкретизация наблюдаемых фактов, их систематизация и обобщение. Что касается телесных проявлений болезни, то с этой точки зрения важны выявления внешних признаков этих болезней, их симптомы. Эти методы он применяет и в своих философских рассуждениях. И это не случайно. Дело в том, что Гален начинает

⁴⁰ Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика М.: 2002, С.20.

обучаться наукам непосредственно с философии, что характерно для классического образования античной Греции и Рима.

Любопытно, что концепция медицины как искусства и, одновременно, ремесла (*techne*) в значительной мере основана на идеях Аристотеля, в частности, на его теории демонстрации. О медицине Аристотель пишет: «...дело врачебного искусства заключается не в том, чтобы сделать человека здоровым полностью, но хотя бы в той степени, в какой это достижимо, ибо можно лечить и таких людей, вернуть здоровье которым невозможно»⁴¹.

Центрами души, согласно Галену, являются мозг, сердце и печень. Эта идея привела его к пониманию особенностей взаимосвязи телесного и духовного в человеке. Он предложил целую программу исследования, которая направлена на изучение человека телесного, при этом искусство врача предполагает деликатное обращение с телом, включая анатомические процедуры. Поэтому врач как философ, по мысли Галена, это тот, кто постиг разумный замысел в строении тела и то, как слажен и функционирует организм, какова его анатомия. От врача требуется умение проводить хирургические вмешательства, опираясь на это знание. Вместе с тем, для успешного врачевания необходимо знание особенностей психики человека, о чем как раз пишет в своем трактате «*Об анатомических процедурах*».

Этот подход Гален развивает, применяя его к объяснению природы души, выделяя в ней *рациональное* как обусловленное желаниями, и *вегетативное* функционирование. «Рациональная душа» действует самостоятельно, как если бы ей была известна истина, а импульсы души, например, направленные к исполнению желаний – исходят из тела. Оба проявления способны одухотворять человека, они дают энергию и ведут к храбрости.

В целом, такой взгляд на соотношение телесного и духовного, обнаруженный у Галена, приводит к философской проблеме соотношения

⁴¹ Аристотель. Риторика. / пер. О.П. Цыбенко. М.: «Лабиринт», 2011. С. 6-7.

рационального и иррационального. Эта проблема рассматривается в широком философском контексте изучения методов познания. Роль его для европейской культуры состоит в том, что его работы придали смысл образовательной программе Александрийской школе.

Особое значение Галена для мировой культуры мы определяем в связи с влиянием его идей на медицину, как она представлена в исламской традиции и иранской культуре в целом. Интерес арабистов к наследию Галена не случаен. Будучи последователями Гиппократов, исламские врачи учитывали важность препарирования для медицинского образования, однако, поразительно при этом, что исламскими врачами не было документировано ни одно вскрытие. Тем не менее, именно они выделили три подхода к медицине и анатомии: аристотелевский, галеновский, исламский, которые просуществовали вплоть до Нового времени. Кроме того, именно через труды Галена исламская медицина приобщалась непосредственно к греческой науке. Однако, согласно современной позиции, которая отстаивает Гюль Рассел, некоторые ученые рассматривают греческие науки как часть зороастрийского канона, ссылаясь при этом на сасанидский религиозный текст «Денкарда», что, по видимому, должно свидетельствовать о доисламском возникновении греческого влияния в Иране. Отмечу, что согласно Авесте, врачу позволено лечить зороастрийского пациента только при условии, что он трижды успешно лечил служителей Дэва (или неверующих). Если же пациент погибнет, то врач будет подвергнут мучениям или даже смертной казни. Аналогичная дискриминация наблюдалась и в исламском Иране. Так, навыки обращения с больными и все эксперименты отрабатывались на бедных пациентах, что не заменяло соблюдение клятвы Гиппократов, которая рассматривалась как идеальная форма отношения врача к пациенту. Между тем, в отличие от них, древние греки никогда не рассматривали бедных пациентов и простой народ в качестве объекта

медицинских экспериментов даже в интересах совершенствования медицинского знания.

Подводя итоги этой части диссертации, подчеркну значение Галена для научного познания. Составленный им визуализированный атлас человека, система медицинского знания определили направление развития медицины и ее практику на многие века, вплоть до того времени, когда, собранные и систематизированные философом и врачом второго века новой эры данные перестали соответствовать новейшим исследованиям.

В данном разделе диссертации было показано, что медицина Галена представляет собой образец научного знания, соединяющего в себе научный опыт, практическое применение навыков врачевания, где высока планка моральной ответственности перед пациентом. Целостное видение человека, во всей сложности его телесной организации и функционирования – такое видение (и такой подход) является наиболее адекватным представлением о человеке. Вместе с тем, обращение к медицине Галена позволяет сделать вывод, что эта наука дает нам образец научной рациональности и находится, при этом, на границе естественнонаучного знания и гуманитарного, философского знания.

Методы исследования человека отвечают принципам естественнонаучного познания, но в связи с широким пониманием здоровья как телесного, так и душевного, задача врача, по мнению Галена, состоит в том, чтобы учитывать эту взаимосвязь и при этом соблюдать этику.

Практическая направленность медицины на поддержание здоровья людей, выходит за пределы установления фундаментальных связей, действующих в природе. Поэтому современную медицину можно назвать наукой междисциплинарной. Она вбирает в себя знания биологии, химии, физиологии, анатомии, нейрофизиологии, психологии, учитывает социальный и, в особенности, этический аспект, который имеет непосредственное отношение к межличностному взаимодействию врача и пациента, о чем как раз и говорит

Гален. Наряду с этим, сам Гален подчеркивал ценность философского знания и настаивал на необходимости овладения философским мышлением как важной основы для конкретных занятий медициной, а значит, и для успешного врачевания.

Тем не менее, следует пояснить характер отношения философов к медицине, т.к. отношение медицины к философии не было однозначным, в частности, в силу абстрактности философских идей, подчеркивая значение опыта для медицины. Так, Пол Фейерабенд указывает, что «автор трактата “О древней медицине” не только опирался на опыт как на самое существенное, но и высмеивал тех, кто, подобно Эмпедоклу, пытался заменить опыт абстрактными рассуждениями»⁴². Однако нельзя не отметить, что философские рассуждения о природе человека и его бытии, о первоначалах и мироустройстве в целом, в силу своей отвлеченности от конкретных задач врачевания человеческого организма, часто не принималась во внимание врачами, поскольку эти знания, как казалось, не имели практического предназначения для конкретных случаев с больными пациентами. Такое безразличие философии, хотя и проявлялось в той или иной степени, в особенности, у представителей конкретных (технических) профессий, тем не менее, статус философии всегда поддерживали науки с ярко выраженным теоретическим аппаратом. Более того, овладение философским знанием важно как для ученого, так и для дальнейшего развития самой науки. Тем ценнее представляется вклад Галена, который действует как философ, изучая логику как конкретное направление внутри философии, но и сам развивает это направление (о чем свидетельствует объем его трудов по логике, число которых более 60!). Пример Галена важен для понимания роли и мета философии в современной культуре. Рассмотрение ее не только в историко-философском контексте, но и понимание значения философии для современной науки.

⁴² Фейерабенд Пол Прощай, разум. М.: Астрель, 2010. С.89.

Важно, что эпистемологическая ценность овладения философским знанием в целом, наряду с занятием логикой и усвоением этических основ отношения к человеку, способствует формированию понятийного аппарата науки. Наконец, занятия философией, как учил Гален, помогают систематизировать знание и создавать (понимать) основания такого рода деятельности.

Способность к обоснованию знания, раскрываемая на примере медицины Галена как науки, намечает абрис становления рациональности как деятельности мышления и познания. Поэтому соотношение философии и медицины, начиная с Галена, мы можем квалифицировать как постепенный переход от общефилософских представлений о телесности и двойственной природе человека – к систематическому знанию в области конкретных способов врачевания. А это значит, что медицина, даже на этом уровне ее развития предстает как систематическое знание, эволюционирующее от сферы чистого *tehne* к теории. Медицина Галена как раз и дает образец становления научного, рационального знания и в дальнейшем реализуется как многопрофильное направление исследований.

2.2. Предпосылки понятийно-рационального знания о жизни и о человеке

Выясняя понятийные предпосылки естественнонаучного знания о живом, следует обратиться к философскому наследию античных авторов. Так, выдающийся ученик и последователь Аристотеля, возглавивший после смерти учителя перипатетическую школу, философ Теофраст оставил многочисленные труды по ботанике и по философии (логике, риторике, поэтике, географии и т.д.), объединенные в 18-ти томное «Учение натурфилософов». В его исследованиях живой природы содержатся сведения о физиологии растений, морфологии минералов и делается первая после Аристотеля попытка представить систему знаний о живом в виде классификации. Теофраст различал

деревья, кустарники, травы и главные части растений: корень, стебель, лист, цветок, плод и такая классификация признавалась учеными последующих веков как очевидная вплоть до эпохи Возрождения. «При этом морфологические и физиологические исследования растений Теофраст сочетал с обобщением знаний народной медицины (не только греческой, но и халдейской) о лечебных свойствах растений»⁴³. Это дает основания утверждать, что Теофраст имел представление о живом и фиксировал их в понятийном языке – рациональном и систематизирующем определенные сведения и факты наблюдения.

Однако уже Гиппократ – современник Демокрита признавал значение эмпирического наблюдения и опору на факты, как в понимании функционирования живого организма, так и в изучении больного. Гиппократ рассматривал естественные причины болезней, принимал во внимание возраст больного, его образ жизни, и даже обращал внимание на наследственность, наряду с необходимостью учитывать факторы воздействия на человека внешней среды. Все это приводило Гиппократа к утверждению важнейшей для понимания природы человека идее: он учил, что лечить надо не болезнь, а больного. Это, в свою очередь, делало актуальным строго индивидуальный подход к нему.

Другой важный аспект изучения живого, который восходит к Гиппократу, связан с представлением о единстве взаимосвязанных частей организма. Его следует рассматривать как принцип, предвосхищающий целостный подход к пониманию жизни. Гиппократ учил, что основу живого организма составляют четыре жидкости: кровь, слизь, желчь желтая и желчь черная. «Жидкостям тела» соответствуют определенные темпераменты людей: холерики, сангвиники, меланхолики, флегматики. При этом весь организм человека наполняется жизненной энергией благодаря действию пневмы, вещества,

⁴³ *Найдыш В.М.* Наука древнейших цивилизаций. Философский анализ. М.: Альфа. 2012. С.527.

которое запускает и поддерживает все жизненные процессы, в том числе, движение и мышление.

На связь мышления и движения, как проявления нервной деятельности обратил внимание и Гален. Однако за несколько столетий до Галена эмпирический подход к биологии и медицине использовал Герофил, живший в Александрии. Как отмечает В.М. Найдыш, уже этот ученый имел представление о строении и функционировании нервной системы, «впервые оценил диагностическое значение пульса, хотя связывал его с механизмом дыхания. Он дал подробное описание анатомии глаза, печени и других органов, провел сопоставительное изучение анатомии человека и животных, внес существенный вклад в разработку анатомической терминологии»⁴⁴. Герофил интересен и своими работами в области фармакологии – он изучал действия препаратов, изготавливаемых из трав, разработал принципы лечебного питания и лечебной физкультуры.

Таким образом, медицинское знание связано с историей изучения природы человека. Наиболее продуктивным исследователем человеческого организма, как уже было показано в моей работе, был Гален, которого можно характеризовать как выдающегося ученого и философа, последователя эмпирического направления в биологии и рациональной медицины.

Соотнося различные понятия, категории и абстракции, философы Александрийской школы были нацелены на построение системы рассуждений, обосновывая определенную концепцию. Стремление к обоснованности знания тесно связано с проявлением такой способности человеческого мышления, как его рациональная направленность. Тем самым *обоснованность* в области медицинского знания, как можно заключить на основании трудов Галена и его предшественников, предполагает соединение таких подходов к человеку, которые отвечают целостному взгляду на него. Это касается вопросов

⁴⁴ Найдыш В.М. Наука древнейших цивилизаций. Философский анализ. М.: Альфа. 2012. С. 528-529.

функционирования организма, телесной природы человека и его внетелесной сущности, т.е. душевной, психологической. На взаимосвязь этих двух основ проявления человеческой сущности обращают внимание как философы древности (Платон, Аристотель), так и первые ученые, в частности, Гален. Именно он придает истинный смысл здоровью, характеризуя здорового человека как свободного от разрушительных и губительных воздействий и страстей. По Галену, страсть это то, что противостоит разуму, т.е. разумности. Поэтому мудрый человек поступает согласно требованиям природы и разума, т.е. действует согласно «разумной природе».

Развитию идеи *разумной природы* Гален уделяет особое внимание и связывает разумность с *мудростью*. Причем практическую возможность стать мудрым он видит в освоении идеалов нравственности. Согласно Галену, перспективы этого не только реально связаны с проявлением воли к познанию, но мудрость сопряжена с умственными способностями, «выступающими как самый большой предмет человеческой гордости»⁴⁵. Поэтому Гален признавал их наличие и поощрял любое желание упражняться и совершенствоваться в них.

Конечно, многочисленные труды Галена все еще нуждаются в исследовании. Тем не менее, нельзя не отметить ту оценку результатов Галена, которую дают современные исследователи его учения. Так, В.Л. Васюков подчеркивает, что «врачи и философы пытаются раскрыть природу вещей, а для этого они должны понимать и моделировать их, исходя из фундаментальных положений и принципов. Гален не просто имел в виду, что врачи должны применять здравый смысл при диагностике своих пациентов или прописывании им лекарств, чтобы избежать врачебных ошибок. Скорее, он считал, что умение приходить к определенным выводам, отправляясь от исходных положений и фактов, является подлинным признаком настоящего врача в собственном смысле этого слова. Эта точка зрения, если не углубляться в детали, отличает

⁴⁵ См.: Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П. Гален: врач и философ.: М.: 2014. 252

Галена от методистской и эмпиристкой сект в медицине и позволяет причислить его к рационалистам в виду чего его отношение к логике действительно важно для уяснения того, каким же врачом он был»⁴⁶.

* ... * ... *

Итак, задачей данного раздела диссертации было обоснование концепции европейского рационализма на основании конкретного научного знания, в центре которого – человек и где наиболее отчетливо можно было проследить зарождение рационального подхода к пониманию природы человека в единстве духовного и телесного. Идея двойственной природы человека восходит к мыслителям эпохи Античности.

Используя сократический метод познания (как *познание самого себя*) в обосновании точки зрения, как это делали первые философы-ученые, в частности, Гиппократ и Гален, мы приходим к выводу, что в обосновании точки зрения или целой системы взглядов большое значение имеют различные формы проявления опыта познания как рационального, так и внерационального. Пример становления медицины показывает, как формировался научный подход к человеческому организму и лечению недугов. В основании этого подхода лежит многовековая врачебная практика. Вместе с тем, особое значение имеют те идеи, рациональный смысл которых повлиял на формирование образа врача, на практику врачевания, на развитие медицины уже на этапе ее становления как научного направления исследований, зародившегося в недрах философского знания.

В контексте становления европейского рационализма, философские и естественнонаучные взгляды Галена можно характеризовать как поворотный этап формирования медицины как преднауки, систематизирующей знания о

⁴⁶ Васюков В.Л. Логика Галена: наследие Аристотеля или научная инновация? // История медицины. Научно-практический журнал, 2015. Т.2. №1. С.6.

человеке, его двойственной природы. При этом понятийный аппарат медицины и систематизация эмпирических методов исследования организма формировались, исходя из предшествующего опыта изучения функционирования человеческого тела, что подготавливало почву для серьезного поворота в области диагностики болезней и способов их лечения. И хотя у Галена мы обнаруживаем некоторые анатомические ошибки в понимании системы функционирования организма, однако эти ошибки объясняются всего лишь запретом на вскрытие человеческого тела.

Особое значение в становлении научной рациональности имеют догадки Галена о высшей нервной деятельности человека и о мышлении, которые предвосхитили и, вместе с тем, стимулировали появление таких областей знания как нейрофизиология и психофизиология, эти идеи были новаторскими для рассматриваемой эпохи. Возможность такого прорыва в понимании человеческой природы обусловлен тем, что Гален обладал глубокими познаниями в области философии и, в частности, логики. Занятия логикой дисциплинируют мышление, закладывают основы системного взгляда на проблему. При этом философский взгляд на человека, в особенности, в его этическом аспекте, рассматривается как необходимый базис успешности врача.

Таким образом, Гален учит не только тому, каким должен быть врач, но и предлагает методологию, которой он должен пользоваться, исходя из правильного понимания человека и *правильного метода* исследования. Более того, исследователь (философ, врач) должен не только усвоить известные знания из логики, методологии Аристотеля, геометрии в качестве базовых, но, опираясь на эти знания, он может синтезировать их в дальнейшем, развивая и совершенствуя познавательный опыт собственных исследований

В целом, обращение к истории медицины интересно как с точки зрения формирования преднаучного знания, так и с позиции становления рационального подхода, который постепенно оформился в научный метод.

Наука как сфера организации знания и как особый способ познания оформилась только в Новое время. Именно с этого исторического момента она приобретает свои четкие предметные границы; преобразуется из «рассмотрения действительного» как особой формы созерцания многообразного и сложноорганизованного мира в «сеть, которую мы забрасываем, чтобы уловить “мир”, чтобы рационализировать, объяснить его и господствовать над ним»⁴⁷, т.е. познать его. Такую переориентацию ценностной эпистемологической установки нельзя объяснить лишь эволюцией человеческого мышления как тенденции к рационализации познания. Это динамический процесс, где происходит взаимодействие и преобразование различных компонентов мышления.

Специфика процесса человеческого познания такова, что в нем находит отражение характер направленности мысли на конкретный объект исследования, на конкретную проблему. При этом согласование внутренних усилий мышления и нацеленность на проблему составляет важное условие развития, собственно, рациональных методов и подходов научного исследования. Окончательное оформление науки, организующей знание в его естественнонаучном и гуманитарном аспектах, явилось важным стимулом для становления европейского рационализма. Европейский рационализм, таким образом, предстает как единый культурный проект организации научного знания во всем многообразии его гуманитарной и естественнонаучной направленности, познавательные особенности которого будут рассмотрены в последующих разделах диссертации.

⁴⁷ *Popper K. Unended quest: An intellectual autobiography. Fontana. 1976. С.341.*

Глава третья. Научная рациональность и внерациональные способы познания

Данная глава посвящена проблеме соотношения рационального и внерационального в научном познании и мышлении.

Известно, что формирование научного знания происходит вместе с развитием рациональных методов познания. Между тем элементы строгой научной рациональности латентно присутствовали в так называемых *преднаучных* поисках. Как было показано, медицина Галена представляет собой *преднауку*, которая содержит элементы систематического знания о строении и функционировании человеческого организма, о способах лечения болезней. Однако это еще не была наука в строгом смысле этого слова и не воспринималась как некий социальный феномен в его новоевропейском понимании, тем не менее, *преднаучные* методы и подходы первых ученых-философов можно рассматривать с точки зрения научной рациональности, на раннем этапе ее становления.

Особое место в этой части диссертации будет отведено интуиции как когнитивной способности и эту способность предстоит рассмотреть в контексте интеллектуальной научной деятельности, направленной на познание предмета исследования. В связи с этим выглядит весьма претенциозно определение науки известного современного ученого-физика А. Дзикики. Он пишет: «**Наука** заставляет наш интеллект работать так, чтобы делать *Открытие*. **Наука** не может *изобрести* новый закон природы. **Наука** может *открыть* новый закон природы»⁵⁵. Однако это вовсе не должно означать, что законы уже существуют в готовом знаковом виде и как бы *предзаданы* познающему субъекту, но указывает лишь на то, что до появления науки не были объяснены многие феномены. С появлением науки они обрели смысл и стали понятны благодаря таким важным функциям научного познания, как описание, объяснение и предсказание.

Отсюда можно сделать философский вывод, что перед ученым стоит задача расшифровать природу и облечь в понятийную форму результаты такой расшифровки. Момент «расшифровки» связан с проявлением рациональных и внерациональных (предвидение, интуиция и т.д.) когнитивных способностей.

Особое место в рациональных поисках познания сущности и двойственной природы человека занимают вопросы, касающиеся проявлений сверхчувственной природы познания. На этом фоне проблема возникновения нового знания связана с рассмотрением эвристического потенциала интуиции ученого. Научная интуиция характеризуется как когнитивная способность, которая раскрывается непосредственно в процессе научного познания. Она проявляется благодаря тому, что ученый опирается на знание и использует предшествующий опыт исследования. В целом это означает, что эвристичность научной интуиции как потенциальная способность проявляется только тогда, когда уже произошла рационализация мышления. Другими словами, научная интуиция накладывается на знание и рациональный опыт познавательной исследовательской деятельности.

Взаимодействие когнитивных структур рационального и внерационального характера будут рассмотрены в диссертации на примере таких феноменов мышления как *предпонимание*, *интуиция*, наряду с рациональным *обоснованием*. Условия формирования последнего мы рассмотрели в предыдущих разделах диссертации. В данной главе предполагается выявить значение таких факторов, которые, наряду с рациональным обоснованием, обеспечивают продуктивность научного поиска. Для решения этой задачи используется понятие «открытая рациональность», рассматриваемая в связи с обоснованием концепции «открытой рациональности».

Следует пояснить, что введение в научный оборот таких понятий как «открытая рациональность», гибкая рациональность позволяет выйти за

пределы так называемой классической рациональности и тем самым расширить инструментарий познания за счет рассмотрения внерациональных форм мышления в качестве эффективных средств научного познания. В связи с этим будет определено и конкретизировано участие научной интуиции в познании. При этом контекст европейского рационализма будет учитываться при рассмотрении эволюции способов мышления и определения роли и места внерационального в познании.

3.1. Интуиция как когнитивная способность. Понятие научной интуиции

Следует начать с того, что в определении интуиции следует исходить из контекста интерпретации самого понятия интуиция. Опора на герменевтический метод позволяет выбрать из многообразия взглядов именно ту характеристику, то определение интуиции, которое адекватно предмету нашего исследования и где она раскрывается в полной мере.

Начну с того, что в определении роли интуиции в жизнедеятельности человека (например, в творчестве), мы выделяем *обыденный смысл* понимания интуиции с тем, чтобы отличить и выделить научную интуицию, или ее интеллектуальную сторону. Дело в том, что интуиция присуща любому человеку и может проявляться в самых разных жизненных обстоятельствах. В этом смысле интуиция – универсальная интеллектуальная способность человека, эволюционно приобретенная и закреплённая коэволюционно. Сфера, где в полной мере раскрывается эта способность мышления, интересна не только своим участием в обыденной жизни людей, но прежде всего тем, как она способствует эффективности научного поиска.

Итак, философия, опираясь на научное знание природы человека и, изучая когнитивные особенности человеческого мышления, рассматривает интуицию в контексте междисциплинарного поиска философского смысла интуиции по отношению к ее значению в рациональном действии. Выстраивая на этой

основе общую картину представлений об интуиции и, учитывая уровни ее описания: *обыденный, научный и философский*, мы должны еще раз подчеркнуть, что интуиция – неотъемлемый элемент сознания, его сложноорганизованной природы. Интуиция – это и двигатель, направляющий к моментальному решению или действию, и, вместе с тем, это деятельность, которая проявляется как в обыденной жизни человека, так и сопровождает процесс конкретной научной деятельности.

Понятие научной интуиции – приобретение новейшего времени, в то время как о самой интуиции как о феномене размышляли представители самых разных философских школ и направлений. Поэтому интуицию характеризуют с тех или иных позиций и весьма разнообразно, например, исходя из мировоззренческой установки, концептуальной позиции или рассматривая интуицию в контексте ее конкретных проявлений. Однако разнообразие точек зрения не снижает интереса к проблеме, делает необходимым поиск инвариантов в понимании специфического значения интуиции как элемента научного творчества. Именно инвариантные свойства интуиции составляют основу концепции научной интуиции как творческой деятельности.

Интуицию можно определить как способность моментального схватывания в сознании сущности проблемы и, одновременно, как способность мгновенного реагирования и принятия определенного решения, выражаемого либо словесно, либо каким-либо действием. Современные философы по-разному определяют интуицию, характеризуют ее как «непосредственное знание», «вид знания», «прямое усмотрение истины», «непосредственное видение», «ассоциация ощущений» или даже как «одна из форм неосознанного отражения, момент познания»⁴⁸.

⁴⁸ См.: Мусийчук С.В. Интуиция как проблема синтеза концепций: рациональное и иррациональное в познании // Общество: философия, история, культура, 2014 №1. С. 17-24.

Так, Плантинга понимает интуицию как тип верования. Бонжур, представитель когнитивного подхода, определяет интуицию как «восприятие или схватывание, которое сопровождается мгновенным появлением в качестве истины»⁴⁹ Такое определение носит определенно перцептивный характер, относящий интуицию в сферу чувственного познания. В этой связи интуиция связывается еще с *предчувствием*, которое проявляется довольно в обычной жизни людей, на обыденном уровне. Здесь интуиция может ассоциироваться непосредственно с умением принимать правильные решения как бы спонтанно. Однако «спонтанность» решения есть не что иное, как выражение предыдущего жизненного опыта, опора на него. Этот аспект проявления интуитивной деятельности мышления и сознания подтвержден многочисленными исследованиями в области нейрофизиологии человека⁵⁰. Тем не менее, стоит подчеркнуть, что механизм проявления интуиции как когнитивной способности – неизменен по своей сущности.

Опуская рассуждения о характере нейрофизиологических проявлений интеллекта, обратимся к пониманию смысла интеллектуальной стороны проявления интуиции, которое является уместным в рассмотрении проблемы становления европейского рационализма.

Важно отметить при этом, что субъективный процесс познания сущности предмета (внутреннее интуитивное действие) как раз и проявляет себя как *понимание*.

Итак, на первый взгляд, интуиция как феномен есть выражение чувственного опыта познания, однако, в случае интеллектуальной (или научной) интуиции ссылка на чувственный и сверхрациональный опыт явно

⁴⁹ Lycan William G.. Epistemology and role of intuition // The Routledge companion to epistemology. New York: Taylor & Francis. 2011, pp.813-823.

⁵⁰ См. подробнее: *Лерер Джона* Как мы принимаем решения. М.: Астрель, 2010. – 350с.; *Куб Э.* Источник мысли. М.: Эксмо, 2011. – 208с.; *Кандель Эрик* В поисках памяти: Возникновение новой науки о человеческой психике. М.: Астрель: CORPUS. 2012. – 736с.; *Рамачандран Вилейанур Субраманиан* Мозг рассказывает. М.: Карьера пресс, 2012. – 398с.

недостаточна. Также нельзя ограничиваться определением интуиции, связывая ее с интеллектуальным выводом, который следует из предшествующих рационально подкрепленных посылок. Напротив, интуиция понимается как «схватывание» предмета в целом. Между тем, интуицию обычно связывают с чем-то неосознаваемым или *надсознательным*. Тем самым интуиция предстает либо как естественная данность (врожденная, изначально присущая человеку), либо как эволюционно приобретенная когнитивная способность, которая как раз предшествует разворачиванию рационального (дискурсивного) мышления. Значение деятельности интуиции, в особенности, интеллектуальной интуиции, состоит в том, что именно на этом уровне процесса познания достигается полнота понимания, реализуемая в опыте интуитивного познания, т.е., проще говоря, знание обретается, минуя логические доказательства.

С другой стороны, интуитивное, как естественное проявление сознания и мышления характеризуется не иначе как озарение, как чутьё, пронизательность и т.д., т.е. все то, что способствует нахождению нового и/или имеет предсказательную функцию, и, в конечном итоге, помогает ориентироваться в мире.

Интуицию часто соотносят с ментальными проявлениями «образа предмета» исследования и такой «мысленный взор» на предмет раскрывается непосредственно в мышлении, фиксируется сознанием, оценивается как моментально полученный. Но иногда это может быть зыбкий образ предмета, сомнительный, не подтвержденный фактами. В этом случае интуиция, хотя и проявляет себя, но не дает человеку полной уверенности в предполагаемом решении и заставляет его искать новые аргументы и подбирать доводы для того, чтобы решение выглядело разумным и правильным.

Определяя значение интуиции в рациональном познании, процитирую меткое замечание философа Конт-Спонвиля, который говорил, что «ум, начисто лишенный интуиции, был бы слеп. Он просто потерял бы способность

рассуждать»⁵¹. Этим высказыванием Конт-Спонвиль связывает между собой интуицию и рациональность. Однако, на мой взгляд, одного только этого еще недостаточно. Необходимо выяснить механизм действия интуиции, ее роль в научном (рациональном) познании, а также место интуиции в жизнедеятельности человека.

Итак, интуиция или интуитивный опыт познания – это проявления естественной способности человека; хорошо развитая интуиция способна облегчить процесс принятия ответственных решений. В особенности таких действий, последствия которых кажутся непредсказуемыми. Здесь интуиция есть проявление зрелого интеллекта, и она сопряжена со способностью принимать определенные решения, делать выводы без предварительного обоснования, т.е. спонтанно или, как кажется, внезапно⁵². В этом случае интуиция часто подкреплена чувством долга и высокой моральной ответственностью перед собственными поступками. Отсюда можно сделать вывод, что интуиция происходит также и на этическом уровне, направляя и корректируя на неосознанном уровне принятие тех или иных решений.

Таким образом, озарение является продуктом интеллектуальной работы, проявлением когнитивных способностей мышления, а интуиция является когнитивной способностью и одним из этапов познания. Наконец, интуиция в научной деятельности проявляет себя как эффективный способ познания только при условии опоры на знание, в области которого ведется исследование.

Между тем, спонтанное «схватывание» в сознании определенной мысли, идеи и непосредственное ее созерцание – без опоры на предшествующую логику обоснования и доказательства может привести к простому, казалось бы, выводу о непостижимости истины в ее непосредственной данности.

⁵¹ Конт-Спонвиль Андре. Философский словарь / пер. с фр. Е.В.Головиной. М. 2012. С.227-228.

⁵² Более подробно о психологическом и нейрофизиологическом аспекте принятия решений см.: Лерер Дж. Как мы принимаем решения. М.: Астрель, 2010.

Конечно, непосредственная данность истины, полученная индивидуально и осознаваемая ясно и отчетливо, не может являться таковой для других, поскольку она выступает как результат личного опыта познания и индивидуального мышления. Поэтому для того, чтобы истина (правдоподобное суждение, ответ на поставленный вопрос), полученная интуитивно была адекватно воспринята другими, необходимы дискурсивные шаги в ее обосновании, например, путем логического доказательства, что с неизбежностью выводит проблему соотношения интуитивного и рационального в научном познании на новый исследовательский уровень.

Философы, которых интересовал данный аспект проблемы, обратили внимание на то, что весь предшествующий опыт познания (какого-либо процесса, явления, объекта) является почвой для возникновения новых идей. Эти новые идеи, тем не менее, должны быть хорошо аргументированы и обоснованы.

Нельзя не заметить при этом, что никто не оценивает внерациональный опыт как пустой, мешающий рациональной деятельности мышления. Тем самым поиск эффективных рациональных способов научного исследования, рассматриваемых с позиции методологии науки, согласуется с сугубо эпистемологической задачей – объяснением условий получения нового знания. Например, в контексте открытия. На этом пути решения проблемы соотношения рационального и интуитивного современные философы все чаще говорят о *креативности* мышления, связывают его со сверхчувственным элементом проявления когнитивных способностей человека, различая способности к творчеству и описывая условия проявления креативности как фактора одаренности, таланта, гения. В связи с этим, стоит обратиться к философам прошлого, в трудах которых мы обнаруживаем попытку понять специфику деятельности креативного мышления, в частности, в связи с проблемой познания сущности вещей как первостепенной задачи, сформулированной еще в

эпоху античности. Именно познание вещей на уровне их сущности делает актуальным обращение к проблематике соотношения рационального и интуитивного в познании, при этом сущностные аспекты исследования предметных сфер действительности выводят на философский уровень само познание.

Обращаясь к вопросу соотношения рационального и иррационального, стоит обратить внимание на то, что уже Р. Декарт, Б. Спиноза относят интуицию к такому роду познания, которое характеризуется как наиболее достоверное, поскольку проявляет себя на уровне схватывания сущности вещей в их целостности⁵³.

Вслед за Спинозой, А. Бергсон рассуждает о роли интуиции в познании, и приходит к выводу, что интуиция является методом: именно благодаря интуиции обнаруживаются так называемые истинные проблемы и истинные различия, которые касаются самой сущности вещей на уровне их понимания⁵⁴. Тем самым, и Спиноза, и Бергсон обращают внимание на интуитивное познание как такую способность человеческого разума, благодаря которой наступает полнота понимания, следовательно, интуитивный момент познания приобретает собственный статус и эвристический потенциал. Отталкиваясь от этой позиции, Ж. Делёз идет еще дальше и подчеркивает, что: «интуиция – это ни чувство, ни вдохновение, ни неупорядоченная симпатия, а вполне развитый метод, причем один из наиболее полно развитых методов в философии. Он имеет свои строгие правила, задающие то, что Бергсон называет «точностью» в философии»⁵⁵. Однако, на мой взгляд, метод – это понятие, которое используется в случае, когда предполагается последовательное использование строгих правил и алгоритмов. Причем метод формируется исключительно на основе работы

⁵³ Спиноза Б. Избранные произведения. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. С.113.

⁵⁴ См.: Бергсон Анри Творческая эволюция. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. С.198.

⁵⁵ Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: ПЕР СЭ, 2001. С.229.

рационально-рефлексивного сознания в стандартных познавательных ситуациях и на основе научных знаний, предмет которых оказывается в центре внимания исследователя. Поэтому интуицию следовало бы рассматривать не как строго фиксированный метод, а как один из способов познания.

Итак, рассматривая и сопоставляя взгляды на проблему соотношения рационального и интуитивного в познании, нельзя не отметить, что поиск какого-то единственного интегративного определения интуиции связано с выявлением ее роли в научном познании. При этом важно подчеркнуть, что сами названные понятия – рациональное и интуитивное – приобретают новый смысл и уточненное значение, исходя из контекста их употребления. Кроме того, в различных попытках дать определение интуиции находит отражение представление о когнитивном характере проявления этой способности. Здесь интуиция проявляется как когнитивная интеллектуальная способность, связанная с внутренней, хорошо мотивированной направленностью на получение нового знания (на научное открытие), что как раз и происходит при условии, если интуитивное решение того или иного вопроса сопровождается опорой на глубокое и всестороннее знание предмета.

Таким образом, интуиция никогда не проявляет себя в научном исследовании как нечто абсолютно обособленное от предмета исследования и от той базы, которая используется в качестве основания для ее реализации. Характеристика интуиции как феномена и рассмотрение интуиции только на феноменологическом уровне ограничивало бы наше представление о сложном процессе научного познания. Поэтому понятие интуиции следует уточнить и обозначить эту деятельность словосочетанием «научная интуиция». Как будет показано в диссертации дальше, научная интуиция – это понятие, смысл которого указывает на соотношение рационального и интуитивного как целостного взаимосвязанного процесса, где особое место занимает *предпонимание*.

Как было уже отмечено, интуиция и рациональность – тесно связаны между собой и являются важными элементами сложного процесса научного познания. Предвосхищая некоторые выводы своего исследования, отмечу, что из различных имеющихся в арсенале европейской философской мысли представлений о том, *что есть интуиция* и *что есть рациональность*, существуют различные точки зрения. Остановимся на тех, которые наиболее полно характеризуют специфику самого процесса познания и научной деятельности на ее современном этапе. Здесь одним из способов его решения является определение специфики рационального познания по отношению к внерациональному; сопоставление интуитивного и рационального аспектов процесса научного познания, наконец, определение значения участия каждого в этом процессе.

Например, если на обыденном уровне интуицию мы связываем с *предчувствием*, то сам феномен предчувствия (как некоего беспокойства, тоски или волнения) касается наиболее глубинных аспектов проявления биологической природы человека. Здесь интуиция может выступать как некая защитная реакция на агрессивные проявления внешней среды – природной и/или социальной. Наличие хорошо развитой у человека интуиции и проявление ее в виде предчувствия указывает на длительный путь становления человека как вида; этот феномен является фактором длительного эволюционного становления когнитивных способностей и рациональной формы мышления и поэтому рассматривается в связи с проблемой выживания, закрепленном в деятельности мышления в процессе эволюции. Тем самым, мы можем подтвердить наш вывод об эволюционной обусловленности появления такого феномена, каковым является предчувствие или интуиция.

Современная наука (биология, психология) ассоциирует предчувствие с проявлением социоприродной сущности человека, с проявлением хорошо развитой адаптационной способности, т.е. с тем, что обуславливает и,

одновременно, способствует коадаптации человека к различным влияниям внешней среды⁵⁶. Однако на феномен предчувствия философы смотрят шире. Предчувствие – это не только приспособляемость и в своем проявлении оно не ограничивается сферой приспособления к изменяющимся условиям жизни в природе и социальной среде, но, наряду с этим, проявляется в сфере разума и характеризуется как продолжение естественной природы человека, наиболее ярко раскрываясь в научном творчестве.

У современной философии имеется широкий арсенал методов научного исследования, который систематизируется и классифицируется, исходя из специфики тех конкретных объектов, которые изучает та или иная наука. Методологию научного исследования составляют такие методы познания, которые являются рациональными уже в силу того, что неоднократно подвергались проверке в результате конкуренции научных теорий. В этом смысле методология отражает преемственность знания, и эта преемственность проявляется в сфере рациональности научного поиска. Однако методология сколь полной она бы ни была, она дополнена тем индивидуальным опытом познания, которым владеет сам ученый. Тем самым значение глубинных проявлений опыта творческой мыслительной, интеллектуальной деятельности ученого, оказывается столь же важно (например, в научном открытии), сколь важна общая методология, выработанная предшествующим опытом конкретной науки и философии.

Рассмотрению глубинных, внерациональных способов познания в соответствии с доминирующим типом рациональности будет посвящен следующий параграф моей диссертации.

⁵⁶ Например, интересно психологическое исследование интуиции в книге: *Николас Элли* Интуиция. Как понять, что чувствуют, думают и хотят другие люди. М.:Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус, 2015. – 256с.

3.2. Концепция «открытой» рациональности и проблема предпонимания

Подойдя непосредственно к проблеме соотношения рационального и внерационального в научном познании вначале необходимо определить факторы, которые позволяют понимать рациональность как открытую систему, в контексте которой как раз возможен анализ интуиции.

Для определения границ и условий рациональности следует также определить, что же такое внерациональное в познании. Внерациональное я понимаю не как противоположное рациональному, не как его антипод, а скорее, как то, что одновременно и обуславливает рациональность, и выходит за ее пределы. При этом внерациональным будет считаться все то, что находится за пределами определенного типа рациональности. В моей диссертации внерациональным будет считаться интуиция во всем многообразии ее проявлений.

Следует пояснить, что вместе с развитием научного знания, изменялся тип рациональности. Так, В.С. Стёпин выделяет три таких типа: классическую, неклассическую и постнеклассическую рациональность. Критериями различия выступают: специфика объектов, их системная организация; совокупность идеалов, норм и правил исследования. Наконец, «специфика философско-методологической рефлексии над познавательной деятельностью, обеспечивающая включение научных знаний в культуру соответствующей исторической эпохи»⁵⁷.

Уместно будет рассмотреть специфику познавательной деятельности в связи с положением субъекта и объекта, как они понимались в русле классической рациональности. Определение этих позиций как раз и позволяет выявить тип рациональности, в которой находится исследователь. В классическом понимании рациональности субъект полагается *открытым* как для внешнего мира, так и для самого себя. Объект познания – прозрачен, необходимо только

⁵⁷ Стёпин В.С. Исторические тип научной рациональности // Философия, методология и история науки, 2015. Т.1 №1. С.11.

его описать и выявить общие законы его существования, которые объективно существуют, уже даны, но ещё не явлены познающему субъекту. Весь процесс научного познания сводится к тому, чтобы составить максимально полную картину исследуемого объекта, причем безотносительно к познающему субъекту. Это формирует такой род знания, который связан с так называемой *объектной рациональностью*. Наиболее отчетливо объективная рациональность представлена в науке Нового времени, и такая рациональность характеризуется как отражение механистической картины мира. Установка на объектную и принципиальную познаваемость мира (объектов) в границах той или иной науки – это как раз познание тех реальных свойств и качеств, которые изучаются в рамках классической рациональности.

Стремление к размыканию жестких рамок классической рациональности выразилось уже в работе Э. Гуссерля «Кризис европейских наук и трансцендентальная философия», позицию которого выражает точная формулировка Н.С. Автономовой: «Европейские нации больны, вся Европа в кризисе, порожденном болезнью разума как болезнью «объективизма»: притязая на универсальность, разум забывает о происхождении разума в актах исторических и субъективных»⁵⁸. Однако уже Кант выносил апорийность разума за пределы механистической картины мира, с которой гармонировал лишь рассудок. Эта апорийность в дальнейшем нашла отражение в поисках оснований рациональности. Так, Н.С. Автономова видит в этом свойстве разума и свойство самой рациональности как «... нерасщепленной на типы и подтипы...»⁵⁹. В этом смысле проблема рациональности рассматривается в связи с определением разумности.

Для более полной иллюстрации гносеологической ситуации в русле классического рационализма, сошлюсь на работы В.С. Швырева, который

⁵⁸ Автономова Н.С. Философский язык Жака Дрида. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С.303.

⁵⁹ Там же. С.301.

пишет: «Онтологической “прозрачности” объекта в механицизме соответствует “прозрачность” субъекта для самого себя, для собственного самосознания в его конструкциях знания, то, что составляет сущность гносеологии, классического когнитивизма»⁶⁰. Данный тип рациональности нашел отражение, как в науке Нового времени, так и выразился в двух философских концепциях. Одна из них – *эмпирико-сенсуалистическая* (Бэкона и Локка), а другая – *рационалистическая* (Декарта и Лейбница). Как отмечает В.С. Швырев, хоть эти концепции и различались, но по своей сути исходят из одного начала; их объединяет то, что все знание, которое может человек получить, исходит из “неких непреложных для самосознания оснований”⁶¹. Такими основаниями как раз и являются критерии рациональности, принимаемые в конкретную историческую эпоху и используемые в конкретных условиях развития научного познания.

Ссылаясь на Швырева и вводимое им понятие «открытой рациональности», В.С. Стёпин не просто использовал это понятие, но, как он сам подчеркивал, «интерпретировал как характеристику постнеклассической науки, осваивающую исторически саморазвивающуюся человекомерную систему. Владимир Сергеевич справедливо подчеркивал постоянную рефлексивность науки над своими собственными основаниями и более глубокий уровень рефлексивности, свойственной современной науке»⁶².

Критерии рациональности, которые характеризуют человеческую деятельность и научное познание можно вполне отчетливо сформулировать. Так, Е.Н. Шульга отмечает, что одним из важных и ключевых критериев рациональности для любого из выделенных исторических типов рациональности является требование *выражаемости* мысли, которая

⁶⁰ Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры Традиция и современность. М.: Прогресс- Традиция, 2003г. С.124.

⁶¹ Там же, с. 124.

⁶² Стёпин В.С. Философия и методология науки. Избранное. М.: Академический проект, Альма матер. 2015. С.671.

подразумевает ясность выражения мысли. “Выражаемость как акт деятельности рационального мышления, – пишет Е.Н. Шульга, – должна также предполагать ясность стиля выражения любых законченных мыслей и, кроме того, смысловую определенность любого предложения или высказывания”⁶³.

Данный критерий связан с требованием к языку как средству выражения мыслей, в том числе, внеязыковых мыслей. В соответствие с этим требованием, необходимо учитывать возможность интерпретации выраженной мысли, т.е. необходимо использовать *критерий открытости* в качестве интерпретативности как возможности быть понятым и истолкованным должным образом и в доступном для понимания языке. Также необходимо соблюдать условие контролируемости того, что понято и что подлежит истолкованию. Другими словами следует соблюдать принцип *интеллектуальной контролируемости* того, что ученый высказывает или обосновывает. В целом, эти критерии рациональности учитываются как в научной деятельности ученого, так и могут составлять коммуникативную сторону научного дискурса. Тем самым реальность и рациональность оказываются взаимосвязанными как в восприятии и оценке действительности, так и в практике коммуникации людей. Оба аспекта составляют основу научной деятельности, определяя ее смысл.

Для понимания рациональности не только с точки зрения ее исторической обусловленности, но и объяснительной функции обратимся к точке зрения, высказанной отечественным философом В.С. Швыревым.

Согласно В.С. Швыреву, существуют два типа рациональности: “*закрытая*” и “*открытая*”, каждая из которых имеет свои особенности.

«Если рассматривать рациональное познание, в том числе научную рациональность как частный вид рациональной деятельности вообще, то

⁶³ Шульга Е.Н. Концепция рациональности и аналитическое наследие Львовско-Варшавской школы // Исследование аналитического наследия Львовско-Варшавской школы С-П: Мир, 2006. С.47.

закрытая научная рациональность выступает здесь как такая целесообразная деятельность, целью которой является представление, моделирование предмета познания в концептуальных схемах на основе заданных познавательных предпосылок, соответствующих парадигм, картин мира, теорий, концепций и гипотез»⁶⁴. Это означает, что «закрытая рациональность» проявляется на определенном этапе научной деятельности, в особенности, на уровне выдвижения концептуальных положений, их разработки и распространения. Причем эти концептуальные положения квалифицируются как «концептуальный аппарат», вводимый с целью получения нового знания. Тем самым, «закрытая рациональность» направлена на экстенсивный рост знания, а его концептуальный аппарат предназначен для обоснования новых предметных областей науки. В свою очередь, «открытая» рациональность «связана с интенсивностью научно-познавательной деятельности в смысле направленности, так сказать, вглубь, на совершенствование и развитие внутреннего каркаса концептуального аппарата»⁶⁵.

Таким образом, отличие указанных типов рациональности определяется установками самого ученого, исследователя. В первом случае – теоретико-методологические установки направлены исключительно на укрепление и сохранение методов рациональной деятельности; во втором – на поиск новых методов познания, на расширение уже существующего концептуального основания.

«В случае закрытой рациональности вектор усилий направлен на утверждение и реализацию программы рационального сознания или действия, заданный имеющимися исходными ориентирами. Открытая же рациональность предполагает установку на совершенствование и развитие исходных ориентиров и предпосылок рациональных сознания и действия вплоть до отказа от них и

⁶⁴ Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры Традиция и современность. М.: Прогресс- Традиция, 2003. С.51

⁶⁵ Швырев В.С. Там же. С. 51.

выработки новой системы исходных координат».⁶⁶ Таким образом «открытая» рациональность выступает как динамическая структура, которая приспособлена отвечать на вызовы времени, новые экспериментальные данные и может выступать как регулятор традиций и инноваций. Такое расширение понимание рациональности как «открытой» и «закрытой» позволяет преодолевать абсолютизм рациональности в науке, в частности как единственное условие эффективной научной деятельности.

Установка на открытость рационального познания характеризуется, прежде всего, тем, что она создает условия выхода на уровень творческой свободы. Поэтому *открытость* это не только направленность исследователя на критику уже имеющихся научных оснований, методов или исходных положений научной теории. Но это и направленность сознания вглубь самого себя, при которой человек раскрывает свой творческий (исследовательский) потенциал во всей полноте, и где человек (исследователь, ученый) оказывается способным выйти и выходит за жесткие рамки, накладываемые той или иной моделью рациональности.

Интересную точку зрения относительно рациональности и способов ее реализации – закрытая рациональность и открытая рациональность, высказывает В.А. Лекторский. Разделяя позицию Швырева, он подчеркивает, что: «это понимание и использование рациональности исходит из неких предпосылок – когнитивных и ценностных, которые принимаются как данные и не подвергаются критической рефлексии»⁶⁷. Такова, на мой взгляд, закрытая рациональность. Ее особенность состоит в том, что ориентация на уже готовые, безусловно принимаемые предпосылки рационального действия имеет

⁶⁶ Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры Традиция и современность. М.: Прогресс- Традиция, 2003. С.49.

⁶⁷ Лекторский В.А. Рациональность как ценность культуры // Рациональность и её границы М.: Институт философии. Российская академия наук, 2012. С.227.

ограничения. Опасность их состоит в том, что они могут навязываться обществу как абсолютные интеллектуальные ценности, что и произошло, например, с некоторыми идеями Маркса и Энгельса относительно направленности исторического процесса к безусловному прогрессу и всемирному благоденствию. Утопичность этой идеи очевидна, однако, она была популярна и рассматривалась как вполне рациональная и хорошо обоснованная, довольно долгое время. Другой пример дает нам история развития психологической науки, в частности, бихевиоризм Скиннера, согласно которому вся сложность психосоматических проявлений и психологических проявлений человека сводится к простой схеме и как кажется, рационально подкрепленной схеме: «стимул-реакция». Однако такое объяснение не соответствует всему многообразию проявлений жизни человеческого организма, его интеллекта и его психики.

Возвращаясь к точке зрения В.А. Лекторского, нельзя не отметить, что он усматривает в рациональности два смысла, один из которых аналогичен понятию закрытой рациональности (в концепции В.С.Швырева), а другой предполагает выход за пределы ограниченности понимания предмета, что соответствует понятию открытой рациональности. Тем самым Лекторский признает наличие различных уровней проявления человеческого разума, разумности или рациональности. Он подходит к пониманию значения такого феномена, который я бы назвала *предпосылочным знанием*. Однако у Лекторского это такой тип рациональности, который предполагает «также и рефлексивное осознание и пересмотр самих когнитивных и ценностных предпосылок.... А это становится возможным в условиях критического диалога с носителями иных когнитивных и ценностных представлений. В случае познания это дискуссии между разными теориями и исследовательскими программами. В случае практических действий – это коммуникация и

критическое обсуждение имеющихся предпочтений у отдельных индивидов, социальных групп, разных культур»⁶⁸.

Таким образом, на примере двух подходов к рациональности, высказанных В.С. Швыревым и В.А. Лекторским можно выявить корреляцию тех критериев рациональности, по которым осуществляется демаркация двух типов рациональности. Объединяет эти позиции общее основание – взгляд на рациональность как на свойство человеческого мышления и познания наряду с попыткой придать ей общечеловеческий смысл и множественность сфер приложения (на обыденном уровне и в науке).

Учитывая смысловую множественность понимания рациональности по отношению к научной деятельности или по отношению к способности человеческого интеллекта, следует заметить, что в самой рациональности как деятельности есть нечто неопределимое, но наличествующее внутри нее самой. Это смысловое ядро, которое позволяет «схватить» суть вещей еще до того, как они получают понятийную характеристику (это как раз то, о чем пишет Лекторский, называя феномен «схватывания» выбором предпосылок). Это значит, что суть рациональности мы можем понять, если будем учитывать ее внутреннее единство разных проявлений, в том числе, скрытых, не выразимых в словах, и это та область, которую мы можем отнести к сфере проявления интуиции. По мере углубления в суть *ratio* как фактора интеллектуальной деятельности, целой эпохи, научного познания, с его тенденцией к расширению списка рациональных методов научного исследования, ускользает то фундаментальное основание, которое позволило бы определить рациональность как чистый феномен. В целом же рациональность рассматривается как «сложная многомерная структура», поэтому справедливо утверждение В.Н. Поруса, что «языки и методы, которыми описывается и объясняется рациональность,

⁶⁸ Лекторский В.А. Рациональность как ценность культуры // Рациональность и её границы М.: Институт философии. Российская академия наук, 2012. С. С.229.

являются сопряженными по смыслу: будучи оторванными друг от друга (рассмотренные как самодостаточные), они могут давать искаженный или даже противоречивый «образ» рациональности, но совместно они дают такой «образ», который в своем развитии приближается к *понятию* рациональности»⁶⁹.

Конечно, достижение полной ясности понимания сути рациональности как феномена сознания все еще остается проблематичным. Однако используем следующий подход. Проведем демаркационную линию между тем, что определяют как рациональное и тем, что таковым не является, но присутствует в *ratio* в скрытом виде и, при этом, включается в научную деятельность, которую мы характеризуем исключительно как рациональную. Возникает вопрос: можно ли обозначить границу между рациональным и интуитивным, и выделить внерациональное, интуитивное в реальном процессе научного познания? Может ли сам ученый зафиксировать переход от использования *ratio* к интуиции и наоборот?

На эти вопросы нет однозначного ответа, поскольку в принятии решения или в творческом озарении исследователь нацелен, прежде всего, на решение проблемы, на обнаружение истины и в меньшей степени он тратит усилия на то, чтобы зафиксировать в своей голове те скрытые моменты, которые приводят его непосредственно к озарению.

Однако и на эти трудные вопросы сознания философы пытаются найти ответы. Например, Э. Агацци, на мой взгляд, идет верным путем, рассуждая о рациональности как о когнитивной деятельности. При этом он вводит понятие «когнитивная рациональность», что конкретизирует область исследования, где рациональность характеризуется как способность человеческого мышления.

Итак, в предыдущем параграфе было рассмотрено понятие интуиции как универсальной способности, которая сопровождает человека в разных

⁶⁹ Порус В.Н. Перекрестки методов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С.383.

жизненных обстоятельствах, помогая ему как в выживании, так и в открытии нового знания. Однако сложный процесс научного исследования предполагает использование рациональных методов и рационального хорошо обоснованного знания, на которое опирается исследователь, и где интуиция оказывается одной из составляющей внутреннего процесса научного творчества. Разделяя эту позицию, я пойду дальше, и буду рассматривать *предпонимание* в качестве такого феномена, который находится на границе опосредованного знания и непосредственного восприятия.

3.2.1. Понимание, предпонимание, интуиция

Проблематика предпонимания представляет собой одно из актуальных направлений современной эпистемологии, однако, впервые феномен предпонимания стал рассматриваться как элемент познания в связи с проблемой понимания в интерпретации – центральной темой философской герменевтики. Это дает основание использовать результаты философской герменевтики в отношении изучаемой проблематики, в частности, в отношении проявления смысла фундаментальных понятий эпистемологии и философии науки.

Один из способов определения статуса того или иного научного и/или философского понятия состоит в выяснении тех условий получения конкретного смысла этого понятия, который ему придают в зависимости от контекста употребления или в связи со спецификой изучаемого объекта. Этот методологический прием мы будем использовать и в нашем исследовании. Одной из задач данного параграфа является определение специфики соотношения предпонимания, понимания и интуиции, и как эти феномены человеческого мышления и сознания раскрываются на фоне рациональных поисков, отвечающих задаче научного исследования.

Самый простой путь получения конкретной характеристики того, что есть предпонимание – это признать наличие предпонимания как феномена

нашего сознания. Наряду с этим, можно попытаться выяснить место предпонимания в сложном процессе познания. В качестве примера такого способа обоснования специфики предпонимания, обратимся к недавно изданной книге Тисельтона «Герменевтика». В ней философ характеризует предпонимание не только как когнитивную способность, но ссылается на предпонимание как действие в случае, когда «речь идет о формулировке исходного предположения с целью дать толчок процессу, направленному на более глубокое понимание сути вопроса»⁷⁰.

Как можно заметить, уже в этой оценке предпонимания обнаруживается указание на глубинный смысл, который ученый придает процедуре познания, где предпонимание и понимание (вопроса, той или иной проблемы) тесно взаимосвязаны, причем философ связывает этот первоначальный этап познавательной деятельности с конкретными предписаниями. Они касаются «формулировки исходного предположения», и эти формулировки, по всей видимости, должны опираться на знание предмета изучения, и быть направлены на то, чтобы служить цели «более глубокого понимания сути вопроса». Хотя само слово «предпонимание» в этом фрагменте текста не используется, смысл его косвенно указывает на участие предпонимания как феномена, который направляет к пониманию, что, безусловно, предполагает наличие знания у того, кто способен выдвинуть те или иные «исходные» предположения. Тем самым предпонимание можно описать и как процесс и как результат, и как способность понять суть вопроса, и как способность артикулировать сам вопрос, придавая ему очевидный и понятный смысл.

Конечно, такое сформулированное «исходное предположение» может выступать в качестве предпосылки знания и рассматриваться как первоначальный этап в изучении предмета, но при этом, предпонимание «суть вопроса» осознается самим познающим субъектом как особое

⁷⁰ Тисельтон Энтони Герменевтика. Пер. с англ. – Черкассы: Коллоквиум, 2011. С.19.

состояние, связанное с выдвижением идеи в качестве некоего предположения. На этом этапе процесса познания предпонимание выступает как опирающееся на знание, которое еще не обосновывается на уровне понимаемого смысла, но только предчувствуется и затем формулируется в качестве предполагаемого.

По мере углубления в суть вопроса или проблему это изначальное состояние предпонимания чего-либо может быть, как отброшено или же напротив, подтверждено дальнейшим ходом мысли и дальнейшими рассуждениями, где к предпониманию подключается рациональное и артикулируемое обоснование. Поэтому движение от предпонимания к пониманию включает в себя постоянную проверку собственного изначального предположения, корректируемого с первоначальным предполагаемым смыслом. С другой стороны, процедуру понимания, представляемую как движение от предпонимания к пониманию можно характеризовать как нарративность наших размышлений и рассуждений, как адресуемость к высказывательному виду, или как минимальный герменевтический круг, где происходит «прыжок» к пониманию, что, по сути, сближает предпонимание и интуицию. Однако именно интуиция мгновенно представляет нам конкретное решение, причем такое решение, которое подкреплено чувством веры в его истинность⁷¹.

Рассматривая предпонимание в контексте философской герменевтики, следует заметить, что сама герменевтика задавалась такими вопросами, как поиск собственных первоначал. В особенности это задача проявила себя как актуальная в рассуждениях о возможности понимания в связи с истолкованием, причем этот поиск касается как обоснования системы адекватных методов понимания и интерпретации, так и вопроса о метафизических границах понимания вообще.

⁷¹См.: *Lycan William G.* Epistemology and role of intuition // *The Routledge companion to epistemology*. New York: Taylor & Francis. 2011, pp.813-823.

Отыскивая эпистемологические и герменевтические основания соотношения предпонимания и интуиции в научном познании, я исхожу из утверждения, что указанные феномены воспринимаются как нечто данное. Более того, рассуждая о предпонимании в связи с уточнением смысла интуиции как элемента познавательной деятельности, мы уже используем в качестве предпосылки нашего понимания сущности рассматриваемых феноменов восприятие этой данности в объекте, в его целостности. Другими словами, мы исходим из того, что у нас уже имеются в предпонимании некоторые представления о предмете исследования, т.е. мы обладаем определенной долей знания предмета изучения, а по сути, у нас есть *пред-*знание изучаемого нами предмета или вопроса. И хотя такой поворот в рассуждении на первый взгляд может показаться парадоксальным, попытаюсь выявить сущность предмета данного рассуждения на разных уровнях.

Так, на феноменологическом уровне предпонимание предполагается там, где «нечто» нами понято, поэтому это «нечто» является одновременно и нашим знанием. Содержательное наполнение такого рода знания всегда индивидуально, личностно и при этом оно может быть эмоционально окрашено, артикулировано и наполнено содержанием и смыслом. Именно в феноменологическом смысле предпонимание индивидуально и субъективно. Однако в социальном смысле оно всеобщее, поскольку способность *пред-*понимать нечто присуща всем людям, и эта та естественная способность, без которой взаимопонимание людей было бы невозможно. Поэтому следует признать, что феноменологическая характеристика предпонимания дает нам представление о характере феномена, в котором находит отражение стабильная очевидность реального мира и его объектов, в том числе таких, благодаря которым становится возможным распознавание специфики процесса познания и его понимания на сущностном уровне. В

общефилософском смысле проблематика предпонимания связана с развиваемой современной эпистемологией *теорией понимания*. Обоснование теории понимания начинается с обработки ценностных объективных суждений, которое раскрывает познание и на этой основе – выдвижение учения о постижении смысла.

Фундаментальность процесса понимания, рассматриваемого в контексте сопоставления исторических типов рациональности, соотношения рационального и иррационального выступает как важная составляющая самого процесса научного познания⁷². Организуя опыт и усвоенные знания, понимание находится на границе критической рефлексивности как одного из уровней рациональности. При этом неартикулируемый опыт познания, который свойственен интуиции, можно отнести к сфере предпонимания.

Современная эпистемология характеризует понимание как феномен сознания, как результат направленности деятельности познающего субъекта, и, одновременно, как процесс, в котором задействованы определенные когнитивные механизмы. На первый взгляд, предпонимание – это и тип знания, которое предшествует полноте нашего знания предмета. Другими словами, это то, что соединяет в себе элементы уже известного, наряду с тем, что еще не артикулировано, либо находится в области иррационального. Тем самым знание и предпонимание не просто взаимосвязаны, но они взаимообусловлены, поскольку одно предполагает другое.

На уровне научного исследования, научного поиска, предпонимание выступает как важный элемент процесса научного открытия, обнаружения нового. Поэтому предпонимание мы должны характеризовать и как важную эпистемологическую составляющую процесса познания в целом.

⁷² См.: Стёпин В.С. Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности // Философия, методология и история науки. Научно-практический журнал, 2015. №1. Том 1. С.6-27.
Шульга Е.Н. Проблема научной рациональности в контексте европейского рационализма // Там же. С.38-54.

Итак, описывая предпонимание на феноменологическом уровне, или же определяя его как элемент когнитивной деятельности, я связываю его с внерациональной деятельностью нашего мышления. Между тем предпонимание характеризуется как свойство целостного, одномоментного схватывания какого-либо «предпонимаемого смысла». И это возможно, как пишет Е.Н. Шульга, «благодаря действию сложного механизма взаимодействия психофизического, эмоционального и рационального элементов процесса мышления и познания»⁷³. Здесь предпонимание находится в той области познания, где действуют принципы, которые свойственны интуитивному схватыванию предмета, образа, мысли, идеи и т.д.

Для более глубокого понимания специфики предпонимания, важно проследить взаимосвязь процесса понимания как особого рода *интеллектуального переживания*, близкого по смыслу к таким категориями как «вживание», «вчувствование», «вхождение в контекст, которые используются в философской герменевтике. В особенности для того, чтобы передать смысл ментального состояния как выражения «события предпонимания», которое не ограничивается лишь сферой субъективного, но выходит за его пределы, становится предметом коммуникативной смысловой реальности, а это уже выводит нас на философский уровень анализа сложного процесса понимания, связанного с интерпретацией.

Большинство исследователей проблематики понимания и интерпретации считают необходимым *критический контроль* над процессом интерпретации; они разделяют два одинаково значимых аспекта – объяснение и понимание. Объяснение соответствует традиционному процессу познания

⁷³ Шульга Е.Н. Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. М.: Российская академия наук. Институт философии, 2004. С.9.

во всех областях науки, понимание же предполагает личностное субъективное участие и интуитивный или внерациональный подход.

Как известно, Ф. Шлейермахер проводит границу между критикой, сравнением и стремлением к пониманию, в частности в связи со стремлением людей к взаимопониманию и согласию. Он формулирует два подхода и выделяет в герменевтике два принципа, по которым можно было бы интерпретировать текст: дивинаторный и сравнительный. Первый принцип интерпретации опирается на интуитивное вживание в текст и соответствует задаче интерпретатора понять истинный смысл текста, проникаясь стилем мышления самого автора. По сути, дивинаторный принцип интерпретации предполагает «психологическую» интерпретацию, используемую герменевтикой в качестве одного из приемлемых подходов⁷⁴. Таким образом, интерпретация состоит из двух взаимосвязанных принципов: «грамматического» и «психологического». Причем под «психологическим» в широком смысле слова Шлейермахер понимает то, что составляет внутреннюю, отразившуюся в тексте жизнь автора, создателя этого текста. Схожим образом и подобным методом психологической интерпретации пользовался известный русский философ И.А. Ильин, интерпретируя философию Гегеля⁷⁵.

Второй метод интерпретации – «грамматический» – более строг в отношении грамматики текста, его логической языковой структуры. В реальном процессе интерпретации и понимания (текста, факта, исторического события и т.д.) оба подхода взаимосвязаны, правда, часто пренебрегают именно первым подходом, который апеллирует к чувству, к первичному восприятию и даже к интуиции. Поэтому здесь понимание связано с соотнесением (содержания текста, событий и т.д.) и сравнением как

⁷⁴ Тисельтон Энтони Герменевтика. Пер. с англ. – Черкассы: Коллоквиум, 2011. С.172.

⁷⁵ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том I. Учение о Боге. М.: Русская книга, 2002. С. 9-20.

базисными операциями, облегчающими понимание и взаимопонимание людей. Как утверждал, например, Эрнст Фукс (1903-1983), создатель так называемой «новой герменевтики», сопереживание и взаимопонимание – это понятия, которые выражают суть герменевтики, нацеленной на «глубинное понимание»⁷⁶.

Важный вклад в проблематику понимания и истолкования внес Вильгельм Дильтей; он расширил область применения герменевтики и предложил концепцию понимания, в которой освящаются вопросы предпонимания и соотношения предпонимания и интуиции. Он выдвигает триаду «переживание-выражение-понимание», которая в точности соответствует процессу получения знания, объясняя, как, каким образом непосредственность восприятия может стать достоверным знанием. При этом Дильтей вводит понятие «герменевтический круг» – метод, которым пользовался Шлейермахер, но не давал ему такого названия.

Важно при этом обратить внимание на то, что Дильтей стремился выйти за рамки психологической тенденции в обосновании изучаемого материала или текста и был озабочен «поиском методологической базы для обоснования наук о духе, начальным и конечным пунктом которых является, по мнению Дильтея, конкретный исторический, живой опыт»⁷⁷

Таким образом, по Дильтею, понимание органично включается в целостный жизненный процесс, которым является познание. Более того, понимание «определяется не как отдельный вид познания, существующий наряду со знанием теоретическим, а как эпистемологический компонент жизненнопрактического освоения мира, включающего согласно основному

⁷⁶ См.: *Fuchs Ernst*, "The Problem of Hermeneutics" *The future of Our Religious Past: Essays in Honour Rudolf Bultmann*, ed. J.M. Robinson, trans. C.E. Carlston, R/P/ Scharlemann (London: SCM, 1971), p. 267.

⁷⁷ *Шульга Е.Н.* Когнитивная герменевтика. М. 2002. С.145.

антропологическому принципу Дильтея, когнитивные, эмоциональные и волевые аспекты.»⁷⁸.

Предпонимание, как было показано, выступает как «промежуточное звено сложного акта понимания или его «первое основание», которое есть еще не-артикулируемое, но соотнесенное с уже усвоенными смыслами, имплицитно присутствующими в сознании. Между тем, подобно тому, как интуиция может привести к недостоверному знанию, так и предпонимание может приводить к некому мнимому знанию.

Безусловно, при интерпретации сложного научного текста может наступить момент предугадывания, даже вчувствования, когда интерпретатор, углубляясь в содержание текста, стремится «сравняться с автором» в понимании этого текста или даже превзойти его. Согласно Ф. Шлейермахеру, этот подход как главная цель герменевтического метода сводится к тому, чтобы «понять автора лучше, чем тот понимал сам себя».

Разделяя эту позицию Ф. Шлейермахера, следует отметить, что понимание в своей исходной точке, которую мы выделяем и называем предпониманием по смыслу близко той изначальной интуиции, которую имел в виду А. Бергсон, когда говорил о сущности интуиции и о значении философской интуиции. Основанием такого взгляда явилось убеждение Бергсона в том, что первоисточником философской системы является простое начало – чистая интуиция философа⁷⁹. Такое понимание интуиции базируется на эволюционную онтологию и те эпистемологические представления, которые соответствуют представлению о сознании человека как находящемся в динамическом развертывании того начала, которое было уже предположено в «жизненном порыве». Таким образом, данная аналогия позволяет выйти за пределы текстов в область живого процесса познания. В связи с

⁷⁸ Плотников Н.С. «Живое знание»: Идея конкретного познания у С.Л. Франка и В. Дильтея // Герменевтика. Психология. История. Вильгельм Дильтей и современная философия. М.: Три квадрата, 2002. С.192.

⁷⁹ Бергсон А. Философская интуиция // Избранное: Сознание и жизнь. М.: Роспэн, 2010. С165.

этим когнитивные характеристики получают конкретные условия понимания смыслового содержания материала исследования.

Так, М. Шелер рассматривал познавательные возможности человека в контексте их социальной обусловленности. При этом получение знания принимает самые разные формы, которые подчиняются преобразованию в процессе освоения объектов науки, искусства и всех иных сфер духовной жизни людей. «Иначе говоря, – как пишет Е.Н. Шульга, – через духовный аспект жизнедеятельности как раз и происходит творчество смыслов. Эта способность возникает вследствие объективного понимания смыслового содержания произведений творческого Я и этому этапу предшествует субъективное, непосредственное понимание правил получения смысла»⁸⁰.

Однако эти «правила получения смысла», например, по Шелеру, лежат исключительно в социальной сфере. Поэтому у него предпонимание предполагает не только опору на знание как условие предпонимания, но само знание может быть получено в процессе общения в семье, группе, обществе и т.д. Поэтому предпонимание первично по отношению к знанию, оно дано людям *a priori* и предшествует появлению «Я», т.е. предшествует самосознанию. Важность этой идеи состоит в том, что в ней раскрывается рациональное объяснение процессов, происходящих *вне* рациональной сферы познания, но, при этом, закладывает основу представлению о том, как формируется традиция. Согласно Шелеру, традиция создается благодаря способности человека к подражанию и копированию наряду с использованием такого способа познания действительности как наблюдение «Другого».

Познание фундаментальных основ процесса познания выводит нас на проблематику, связанную с рассмотрением таких аспектов, где понимание и

⁸⁰ Шульга Е.Н. Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. М.: Российская академия наук. Институт философии, 2004. С.44.

предпонимание получают конкретное описание, и это описание, как можно заметить, по концепции Шелера, вполне рационально и имеет собственные оригинальные основания. Для нас важно, что Шелер характеризует предпонимание как естественную данность, и только после этого соотносит его с естественной способностью к социализации, изначально присущей людям.

Иной смысл предпонимания мы находим в философии М. Хайдеггера, для которого понимание – это «феноменологическая почва, благодаря которой бытие (как определенная возможность, как “умение быть”) получает позитивную онтологическую определенность присутствия»⁸¹. Тем самым понимание и предпонимание характеризуются как фундаментальные экзистенции, которые определяют и познание, и все виды практического отношения человека к миру⁸².

Концепция понимания Хайдеггера интересна еще и тем, что у него мы находим целый проект герменевтического отношения к тексту, где как раз и проявляются условия понимания его как способность к интерпретации и получению смысла. Опуская описание основных положений герменевтической позиции Хайдеггера, укажем только на те отдельные аспекты, что связаны с интересующей нас проблематикой, представленной в данной статье. Итак, рассуждая о герменевтическом понимании, Хайдеггер подчеркивает мысль о том, что понимание должно начинаться с усвоения некоего предварительного мнения. Это предварительно сформировавшееся «мнение» касается, в первую очередь, предпонимания смысла текста в целом или его отдельного фрагмента, т.е. понимания его в первоначальном значении, и такое понимание есть спонтанное *предвидение смысла* – контролируемое сознанием и удерживаемое в толковании.

⁸¹ Шульга Е.Н. Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. М.: Российская академия наук. Институт философии, 2004. С.57.

⁸² Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии М.: 2001.С.364-370.

Рассмотренные в данном разделе различные аспекты погружения в мир понимания (события ли, текста, самого себя или «Другого») дают довольно отчетливую картину развития самой проблематики, где место интуиции занимает предпонимание. Это делает возможным такой подход к изучению роли интуиции, который можно назвать *феноменологически-герменевтическим*, что как раз оправдывает использование методов философской герменевтики в отношении обоснования условий получения смыслов с помощью интуиции, включенной в рациональный процесс научного познания. Тем самым, мы закономерным образом выходим на такой уровень изучения проблемы соотношения интуиции и предпонимания, где интуитивное предстает как ассоциируемое с предпониманием, и, будучи соединенным с научным знанием, предпонимание оказывается встроенным в научную рациональность.

Конечно, сам термин «интеллектуальная интуиция» – не новый. Его используют многие отечественные философы. Например, В.С. Швырев, когда пишет о рациональности в контексте становления научного знания и о месте науки в современной культуре. Однако нельзя не заметить, что аспекты интуитивного познания, хотя и учитываются философом, но им практически не уделяется специального внимания. Так, в известной монографии В.С. Швырева «Рациональность как ценность культуры», понятие «интуиция» встречается только в трех местах. В первом случае, в ссылке на работу С.В. Мейена «Принцип сочувствия. Размышления об этике и научном познании» (М., 2006). Во втором случае речь идет об интуиции в ее непрямом смысле, когда автор предостерегает исследователей от игнорирования «внерациональных форм ментальности и культуры». При этом философ подчеркивает значение «ответственности субъекта рациональности», которая

сводится к выходу на «твердую почву эмпирического базиса интеллектуальной интуиции, логической истинности и т.п.»⁸³.

Наконец, понимание сущности интуиции у В.С. Швырева мы обнаруживаем в том фрагменте текста, где он пишет, что «Рациональное сознание исходит из возможности прямого схватывания и прослеживания свойств и связей исследуемого противостоящего ему предмета»⁸⁴.

Тем самым он ассоциирует интуицию с «прямым схватыванием» и ясно указывает на то, что рациональность, которой должен овладеть исследователь как некоей эпистемологической ценностью, предполагает еще и ответственность субъекта за выдвигаемые идеи. Между тем интеллектуальная интуиция характеризуется не только как способность интеллекта, но обладает ценностью истинного знания при условии, что субъект опирается на эмпирический базис собственной интуиции. Другими словами, интеллектуальная интуиция предполагает опору на опытное знание и навык познавательной деятельности. Благодаря этому навыку как раз и становится возможным «рациональное сознание» и «прямое схватывание», и «прослеживание свойств и связей». Именно на этом уровне процесс научного познания и исследования раскрывается в полную силу.

Стоит подчеркнуть, что корреляции рационального действия с интуитивным актом мгновенного схватывания предмета в целом позволяют сделать вывод о том, что в реальном процессе познания нет жесткой границы применения – отдельно *ratio* и отдельно интуиции. Напротив, эти интеллектуальные способности взаимодействуют, дают естественное направление процессу познания (и толчок к пониманию сути вопроса исследовательской деятельности). При этом заметим, что подобно тому, как в

⁸³ Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С.172.

⁸⁴ Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С.171.

акте предпонимания задействованы те же самые когнитивные механизмы, что и в интуитивном акте мышления, оба феномена проявляются благодаря их связи с информацией, с получением информации, которая затем, в последующей понятийной обработке (действия дискурсивного мышления), становится полноценным знанием.

Вопросы соотношения научного знания и интеллектуальной интуиции – это специальное направление исследования. Например, некоторые философы определяют интуицию посредством проявлений ее в той или иной конкретной сфере деятельности или соотносят с теми научными представлениями и идеями, где проявление интуиции представляется наиболее очевидным. Так, Дэвид Дойч, рассматривая структуру реальности, уделяет внимание различным аспектам интуитивного. Он связывает интуицию с такими проявлениями реальности, как действие в нестандартных ситуациях, в математике, в логике, в формулировании теории относительности, в теореме Геделя, в доказательствах, связанных с вычислением. Наконец, он рассматривает интуицию как врожденную способность человека и т.д.⁸⁵

Тем не менее, нельзя не отметить тот вклад в данную проблематику, которую представлен работами, как философов, так и ученых-исследователей. Так, М. Бунге в известной книге «Интуиция и наука» сопоставляет рациональные методы научного исследования применительно к внерациональным способам познания. Он выстраивает целую классификацию интуиции, придавая ей самые разные оттенки смысла. Называет ее «научным откровением», «научным предчувствием», «неформальным мышлением», творческим воображением, в результате которого появляется новая идея. Признавая наличие такого рода феноменов, учитывая их роль Бунге, тем не менее, отдает предпочтение творческой деятельности ученого, которая

⁸⁵ См.: Дойч Д. Структура реальности. М.-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика». 2001. С. 21; 353; 258; 151; 231-260.

проявляется, в том числе при участии воображения. Он считает, что «творческое воображение – конструктивный процесс, с помощью которого являются на свет, обогащая его, новые мыслительные объекты»⁸⁶.

В дополнение к этому, сошлемся на основоположника экспериментальной медицины Клода Бернара, который утверждал, что экспериментальный метод держится на трех устоях: на «чувстве» (или эмоции), разуме и опыте. Чувство всегда удерживает инициативу и порождает «априорную идею = гипотезу», или интуицию⁸⁷. При этом для эффективности научного исследования недостаточно следовать собственному вдохновению или ожидать его, но необходимо дополнять творческое воображение логической переработкой изучаемого материала. С другой стороны, не следует преувеличивать роль рационального, как единственно продуктивного элемента творчества в науке. Именно так называемые формалисты, как отмечает М. Бунге, «преувеличивали значение заключительного логического упорядочивания приобретенных знаний, не уделяя внимание способам получения посылок»⁸⁸. Более того, вспышка озарения, или так называемый «инсайт» в науке невозможен без предварительно приобретенного опыта освоения знания, опыта исследовательской работы.

Наряду с этим, нельзя не согласиться с мнением тех ученых, которые настаивают на значении внерационального элемента научного творчества. Так, известный историк науки и философ – Вильям Хьюэлл (1794-1866) говорил о тайне научного открытия, которое раскрывается благодаря творческому подходу к исследованию. Суть его состоит в творческом изобретении гипотез и прозорливом отборе правильных гипотез и

⁸⁶ Бунге М. Интуиция и наука. М.: Прогресс, 1967. С.125.

⁸⁷ Цит. по: Бунге М. Интуиция и наука. М.: Прогресс, 1967. С.125.

⁸⁸ Бунге М. Там же.

утверждений, а для этого требуется особый талант, которому нельзя научиться.

Интуитивная аргументация часто рассматривается как путь получения достоверного знания, поскольку самым надежным способом овладения информацией, используемой в научном исследовании, является тщательная аналитическая обработка полученных сведений, систематизация их и последующая классификация. Все это способствует созданию новых гипотез, формулированию новых идей, например, на основании сравнительного анализа. При этом в получении нового знания большое значение имеет интеллектуальная интуиция, которую мы не можем просто характеризовать как некоторое «ускорение умозаключения» (в терминологии Бунге). Но интеллектуальная интуиция предполагает опору на знание и развитый интеллект ученого, которые создают основу непосредственного видения «проблемы в целом» – а это как раз и есть согласование предпонимания и интуиции, проявляющееся на уровне рационального познавательного процесса с использованием рациональных методов научного исследования. Тем самым полнота понимания проблемы в совокупности со способностью к производству нового знания создают эвристический базис ученого, направляя его поиски не только исходя из запросов отдельной науки, но и при участии такого важного исследовательского импульса, каким является мотивация к творчеству в науке.

Итак, в данном разделе диссертации был рассмотрен феномен понимания в связи с проблематикой предпонимания, которая позволила определить путь усвоения и открытия нового знания посредством участия рациональных способов познания, наряду с внерациональными. В качестве исходного момента познания на пути научного исследования может выступать иррациональное предчувствие, например, того нужного смысла исследуемого

предмета (объекта изучения), аспекты которого конкретизируются в естественном языке и затем артикулируются в языке данной науки, приобретают смысл и значение научных понятий. В пространстве языка науки этот выраженный смысл предпонимаемого (понятийный смысл) становится живым эквивалентом рациональности. Особое значение в понимании специфики научно-исследовательской деятельности имеют анализ тех специфических проявлений творческого процесса научного познания, как интуиция в ее интеллектуальном аспекте проявления. Именно в этом последнем случае соотношение предпонимания и интуиции раскрывается в полной мере.

3.3. Научная интуиция и рациональность процесса научного исследования

Изучая природу научной интуиции, следует начать с того, что *интуитивное* характеризуется как проявление внерационального в мышлении, однако не обязательно ограничиваться только лишь понятием *инсайта*, но, выявляя специфику действия интуиции, рассмотреть ее как важный этап в такой рациональной деятельности мышления как понимание. Таким образом, интуитивное и рациональное не могут быть определены исключительно как автономные и независимые друг от друга в реальном процессе познания – относительная автономность им придается лишь в том случае, если необходимо выявить специфику проявления каждого из указанных элементов познания. В подтверждение моей позиции, сошлюсь на Е.Л. Фейнберга. Он пишет: «Иногда не замечают (или считают второстепенным) тот факт, что необходимость во внелогическом суждении возникает в любой науке, как только мы хотим соотнести с реальными процессами в мире результаты, даваемые

математическим аппаратом, а также аксиоматические положения, на которых этот аппарат строится»⁸⁹.

Такая установка предполагает исследование феномена научной интуиции с целью определения ее роли в научном познании. Актуальность такого направления исследования связана с тем новым смыслом, который придается научной интуиции при соотношении интуиции с направленностью развития конкретной науки на современном ее этапе. Здесь, как будет показано в данной части диссертации, научной интуиции придается ценностное и общекультурное значение. Поворот в изучении соотношения рационального и интуитивного в познании обусловлен тем, что современный этап развития науки сегодня характеризуется такими понятиями общефилософского смысла, как «научная революция», «научная парадигма», «научная картина мира» и т.д. При этом философы науки рассуждают об условиях, при которых происходит смена научной парадигмы или даже смена научной картины мира. В качестве основания здесь выступает именно рациональность, поэтому и смену научной парадигмы, научной картины мира характеризуют как смену типа рациональности.

Однако слабо выраженный интерес к научной интуиции делает актуальным определение значения ее в современном научном познании, в науке и научно-исследовательской деятельности. Эта проблема актуализирует необходимость рассматривать интуицию уже не только как феномен мышления или как когнитивную способность человека, но и включать «интуитивное» в общую методологию научного исследования.

К слову замечу, что наиболее последовательно интуиция включается в методологию научного творчества у А. Бергсона. Рассматривая ту или иную философскую систему, он реконструирует ход мышления и последовательность мыслительных актов ее создателя, выявляя, тем самым, методологию

⁸⁹ Фейнберг Е. Л. Две культуры Интуиция и логика в искусстве и науке. Фрязино.: «Век 2», 2004. С.46.

творчества философа. На мой взгляд, такой подход может быть применен к пониманию методологии научного открытия с его поиском нового знания об объекте исследования и выстраивания новой теории.

Значение философии состоит в том, что философам удалось наметить ту последовательность в методологии научного открытия, которая учитывает как рациональные методы, так и интуицию самого исследователя. Исходным моментом творчества в науке является выяснение тех аспектов в проблематике науки, которые нуждаются в дополнительном обосновании, либо слабо аргументированы с точки зрения их актуальности. На этом пути исследования осуществляется предварительный отбор и селекция тех вопросов, которые составляют проблемное поле данного научного исследования. Погружаясь в контекст проблематики (входя в проблемное поле исследования), ученый часто вынужден использовать такой прием как отрицание предыдущего опыта и предыдущих результатов исследования проблемы, которые не подтвердили свою эффективность или не были приняты научным сообществом. Этот момент творчества науки связан с тем, что А. Бергсон называет *«интуитивной способностью отрицания»*. Подобно демону Сократа, она вносит в сознание сомнение, которое корректирует постановку данной проблемы и, тем самым, способствует формулированию новой проблемы.

На этот момент научного творчества обращает внимание и Ж. Делёз, который связывает творчество со свободой. Он пишет: «Подлинная свобода состоит в способности принимать решение, конструировать сами проблемы. И такая «полубожественная» способность влечет за собой исчезновение ложных проблем, а также творческую постановку истинных проблем»⁹⁰. Как можно заметить, скрытый подтекст данной высказанной мысли сопряжен с наличием у

⁹⁰ Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: ПЕР СЭ, 2001.С.231.

человека интуиции, которую Делез, ссылаясь на Бергсона, связывает с тем, что оба эти философа относят к проявлению «полубожественной» способности.

Конечно, наличие «интуитивного» не снижает значения рационального, поскольку оба аспекта деятельности мышления и познания характеризуются как взаимообусловленные. Но мы должны пойти дальше и рассматривать «интуитивное» в контексте развития знания, как научного, так и философского. Оба эти типа знания можно рассматривать как обладающие методологией, что объясняется высоким теоретическим уровнем развития современной науки. Соотношение естественнонаучного и философского знания можно проследить, изучая именно методологию научного исследования. Конечно, можно выдвигать предположения о наличии некоего общего «языка науки»⁹¹ и пытаться обосновать еще и эту идею. Однако здесь нам следовало бы начать с обоснования принципов языка науки, опираясь на сравнительный анализ процесса создания понятийного языка, как он формируется в недрах той или иной конкретной науки и на этой основе выделить инварианты понятий общих для нескольких (или многих) наук. Такая тенденция прослеживается в современной науке, и она отвечает методологии общенаучного знания.

Однако для реализации целей и задач данной диссертационной работы важно показать роль интуиции в рациональном научном познании, утвердить идею о том, что интуиция становится фактором научного исследования и получает собственный статус *научной интуиции*. Следовательно, научная интуиция характеризуется как эвристически значимый способ получения знания, нового научного знания, приобретение которого невозможно без опоры на предшествующий опыт науки и на известный материал той конкретной

⁹¹ О «языке науки» много рассуждали позитивисты. Однако их поиск единого языка, наподобие математического, не состоялся в силу того, что и гуманитарные науки вырабатывали собственный языковой, понятийный аппарат, поэтому вопрос о едином языке науки (естествознания и социально-гуманитарных наук) отпал.

науки или междисциплинарного исследования, на основании которого выясняется роль и эффективность работы научной интуиции.

Работа научной интуиции невозможна без опоры на базис той науки и всего предшествующего исследовательского материала (теоретического, эмпирического), который создает этот искомый базис. Это позволяет рассматривать деятельность научной интуиции в контексте рациональности научного исследования и характеризовать интуицию, используя такое понятие, близкое по смыслу, как научное предвидение⁹². Проявление которого мы находим в истории науки, например, открытие периодической системы Д. Менделеевым, где предвидение ученого, его научная интуиция определила направление исследований в области химии на многие годы вперед.

Когда речь идет о научных революциях, о смене научной картины мира, коренном повороте в истории науки, даже об изменениях в узких областях, которые потом проецируются на более обширные сферы научного познания, изменяя мировоззрение людей, возникает вопрос о том, что же явилось причиной и источником таких коренных изменений? Наконец, каким образом ученый пришел к той или иной идее, существенно изменившей традиционные представления в конкретной области той или иной науки, открыв, тем самым, новые горизонты научного исследования?

Согласно позиции В.С. Стёпина: «в динамике научного знания особую роль играют этапы развития, связанные с перестройкой исследовательских стратегий, задаваемых основаниями науки. Эти этапы получили название научных революций. Основания науки обеспечивают рост знания до тех пор, пока общие черты системной организации изучаемых объектов учтены в

⁹² См. подробнее о проблеме предвидения: Пирожкова С.В. Предвидение и его эпистемологические основания // Вопросы философии. М. № 11. 2011.

картине мира, а методы освоения этих объектов соответствуют сложившимся идеалам и нормам исследования»⁹³.

В дополнение к этому, отмечу, что анализ переломных, кризисных периодов истории науки можно связать с историей идей, которые были репрезентированы людьми – носителями этих новых идей. Тем самым человеческий фактор присутствует, как кажется, везде, где речь идет о такого рода вопросах. Это дает основание характеризовать процесс научного познания еще и как субъективный, сугубо индивидуальный, а значит, предполагающий наличие особых интеллектуальных способностей, присущих конкретному ученому, исследователю, философу. Об этих способностях (к новациям) мы можем судить на основании результатов творчества ученого и при этом, учитывать фактор объективной рациональности научного поиска в целом, который мы связываем с методологией научного исследования.

Кроме того, нельзя упускать из виду такой важный элемент индивидуального творческого процесса, как деятельность интуиции, научной интуиции самого ученого. И здесь сошлюсь на позицию М. Бунге в его классификации типов ученых.

«В отношении их творческих способностей, – пишет М. Бунге, – можно различить следующие типы мыслителей: а) *критики-разрушители*, то есть личности, способные обнаружить недостатки в чужих работах, но неспособные заменить устаревшие и обветшавшие чем-нибудь новым и лучшим; б) *практики* (*appliers*) – индивидуумы, способные использовать существующие теории и методы для решения конкретных проблем, будь то познавательные или практические; в) *разработчики* – критики-создатели, способные совершенствовать известные орудия или расширять их применение, сохраняя, однако, неизменным одно и то же генеральное направление; г) *творцы* новых

⁹³ Стёпин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: «Прогресс- Традиция», 2000. С.533.

проблем, новых понятий, новых теорий, новых методов и даже новых путей мышления. Все они необходимы науке и философии»⁹⁴. Как можно заметить, классификация творческих способностей и типов мыслителей, предложенная Бунге, может быть перенесена на более широкую сферу – на сам процесс научного творчества. Для него характерны следующие этапы: стадия критики, выяснение наиболее актуальной проблематики; следование определенной исследовательской программе (парадигме); определение практической направленности будущих результатов исследования, наконец, введение новых понятий, новых проблем и обоснование новых подходов и методов, адекватных изучаемому объекту. Все это соответствует методологии научного исследования, которая сложилась и подтвердила свою эффективность в процессе эволюции научного познания.

Эволюцию человеческого познания, также, впрочем, как историю науки можно рассматривать как смену способов мышления, видения реальности, восприятия мира, наконец, как трансформацию самого научного знания. Рассматривая эти аспекты, Б.И. Пружинин характеризует эволюцию научного знания как последовательно сменяющие друг друга познавательные ситуации, в которых проявляется общая нормативная структура данной науки. Согласно этому философу, для того чтобы понять суть проявления общей нормативной структуры той или иной науки, «нет никакого другого способа сделать это, кроме выявления тех содержательных предпосылок познавательной деятельности, которые лежат вне методологического сознания этой науки, поэтому не попадают под действие ее нормативной структуры, но которые все же сказываются на содержании знания, обуславливая его конкретный вид»⁹⁵. Высказанные идеи близки по смыслу той программе, которую как раз и прокламирует европейский рационализм.

⁹⁴ Бунге М. Интуиция и наука. М.: Прогресс, 1967. С.129.

⁹⁵ Пружинин Б.И. Проблемы методологии естественных наук // Философия науки. Методология и история конкретных наук. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2007. С.18.

Еще раз подчеркну, что европейский рационализм характеризуется как направление в развитии философской мысли и, одновременно как способ познания со своей собственной методологией. Более того, именно европейский рационализм (как его характеризует А. Гжегорчик) ставит проблему методологии, рассматриваемую с позиции поиска общих критериев научности, выясняя то, как «научность», или как научная рациональность должна проявляться в той или иной научной деятельности. Наряду с этим, европейский рационализм, вырабатывая общие критерии научности, использует такую важную эпистемологическую установку, как установка на понимание. Поэтому выяснение условий понимания как осмысление знания становится особым требованием, соотнесенным с собственно методологическими проблемами.

Первым условием такого методологически ориентированного поиска становится реконструкция (интерпретация) в терминах конкретной науки тех предпосылок или фрагментов знания, которые выходят за пределы какой-то единственной методологии, на которую опирается тот или иной ученый.

Для решения проблемы понимания, рассматриваемой с точки зрения осмысления и получения знания, совершается (актуализируется) установка на реконструкцию и интерпретацию *исторического контекста*, в котором разворачивается решение уже сформулированной научной проблемы. Отсюда – и особый понятийный язык науки, и множественность понятийного смысла, к которым апеллирует ученый в своем исследовании, и который интерпретируется в последующем в качестве «исторического контекста».

Такую интерпретацию «истории вопроса» на феноменологическом уровне можно характеризовать как скачок к пониманию, как усмотрение элементов нового в уже имеющемся, сформированном научном знании. Этот аспект интеллектуальной деятельности относится к сфере рефлексии науки над собственными основаниями, что как раз и ведет к пересмотру и созданию предпосылочной базы. Здесь следует отметить, что интуитивное соотносится с

предпосылочным, поляризуясь с ним по разные стороны процесса научного познания. На субъективном уровне, аккумулярованный опыт и знания, являются предпосылочным базисом (или неявным знанием) научного исследования, которое проявляется предпонимании. На уровне осмысления этого сложного процесса познания раскрывается сущность интуитивного как выходящего *за пределы* сугубо методологического обоснования.

Исторический контекст как «предзнание нового», как условие реализации научного поиска, нацеленного на решение проблемы, находит отражение в языке науки, например, в таких языковых образованиях, в которых отражается, говоря образным языком, «знание мира». Здесь же (в языке науки) происходит сближение основных, указанных типов знания (обыденного, научного, философского). В особенности, это становится заметно при рассмотрении проблемы соотношения философского и научного знания, очевидность которого проявляется на уровне понятийного аппарата. Неслучайно многие философские понятия обладают общефилософским смыслом, и наоборот, научные понятия возвышаются до уровня философского смысла.

Как известно, философия пользуется общенаучными понятиями и положениями отдельных наук в своих концептуальных разработках. В то же время конкретная наука пользуется философскими понятиями, как мировоззренческими, так и методологическими. При этом значение европейского рационализма состоит в том, что для него актуальным остается методологический контекст обсуждения именно философских проблем. Встают вопросы, касающиеся того, например, *как возможно* научное открытие? *Каковы предпосылки* и условия возникновения нового знания? Этот круг вопросов выводит нас на уровень, выходящий за гипотетические пределы такой методологии, которая была бы единственно верной. В частности, в связи с согласованием знаний в области познания природы человека. Как было показано в предыдущем разделе диссертации, согласование философского и

конкретно-научного знания проявляется в медицине, цель которой – изучение природы человека с точки зрения его здоровья и способов лечения (что, как раз и показала медицина Галена).

Среди современных ученых, укажу на Ганса Селье, который, будучи профессиональным биологом, большое внимание уделял методологии научного исследования, называя предлагаемую им методологию не иначе, как «полуинтуитивная логика». Эта *полуинтуитивная логика*, которой пользуется каждый ученый в своей повседневной работе, представляет собой синтез формальной логики и психологии. «Она формальна в том смысле, – отмечает Г. Селье, – что абстрагирует формы мышления от их содержания, с тем, чтобы установить абстрактные категории непротиворечивости. А так как эти абстракции могут быть представлены символически, то логика может быть также названа символической»⁹⁶. Однако ее понятийные элементы и ее абстракции (в отличие от математики или теоретической физики) являются переменными и относительными, а это значит, что строгие законы мышления к ней применять нельзя. Поэтому Селье выстраивает такую «логику», которая, по сути, структурирует сам процесс научного исследования. Итак, это

«1. *Формулирование понятийных элементов.*

2. *Классификация понятийных элементов* в соответствии с их:

а) характеристиками (признаками),

б) причиной (этиологией),

3. *Формулирование новых вопросов относительно:*

а) эволюция характеристик во времени (те типы понятийных элементов, которые им предшествуют, и те типы, в которые они, по всей вероятности перейдут);

⁹⁶ Селье Ганс От мечты к открытию: Как стать ученым. М: Прогресс, 1987. С.251.

б) опосредования причинно-следственных связей (антецеденты, которые предшествовали непосредственной причине и консеквенты, которые, по всей вероятности, являются результатом ее действия).

4) *Вспышка интуиции*, «озарение». Хотя она и подготовлена предшествующими операциями, но тем не менее не может быть выведена из них путем применения формальной логики»⁹⁷.

Селье особое внимание уделяет интуиции, считая, что «только вспышка интуиции, творческого воображения, происходящая в подсознании, способна преодолеть разрыв между всеми кругами рассматриваемых проблем и подлинным открытием. Такая вспышка интуиции как наиболее плодотворное научное достижение составляет основу фундаментальных исследований»⁹⁸.

Можно сказать, что ученый-новатор – это тот, кто способен расшифровать свои озарения, погружаясь в контекст исследования. При этом посредством озарения и предпонимания, в дальнейшем становится возможным приращение и обновления знаний в конкретной научной области.

Отдавая должное научной интуиции, мы должны четко осознавать, что вопрос структурных характеристик научного знания сохраняет свою познавательную ценность при условии, если конкретная научная проблема и поставленная цель исследования направлены, в конечном итоге, на расширение смыслового поля познания вообще. Другими словами, современная наука, проявляя интерес к вопросам, которые традиционно относятся к области философии (методологии познания), создает такие познавательные ситуации, которые объединяют проблемное поле науки и философии. Только в этом случае научная деятельность и ее результаты оцениваются и рассматриваются философами как встроенные в систему человеческого бытия. Такова в общих чертах эпистемологическая установка европейского рационализма.

⁹⁷ Селье Ганс. Там же. С. 251.

⁹⁸ Селье Ганс. Там же. С. 252.

В этом контексте история развития научного знания понимается не как совокупность фактов в хронологическом порядке (истории науки), а как смена типов мышления и способов познавательной деятельности, разворачивающиеся в своем многообразии в разные эпохи. Стимулом к переходу от одного этапа научного познания к другому, например, от классической науки к неклассической, а затем к постнеклассической становится научное открытие⁹⁹. В особенности такое, которое разрушает традиционные модели и схемы познания, исходя из тех новаторских идей, которые оцениваются научным сообществом как поворотные и поэтому обновляющие систему знания в той или иной науке.

Для современного познания характерен эволюционный подход к развивающимся объектам, в особенности, таких сложных объектов философского исследования, каковым является конкретное философское направление. Рассматривая европейский рационализм с этой позиции, стоит подчеркнуть, что эволюция европейской культуры происходит не только посредством смены мышления, но может рассматриваться и с точки зрения преемственности идей в каждом из новых способов мышления. Решение инвариантных, а, по сути, общефилософских проблем в контексте эволюции мышления происходило разными способами. Это касается, в первую очередь, того отношения к рациональности познания, которое мы обнаруживаем у мыслителей и философов прошлого. Так, доминирующий тип рациональности, как основывающий познание на *достоверности* знания или на получении *истинного знания* мы можем рассматривать в качестве основания для характеристики того или иного исторического этапа в развитии философской мысли. Другими словами, каждой исторической эпохе соответствует свой доминирующий тип рациональности.

⁹⁹ См. подробнее о роли эвристического фактора в развитии научного знания: Кедров Б. О творчестве в науке и технике. М.: Молодая гвардия, 1987.

Однако нельзя не отметить, что внутри самой рациональности как принципа, который обуславливает научный поиск, сохраняются онтологические – *генуинные, генезисные* (укорененные в природе человеческой рациональности как разумности) свойства познания. Но не только эти свойства, но и другие, более сложные проявления когнитивных особенностей познавательного процесса играют важную роль в научном поиске, направляют его. В частности, это такие внерациональные компоненты мышления, как эмоции, предпонимание, предчувствие, интуиция, озарение и другие аспекты внерационального – внутренние, глубинные и ассоциируемые с творческими способностями, талантом исследователя учитываются европейским рационализмом в качестве эффективных и дополняющих рациональный подход к решению проблемы.

Более того, именно европейский рационализм заявляет о значении преемственности знаний, которая проявляется, в частности, в развивающейся, и постоянно обновляющейся методологии научного исследования.

Исследование, как известно, начинается с постановки проблемы, но что стимулирует появление проблемы, сам ученый или внутренние запросы науки?

В постнеклассической парадигме рациональности учитывается эвристическое значение субъективного фактора научного исследования, наряду с признанием *авторства* той или иной идеи, гипотезы или целой концепции. Когда два полюса интересов и задач – проблемы конкретной науки и интенции самого ученого сходятся в одной точке, то возможен прорыв к новому знанию. По отношению к ученому факторы субъективного свойства включают в себя: личностное знание, устремления, мотивацию, интересы, предпочтения и т.д. Однако такой «субъективный» аспект научной деятельности – внутренне обусловленный аспект научного познания соотносится с таким феноменом, который мы выражаем посредством понятия «*гибкая рациональность*». «В философском смысле, – отмечает С.И. Масалова, – гибкая рациональность – это

свободное развертывание ментальной сущности активно познающего субъекта, его самосознания в процессе деятельности»¹⁰⁰. Тем самым *гибкая рациональность* характеризуется как ментальная способность к свободному и осознанному (внутренне контролируемому сознанием) проявлению творческих интенций в процессе научной деятельности.

Сравнивая такой подход к рациональности действия с его пониманием в классической парадигме рациональности, следует обратить внимание на то, что здесь субъект познания прозрачен, его специфические характеристики не проблематизируются и все внимание ученого направлено исключительно на объект исследования. При этом субъективный аспект научной деятельности не учитывается вовсе или не принимается во внимание и эффективность научной деятельности рассматривается как сопряженная исключительно с научной рациональностью.

В преодолении этого недостатка можно предложить когнитивный подход, т.е. взгляд на рациональность процесса научного познания как обладающего определенным синтезом, где внерациональное, как субъективно обусловленное задает направленность научному поиску и при этом соотносится с рациональным. Этот синтез внерационального и рационального реализуется на уровне ментального осознания творческих устремлений самого ученого, его интенций. В связи с этим выявленным аспектом исследования специфики научной деятельности, интерес представляет понятие *когнитивной схемы*, как такой установки познания, которая направляет мысль и ментальные действия ученого. «Установка познания» и «когнитивная схема» – близкие по смыслу понятия. Их мы можем рассматривать как некий «фильтр» или конструктивный

¹⁰⁰ С.И. Масалова // Гибкая рациональность уплотнения научного знания: когнитивный аспект / Вестник томского государственного университета. №2(10), 2010. С.35.

фактор в получении нового знания, ограничивающий нерегулируемый информационный поток¹⁰¹.

Итак, гибкая рациональность – это такое понятие, которое позволяет конкретизировать и понять специфику научного творчества изнутри, на его глубинном уровне и при этом понять, как познающий субъект приходит к открытию новых методов, даже законов, исходя не только из предварительно обоснованных положений, но, вместе с тем, посредством собственных когнитивных, ментальных способностей. Это, в конечном итоге, способствует получению нового знания и, одновременно, укрепляет уверенность в правильности выбранного направления научного исследования. В русле такого подхода открывается возможность получить наиболее полную картину процесса научного творчества посредством включения в анализ тех качеств и способностей, «раскрывающих специфику когнитивного потенциала субъекта и включения его индивидуальной онтической, а не только гносеологической природы в познание»¹⁰²

Присутствие внутреннего мотива исследователя можно обнаружить и в том знании, которое предшествует новому, оно как бы оживает в потребности освятить то, что еще не известно. Так, рассуждая о знании как аккумуляруемом в опыте ученого, Л.А. Маркова отмечает: «восприятия и мысли принадлежат человеку-индивиду, но их содержание и реализация невозможны без того, чтобы через него не действовали силы большие, чем само восприятие, и концентрированные вне субъекта»¹⁰³.

Это может означать, что в познании специфики субъективного важно учитывать множество факторов, в том числе таких, как непосредственное

¹⁰¹ Подробнее о когнитивной схеме см.: *Найссер У.* Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. М., 1981.

¹⁰² С.И. Масалова // Гибкая рациональность уплотнения научного знания: когнитивный аспект / Вестник томского государственного университета. №2(10), 2010. С.41.

¹⁰³ *Маркова Л.А.* Контекст как ненаука, порождающая науку // Эпистемология и философия науки. Т. XIV, №4. М.: «Канон+», 2007. С.56-57.

восприятие и «концентрирование» на внешних факторах, находящихся вне субъекта. Однако для целей моего исследования важно указать не только на некие «силы» и «восприятия», но и на то, что входит в багаж знаний субъекта, наряду с оценкой их в качестве основных условий, обеспечивающих прорыв ко всеобщему и выход на смысловой понятийный уровень.

Для выхода на фундаментальный уровень описания и понимания смысла процесса научного познания необходимо расширить понятийный аппарат описания за счет введения таких понятий как *эйдетическая интуиция* и *концептуальная интуиция*. Оправданность использования понятия *эйдетическая интуиция* для объяснения специфики организации научного познавательного процесса состоит в том, что само это словосочетание указывает на глубинный его смысл. *Эйдетизм* – от греческого слова *eidos*, т.е. образ – это явление, близкое к очень яркой образной памяти. В психологии *эйдетизм* – это способность сохранять живой и наглядный образ предмета довольно долго и даже спустя время после исчезновения его из поля зрения. Тем самым эйдетическая интуиция – это способность, которая входит в когнитивную структуру познания и определяется как «игра» чувственными образами, которые «программируются» понятиями. На это свойство указывает, в частности, А.С. Кармин¹⁰⁴.

Понятия здесь выступают гарантом объективной значимости результата научной интуиции. Поэтому, согласно А.С. Кармину, нам следует различать *эйдетическую* интуицию и так называемую *концептуальную* интуицию. Если эйдетическая интуиция дает нам наглядное представление об объекте исследования, то концептуальная интуиция приближает к смысловому и понятийному объяснению, делая возможным понимание сущности объекта исследования и/или предмета изучения. И здесь следует заметить, что

¹⁰⁴ См.: Кармин Интуиция. Философские концепции и научное исследование. СПб.: «Наука», 2011. С.830.

сущностный уровень познания приближает науку к философии, поскольку именно философия изучает предметы на их сущностном уровне.

Исследуя сложный механизм действия научной интуиции можно обнаружить разные варианты ее проявления в конкретных областях научной деятельности. Ярким примером проявления эйдетической интуиции из истории науки может служить открытие в XVII в. Гарвеем двух кругов кровообращения. Гарвей сравнивал работу сердца с насосом и знал точное направление движения крови в организме, интуитивно используя образ системы водонапорных труб, как близких к тому движению крови, которое протекает по сосудам. Эти два образа использовались для иллюстрации процесса движения крови, закладывая основу целостной концепции кровообращения.

Сходным образом Ф. Кекуле пришел к открытию структуры молекулы бензола. Как и Гарвей, он исходил из уже известного определения молекулы бензола. Не ясна была лишь структура этой молекулы, и только схваченный сознанием образ змеи, кусающей свой хвост (по другой версии сцепившихся обезьян в клетке) позволил ученому перейти от образа-элемента к образ-структуре молекулы бензола.

Как можно заметить, оба примера – яркое выражение действия эйдетической интуиции, наряду с действием образного мышления и воображения ученого.

Примером действия *концептуальной интуиции* может служить открытие Кеплером эллиптической траектории движения планет. К этому открытию его натолкнули вычислительные результаты, полученные из наблюдения за движением Марса, которые он применил затем к объяснению траектории движения планет Солнечной системы, описывая их как эллиптические, что как раз и было проявлением концептуальной интуиции. Тем самым ход рассуждений Кеплера – это движение познания от фактов наблюдения и вычислений – к концепции и, затем, к выдвижению нового предположения концептуально обоснованного предварительными вычислениями.

Таким образом, уже на основании приведенных примеров из истории науки можно сделать вывод, что процесс научного исследования, в особенности тот, что ведет к научному открытию, может характеризоваться посредством понятий наиболее точно приближенных к описанию внутреннего процесса познания. Тем самым, рациональный, методологический аспект научной деятельности дополняется объяснением когнитивных особенностей действия человеческого интеллекта, его проявлений, таких, например, как работа интуиции. Философы, пытаясь описать механизм деятельности интуиции в научном познании, выстраивают целые концептуальные схемы, в которых интуиция либо постулируется как данность, либо рассматривается как проявляющая себя на границе рационального и иррационального. Трудности схватывания деятельности интуиции связаны с тем обстоятельством, что интуитивное и научно-рациональное тесно взаимосвязаны в реальном процессе научной деятельности. Тем не менее, интуитивный аспект творчества проявляет себя с определенной долей очевидности именно на уровне научного открытия.

В сущности, вопрос о месте интуиции в научном познании сводится к поиску исходных положений той или иной науки; ее основания и фундаментальные положения не могут быть получены только на основе индуктивного метода или систематизации эмпирического опыта. Поиск исходных теоретических положений или «начала» происходит на основании учета всего предыдущего опыта получения знания при участии конкретного ученого, субъективный опыт которого откладывает отпечаток на научную теорию, гипотезу, концепцию и т.д. Даже отдельная научная догадка или идея невозможна без опоры на знание предмета исследования, но важна и роль интеллектуальной интуиции данного ученого, развитая форма проявления которой как раз и способствует научному открытию. Неслучайно, некоторым теориям и гипотезам присваивается имя его основателя (теория Дарвина, законы Ньютона, геометрия Лобачевского, бозон Хигса).

Особое место в рассмотрении данной проблематике занимает философская интуиция. В этой связи интерес представляет точка зрения А. Бергсона относительно философской интуиции, которой он посвятил целое исследование¹⁰⁵. Первоисточником философской системы, по Бергсону, является простое начало – чистая интуиция философа. При этом, рассуждение о создании философской системы из первичной интуиции, может быть эксплицировано на происхождение научных теорий, создание художественных произведений, особенно, литературных произведений, так как философия имеет много общих черт с литературным изложением.

Проявление интуиции в философии – это тема специального исследования. Изучение этого вопроса составляет перспективу моих будущих поисков в этой области знания. Анализ интуиции в связи с порождением нового знания особенно актуален, так как позволяет определить условия и сущность продуктивной творческой работы по нахождению принципиально нового в том дискурсивном пространстве, в котором ученый совершает исследование.

Итак, в данной главе рассмотрен процесс научного познания в преломлении соотношения рациональных и иррациональных компонентов мышления. Как было показано, развитие рациональных методов познания стимулирует появление и развитие науки. Обозначая этапы процесса исследования и определяя когнитивные условия эффективной деятельности ученого, мы приходим к необходимости утвердить статус интуиции и определить основания научной интуиции. По отношению к конкретной научной и познавательной деятельности, интуиция проявляет себя как универсальная когнитивная способность человека и, будучи направленной на познание предмета исследования, преобразуется в *научную интуицию*.

¹⁰⁵ Бергсон А. Философская интуиция /Избранное: Сознание и жизнь. М.: Роспэн, 2010. С.165.

С появлением науки обретают смысл и становятся понятными такие важные функции научного познания, как описание, объяснение и предсказание. Отсюда сделан вывод, что перед ученым стоит задача облечь в понятийную форму результаты своего научного поиска.

Так, особое место в рациональных поисках познания и понимания сущности двойственной природы человека занимают вопросы, касающиеся сверхчувственной природы познания. Это дало толчок для формулирования проблемы получения нового знания как связанного с эвристическим потенциалом интуиции. Поэтому научная интуиция характеризуется как когнитивная способность, которая проявляется непосредственно в научном познании. Однако эвристичность научной интуиции проявляется только тогда, когда уже произошла рационализация мышления. При этом в процессе научно-исследовательской деятельности ученый использует, прежде всего, знание и предшествующий опыт исследования, методологию научного исследования. В целом, это означает, что научная интуиция накладывается на знание и рациональный опыт познавательной исследовательской деятельности.

Наряду с интуицией, в научном творчестве, рассматриваемом на фундаментальном уровне, где взаимодействуют различные когнитивные структуры, особое значение должно быть отведено такому феномену мышления, как предпонимание. Именно действие интуиции в сочетании с предпониманием, наряду с рациональным обоснованием делает возможным и продуктивным научное исследование. Акцент на этих когнитивных способностях в структуре познания не снижает роли и значения рациональных поисков внутри научной методологии. Напротив, контекст европейского рационализма учитывается при рассмотрении эволюции способов мышления и определения роли и места внерациональных способов познания.

Заключение

Процесс научного познания подразумевает взаимодействие рационального мышления и интуиции как внерационального фактора познания. Выявление рациональных критериев научного познания направило исследование к истокам самой рациональности, где рациональное еще не выделено как таковое. Эволюция мышления понимается как движение от образно-символического к дискурсивному типу мышления. Однако элементы образно-символического мышления не теряют своих оснований на когнитивном уровне и проявляются в той или иной мере в дискурсивном мышлении, а именно в научном познании. Реализация когнитивной эволюции в контексте становления европейского рационализма характеризуется как согласованное проявление форм рациональности человеческого мышления и познания.

Реальный процесс познания не может быть описан в полной мере в рамках классической рациональности, поэтому необходим выход за ее пределы. Понимание рациональности как открытой структуры позволяет рассматривать проявления внерационального в познании как его конструктивный элемент.

Особое место в европейском рационализме отведено рассмотрению когнитивных особенностей процесса познания. Был обоснован и использован *феноменолого-герменевтический подход* для понимания интуиции как феномена, смысл действия которого нуждается в интерпретации (в обыденном, научном или философском контексте). В русле этого подхода обоснована необходимость введения таких понятий как *научная интуиция* и *предпонимание* – сочетание их обуславливает эффективность научной деятельности. Кроме того, важным дополнением здесь является *обоснование* и его методология. Обоснование как условие рациональности дополняется и подкрепляется такими внерациональными способами когнитивного свойства, как предпонимание и интуиция.

Интуиция характеризуется как феномен и как когнитивная способность, которая стимулирует познание и направляет в сторону рационального объяснения.

Перспективы дальнейших поисков связаны с выяснением иных когнитивных аспектов научного творчества, с проявлением таких феноменов как воображение, память, предвидение и наблюдение, и их роли в научном открытии.

Список литературы

Монографии. Исследования.

1. *Абрамова Н.Т.* Несловесное мышление. М.: ИФРАН. 2002. – 236с.
2. *Автономова Н.С.* Философский язык Жака Дррида. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2011. – 510с.
3. *Автономова Н.С.* Рассудок, разум, рациональность. М.: Наука, 1988. – 287с.
4. *Аристотель.* О душе. //Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. Ред. В.Ф. Асмус. М., 1976. – 550с.
5. *Аристотель.* Риторика. / пер. О.П. Цыбенко. М.: «Лабиринт», 2011. – 221с.
6. *Асмус В.Ф.* Проблема интуиции в философии и математике. (Очерк истории: XVII—начало XX в.). М., 1963. – 312с.
7. *Ахутин А.В.* История принципов физического эксперимента от античности до XVII в. М.: Наука, 1976. – 292с.
8. *Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П.* Гален врач и философ. М.: Весть, 2014. – 416с.
9. *Барышников П.Н.* Миф и метафора: лингвофилософский подход. СПб.: Алетейя. 2010. – 216с.
10. *Батай Ж.* Внутренний опыт/ Батай Ж. - СПб.: Аксиома, 1997. – 336с.
11. *Бергсон Анри* Творческая эволюция. М: «КАНОН-пресс», «Кучково поле». 1998. – 384с.
12. *Бергсон А.* Избранное: Сознание и жизнь. М.: Роспэн, 2010. – 399с.
13. *Бердяев Н.* Смысл творчества. М: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ. 2007. – 668с.
14. *Борн Макс* Моя жизнь и взгляды. М.: Прогресс. 1973. – 176с.
15. *Бунге М.* Интуиция и наука. М.: Прогресс. 1967. – 188с.

16. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990. – 808с.
17. *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли: Пер. с фр./
Общ. ред. Ф.Х. Кессиди, А.П. Юшкевича. М.: Прогресс. 1988. – 224с.
18. *Блауберг И.И.* Анри Бергсон / Блауберг И.И.- М.: Прогресс-
Традиция, 2003. – 672с.
19. Влияние интернета на сознание и структуру знания/ Ответств.
ред. Розин В.М. - М.: ИФ РАН, 2004. – 239с.
20. *Гален.* Сочинения. Том I / общ. ред., сост., вступ. Ст. и комм. Д.А.
Балалыкина; пер. с древнегр. А.П. Щеглова; науч.ред. А.П. Щеглова,
Н.П. Шок.- М.: Весть, 2014. – 656с.
21. *Гален.* Сочинения. Том II / общ. ред., сост., вступ. Ст. и комм. Д.А.
Балалыкина; пер. с древнегр. З.А. Барзах, Н.П. Шок; науч.ред.
Н.П. Шок. М.: Весть, 2015. – 800с.
22. *Гаспарян Д.Э.* Введение в неклассическую философию. М.: Российская
политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2011 – 398с.
23. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. -Спб.: Наука, 1992. –
444с.
24. Герменевтика. Психология. История [Вильгельм Дильтей и
современная философия]. Материалы научной конференции
РГГУ. Под. Ред. Н.С. Плотникова. М.: Три квадрата. 2002. –
208с.
25. *Гераклит Эфесский:* все наследие на языках оригинала и в рус. пер.:
крат. изд. / подгот. С.Н. Муравьев. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс»,
2012. – 416с.
26. *Герасимова И. А.* Человек в мире: эволюция сознания. М.: Альтекс,
1998. - 127 с.
27. *Гжегорчик Анджей* Жизнь как вызов. М.: Вузовская книга, 2006. –
320с.

28. *Гиренко Ф.* Удовольствие мыслить иначе. М- Мир, 2010. – 235с.
29. *Гиппократ* Не навреди! Афоризмы. М.: Издательство «Э». 2016. – 160с.
30. *Голдберг Э.* Парадокс мудрости. М.: Поколение, 2007. – 384с.
31. *Гришунин С.И.* Возможна ли современная наука без интуиции. Модели творческой интуиции в контексте науки, философии и прогнозирования. М.: УРСС, 2010– 160с.
32. Грани научного творчества. М.: ИФРАН. 1999. – 284с.
33. *Грязнов Б.С.* Логика, рациональность, творчество. М., 2002. – 256с.
34. *Делез Ж. Б.* Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: ПЕР СЭ. 2001. – 480с.
35. *Дильтей В.* Описательная психология. СПб.: Алетейя. 1996. – 160с.
36. *Дильтей В.* Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. 2-е изд. М.; СПб.: «Центр гуманитарных инициатив». 2013 – 464с.
37. *Дзикаки Антонио* Творчество в науке. М.: УРСС.2001. – 240с.
38. *Доддс Е.Р.* Греки и иррациональное. СПб.: Университетская книга. 1996. – 316с.
39. *Дойч Д.* Структура реальности. М.-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика». 2001. – 400с.
40. *Зелинский Ф.Ф.* Эллинская религия. Мн.: Экономпресс. 2003. – 89с.
41. *Зинченко В.А.* Сознание и творческий акт/ Зинченко В.П.- М.: Языки славянских культур, 2010. – 592с.
42. *Ильин И.* Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека. Т.1. Учение о Боге/ Ильин И.- М.: Русская книга, 2002. – 448с.

43. Исследования аналитического наследия Львовско-Варшавской школы. Вып. 1 / под ред. В.Л. Васюкова. СПб.: Издательский дом «Мирь». 2006. – 304с.
44. История философии: вызовы. XXI века / Ответ. Ред. Н. В. Мотрошилова. 2014. – 368с.
45. Кандель Эрик В поисках памяти: Возникновение новой науки о человеческой психике. М.: Астрель: CORPUS. 2012. – 736с
46. Кант И. Критика чистого разума т.3./ Кант И. - М.: Чоро, 1994. – 741с.
47. Кармин А.С. Интуиция. Философские концепции и научное исследование. М.: Наука. 2011. – 901с.
48. Касавин И.Т. Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии. Москва-СПб.: Издательство РХГИ. 2000. – 320с.
49. Кассирер Эрнст. Мифологическое мышление. Философия символических форм. Т. II: / Пер. с нем. С.А. Ромашко. М.: Академическиц проект. 2011. – 279с.
50. Кедров Б. О. О творчестве в науке и технике. М.: Молодая гвардия, 1987. – 192с.
51. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу (становление греческой философии). М.: 1972. – 312с.
52. Князева Е.Н. Одиссея научного разума. М.: ИФ РАН, 1995. – 228с.
53. Когнитивный подход. Научная монография / Ответственный редактор – академик РАН В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2008. – 464с.
54. Куб Э. Источник мысли/ Куб Э.- М.: Эксмо, 2011. – 208с.
55. Кун Томас После «Структурны научных революций». М.: АСТ. 2014. – 443с.

- 56.. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. – 256с.
- 57.*Лерер Дж.* Как мы принимаем решения/ Лерер Дж.- М.: Астрель, 2010. – 350с.
- 58.*Лоренц К.* Обратная сторона зеркала/ Лоренц К. М.: Республика, 1998. – 393с.
- 59.*Лосский Н.О.* Чувственная интеллектуальная и мистическая интуиции. М.: Республика, 1995. – 149с.
- 60.*Лэйси Х.* Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание. М.: Логос. 2008. – 360с.
- 61.*Мамчур Е.А.* Образы науки в современной культуре: научная монография. М.: «Канон+» РООИ Реабилитация. 2008. – 400с.
- 62.*Майданов А.С.* Интеллект решает неординарные проблемы. М.» Российская академия наук. Институт философии. 1998. - 321с
- 63.*Марков А.* Рождение сложности. М.: Астрель, 2010. – 464с.
- 64.*Меркулов И.П.* Когнитивная эволюция. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. - 312с.
- 65.*Мейен С.В.* Принцип сочувствия. Размышления об этике и научном познании. М., 2006. – 212с.
- 66.*Микешина Л.А.* Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М., 2005. – 464с.
- 67.*Микешина Л.А.* Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2010. – 575с.
68. Мысль и искусство аргументации. М.: Прогресс-Традиция. 2003. – 400с.

69. *Найдыш В.М.* Наука древнейших цивилизаций. Философский анализ. М.: Альфа. 2012. – 527с.
70. *Найссер У.* Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. М., 1981. – 232с.
71. *Никифоров А.Л.* Философия науки: история и теории. М.: Идея-Пресс. 2006 – 264с.
72. *Ортега-и- Гассет Х.* Размышления о “Дон Кихоте”/ Ортега-и-Гассет Х.- Спб.: Изд-во С.- Петербургского университета, 1997. – 332с.
73. *Пирожкова С.В.* Предвидение и его эпистемологические основания // Вопросы философии. М. № 11. 2011.
74. *Платон* Федр // Платон. Собр. соч. в четырех томах. Том. 2. М.: Наука. 1971. – 611с.
75. *Познание, понимание, конструирование / Ответственный ред. В.А. Лекторский.* М: ИФРАН. 2008. – 167с.
76. *Понимание и существование: Сб. докл. Международного науч. Семинара / Отв. Ред. Т.В. Щитцова.* Мн.: «Пропилеи». 200. – 138с.
77. *Поппер К.* Логика и рост научного знания: Избр. работы. / Под ред. В.Н. Садовского. М., 1983. – 605с.
78. *Порус В.Н.* Перекрестки методов (Опыты междисциплинарности в философии культуры). М.: «Канон+» «РООИ Реабилитация». 2013. – 384с.
79. *Природа и образы телесности: Сборник / И.А.Бескова, Е.Н.Князева, Д.Ф.Бескова -М.: Прогресс- Традиция, 2011. – 456с.*

- 80.Пронкин Д.Д., Пронкина С.В. Одиссея творчества: К бытийности сущего через осуществление бытия. СПб.: Алетейя. 2005. – 229с.
- 81.*Рамачандран Вилейанур Субраманиан* Мозг рассказывает. М.: Карьера пресс. 2012. – 398с.
- 82.Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления. / Под ред. И.Т. Касавина и В.Н. Поруса. СПб., 1999. – 402с.
- 83.Касавин И.Т., Сокулер З.А. Рациональность в познании и практике. Критический очерк. М.: Наука. 1989. – 193с.
- 84.*Саврей В.Я.*Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М.:КомКнига. 2011. – 1011с.
- 85.*Семушкин А.В.* У истоков европейской рациональности. М.: Интерпакс. 1996. – 192с.
- 86.*Селье Ганс* От мечты к открытию: Как стать ученым. М: Прогресс. 1987. – 368 с.
- 87.*Сёрль Дж.* Рациональность в действии. М.: Прогресс- Традиция. 2004. – 336с.
- 88.*Солсо Р.* Когнитивная психология. 6-е изд. СПб.: Питер. 2006. – 744с.
- 89.*Сокулер З.А.* Проблема обоснования знания: (Гносеологические концепции Л. Витгенштейна и К. Поппера). М.: Наука. 1988. – 176.
- 90.*Спиноза Б.* Избранные произведения. Ростов-на-Дону: «Феникс». 1998. – 608с.
- 91.*Стёпин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: «Прогресс- Традиция». 2000. – 744 с.
- 92.*Стёпин В.С.* Человеческое познание и культура. СПб.: СПбГУП.2013. – 140с.

- 93.Субъект, объект, познание. М.: Канон+ ОИ «Реабилитация» 2002. – 720с.
- 94.*Тильсельтон Энтони* Герменевтика.Пер. с англ. – Черкассы: Коллоквиум, 2011.- 430с.
- 95.*Тулмин Ст.* Человеческое понимание. М. 1984. – 328с.
- 96.*Фейерабенд Пол* Прощай, разум. М.: Астрель. 2010. – 477с.
- 97.*Фейнберг Е.Л.* Две культуры Интуиция и логика, Фрязино.: “Век 2”, 2004. – 288с.
- 98.*Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс. 1986. – 543с.
- 99.Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М.: РОССПЭН. 1999. – 408с.
100. Философия познания. К юбилею Людмилы Александровны Микешиной: сб. ст./ под общ. ред. Т.Г. Щедриной.- М.: РОСПЭН, 2010. – 663.
101. Философия природы в античности и средние века. Ч.3. М.: ИФРАН. 2002. – 308с.
102. *Фрэзер Джеймс Джордж.* Золотая ветвь. Дополнительный том. Исследование магии и религии. М: Рефл-бук»; К.: Ваклер, 1998. – 464.
103. *Фуко М.* Археология знания/ Фуко М.- Киев.: Ника-центр, 1996. – 208с.
104. *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии М.: 2001. – 446с.
105. *Целлер Эдуард.* Очерк истории греческой философии / пер. с нем. С.Л.Франка. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012. – 296с.
106. *Человек.* Наука. Цивилизация. К семидесятилетию академика В.С. Степина. М.: Канон+. 2004. – 816с.

107. *Шеллинг Ф.В.Й.* Сочинения Т.1/ Шеллинг Ф.В.Й.- М.: Мысль, 1987. – 637с.
108. *Швырев В.С.* Рациональность как ценность культуры Традиция и современность. М.: Прогресс- Традиция, 2003. – 176с.
109. *Шульга Е.Н.* Когнитивная герменевтика. М.: Российская академия наук ИФ РАН. – 235с.
110. *Шульга Е.Н.* Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. М.: Российская академии наук. Институт философии. 2004. – 173 с.
111. *Шопенгауэр А.*“Мир как воля и представление” т.2. / Шопенгауэр А. М.: Наука, 1993. – 672с.
112. *Экхарт Майстер* Об отрешенности. М.: Спб.: Университетская книга, 2001. – 432с.
113. Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы/ Отв. ред. Меркулов И.П. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 1996. – 194с.
114. Эволюция. Язык. Познание: Сборник/ Под. Ред. М.: Языки русской культуры, 2000. – 272с.
115. Эволюционная эпистемология. Антология. / Научный редактор, сост. Е.Н. Князева. -М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 704с.
116. *Элиаде Мирча* Аспекты мифа/ Пер. с франц.- М.: Академический проект, 2001. – 240с.
117. *Экхарт Майстер.* Об отрешенности. М. Спб.: Университетская книга, 2001. – 432с.
118. Эпистемология креативности / Отв. ред. Е.Н. Князева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2013. – 520с.

119. *Эпли Николас* Интуиция. Как понять, что чувствуют, думают и хотят другие люди. М.:Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус. 2015. – 256с.
120. *Юлина Н.С.* Философский натурализм. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2007. – 240с.
121. *Юнг К.Г.* Архетип и символ/ Юнг К.Г. - М.: Ренессанс, СПб.: «ИВО-Сид». 1991. – 304с.
122. *Юнгер Ф.Г.* Греческие мифы. Спб.- Владимир Даль, 2006. – 397с.
123. *Boden M.* The creative mind: Myths and mechanisms (2nd ed.). London: Routledge. 2004. 344p.
124. *Grzegorzczuk A.* Logic – a Human Affair. Warszawa. 1997.
125. *Grzegorzczuk A.* Życie jako wyzwanie. Warszawa: Wydawnictwo. 1995 – 287s.
126. *Osbeck Lisa M., Held Barbara S.* Rational intuition Philosophical roots. Scientific. Investigation. New York: Cambridge University Press.2014. – 452с.

Статьи и интернет-ресурсы

127. *Автономова Н. С.* В поисках новой рациональности//Вопросы философии. 1981. № 3. С.145-156с.
128. *Агацци Э.* Вненаучная рациональность // Рациональность и её границы. М.: Институт философии. Российская академия наук. 2012. С. 34-59.
129. *Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М.* По ту сторону гомеостаза: историко-эволюционный подход к развитию сложных систем // Вопросы психологии. 2014. №4. С.3-14.
130. *Бескова И.А.* Феномен интегральной телесности И.А.Бескова, Е.Н.Князева, Д.А.Бескова // Природа и образы телесности/. М.: Прогресс-традиция, 2011. С.149-319.

131. *Васюков В.Л.* Логика Галена: наследие Аристотеля или научная инновация? // История медицины. Научно-практический журнал. 2015. Т.2. №1. С. 68-86.
132. *Гавриленко С.М.* Историческое Аргіогі как фигура эпистемологического анализа: Хюбнер и Фуко //Эпистемология и философия науки Т.IV/ №2/ 5) Гавриленко С.М.- М.: Канон + РООИ “Реабилитация”, 2005. С. 36-54.
133. *Гайденок П.П.* У истоков новоевропейской науки // Науковедение. 1999. № 2. С.102-125.
134. *Герасимова И.А.* Танец: эволюция кинестезического мышления. М.: Языки русской культуры, 200. С.84-113.
135. *Князева Е.Н., С.П. Курдюмов* Интуиция как самодообраивание // Вопросы философии/ Князева Е.Н., С.П.Курдюмов - М.: РАН, 1994, №2. С. 110-123.
136. *Конт-Спонвиль Андре.* Философский словарь / пер. с фр. Е.В.Головиной. М. 2012. С.227-228.
137. *Лекторский В.А.* Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Наука в культуре. /Под ред. В.Н. Поруса. М. 1998. С.27-45.
138. *Лызлов А.В., Серавина О.Ф., Ковалевская О.Б.* Аффективность как структурообразующая основа антропологических пространств: философия, психология, психиатрия // Вопросы психологии/ №3. 2010. С.65-74.
139. *Масалова С. И.* // Гибкая рациональность уплотнения научного знания: когнитивный аспект / Вестник томского государственного университета. №2(10), 2010. С.32-45.
140. *Маслова А.В.* Мгновение интуиции и априорное знание // Психология и психотехника. 2013. С. 44-51.

141. *Маслова А.В.* Философские проблемы гениальности // Психология и психотехника. 2011. С. 28-34.
142. *Маслова А.В.* «Гален: историческая судьба и задачи научных исследований» // Вестник Российского философского общества 2014 № 4(74). С. 53-55.
143. *Маркова Л.А.* Контекст как ненаука, порождающая науку // Эпистемология и философия науки. Т. XIV, №4. М.: «Канон+». 2007. С. 55-59.
144. *Мотрошилова Н.В., Репин В.С.* Проблемы цивилизации и варварства // Вопросы философии.- М.: Наука, 2010, №11. С.46-57.
145. *Мусийчук С.В.* Интуиция как проблема синтеза концепций: рациональное и иррациональное в познании // Общество: философия, история, культура. 2014 №1. С.17-24.
146. *Никифоров А. Л.* О понимании человеческой деятельности // Объяснение и понимание в научном познании. М.: ИФРАН. 1983. С.120-129.
147. *Никифоров А.Л.* Язык как средство построения индивидуального жизненного мира // Философия науки. М., 1999. Выпуск 17. Эпистемологический анализ коммуникации. М.: Институт философии РАН. 2012. С.156-173.
148. *Плотников Н.С.* «Живое знание»: Идея конкретного познания у С.Л. Франка и В. Дильтея // Герменевтика. Психология. История. Вильгельм Дильтей и современная философия. М.: Три квадрата. 2002. С.177-194.
149. *Порус В.Н.* Рыцарь Ratio // Вопросы философии. 1995. № 4. С.127-134.

150. *Порус В.Н.* Цена “гибкой” рациональности (о философии науки Ст. Тулмина) // *Философия науки.* Вып. 5. М., 1999. С. 228-244.
151. *Пружинин Б.И.* Проблемы методологии естественных наук // *Философия науки. Методология и история конкретных наук.* М.: Канон+ ЗИЦЦИ «Реабилитация». 2007. С.10-30.
152. *Пружинин Б. И.* Рациональность как философская проблема // *Рациональность и историческое единство научного знания.* М.: ИФРАН. 1993. С. 3-21.
153. *Стёпин В.С.* Исторические типы научной рациональности // *Философия, методология и история науки.* 2015. Т.1 №1. С.6-28.
154. *Тулмин Ст.* История, практика и третий мир (трудности методологии Лакатоса) // *Философия науки.* Выпуск 5. *Философия науки в поисках новых путей.* М., 1999. С. 258-279.
155. *Шульга Е.Н.* Концепция рациональности и аналитическое наследие Львовско-Варшавской школы // *Исследование аналитического наследия Львовско-Варшавской школы* С-П: Мир, 2006г. С. 41-71.
156. *Шульга Е.Н.* Проблема научной рациональности в контексте европейского рационализма // *Философия, методология и история науки.* №1 Т.1. М. 2015. С. 38-55.
157. *Шульга Е.Н., Маслова А.В.* Статья «Философские основания медицины Галена»// *Философские науки.* 2015. №7. С.83-97.
158. *Юревич А.В.* Психологические механизмы научного мышления. *Творческое мышление и личность ученого. Грани научного творчества.* М.: Российская академия наук. Институт философии. 1999. С.79-113.
159. *Янковская Е.А.* Проблема объективности и онтология знания // *Полигнозис,* 2014, № 1-2, с. 12-24.

160. *BonJour L.* In Defense of the *A Priori* in M. Steup and E. Sosa (eds.), *Contemporary Debates in Epistemology* (Malden, MA: Blackwell Publishing). 2005.pp. 98-105.
161. *Chudnoff, E.* The nature of intuitive justification. *Philosophical Studies*, 153(2), 2011. pp. 313–333.
162. *Liao S. Matthew* A defence of intuition. Springer Science+Business Media B.V. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, Vol. 140, No. 2 (Aug., 2008), pp. 247-262.
163. *Lycan William G.* *Epistemology and role of intuition // The Routledge companion to epistemology.* New York: Taylor & Francis. 2011, pp.813-823.
164. *Fuchs Ernst* The Problem of Hermeneutics. *The future of Our Religious Past: Essays in Honour Rudolf Bultmann*, ed. J.M. Robinson, trans. C.E. Carlston, R/P/ Scharlemann (London: SCM, 1971), pp. 267-278.
165. *Morris David* Bergsonian Intuition, Husserlian Variation, Peircean Abduction: Toward a Relation between Method, Sense, and Nature // *The Southern Journal of Philosophy.* 2005. 43. pp. 267–298.
166. *Sprevak Mark* Extended cognition and functionalism // *The Journal of Philosophy*,106. 2009. pp. 503–527.
167. *Sosa Ernst* Experimental philosophy and philosophical intuition // *Philosophical Studies*, 132, 2007. pp. 99–107.
168. *Weinberg Jonathan.* How to challenge intuitions empirically without risking skepticism // *Midwest Studies in Philosophy*, 31(1). 2007. pp. 318–343.
169. *Wilson Nicole* Real and imagined body movement primes metaphor comprehension // *Cognitive Science*, L., & Gibbs, R. W., 31, 2007. pp. 721–731.

170. *Zwicky Jan* Mathematical analogy and metaphorical insight // For the Learning of Mathematics, Vol. 30, No. 1 (March 2010), pp. 9-14.